

Report for the Ministry
of Education, Science and
Culture, International
Scientific Research Program
1993-1995(Grant No.05041013)
Headed by Shinji SAITO

平成5-7年度 文部省科学研究費補助金・
国際学術研究(学術調査)課題番号05041013
研究代表者 齋藤晨二 研究成果報告書

В З Г Л Я Д Ы Н А С И Б И Р Ь
シベリアへのまなざし

Ethnological Study of Herders in Siberia
シベリア牧畜民の民族学的研究

齋藤晨二 編
Edited by Shinji SAITO

Nagoya City University,
College of General Education
March, 1996

名古屋市立大学
教養部
1996年3月

目 次

Introduction [序文]	1
Articles [論文]	4
• V.N. Ivanov : History and Culture of People of the Sakha.....	4
• M.G. Turov, K. Inoue : The Ewenki of Middle Siberia.....	11
• S. Saito : Reindeer Breeding in Yakutia [齋藤長二 : ヤクーチアのトナカイ飼育]	98
• H. Takakura : Preliminary Notes on Herding Activity and Skills of a Reindeer Industry in Eastern Siberia : A Study of Northern Yakutia [高倉浩樹 : 東シベリア・トナカイ飼育業における放牧活動及びその技術に関する 予備的考察]	108
• T. Ikeda : The Furbearer Hunting and the Game Management in Eveno-Bytantaiskiy Region, Sakha Republic. [池田透 : サハ共和国エヴァノ・ヴィタンタイスキー地区における毛皮獣と狩猟管 理]	127
• S. Sasaki : Mountain Sheep Hunting at the Kustur Village [佐々木司郎 : クストゥールにおける野生羊猟の過程]	137
• A. Yoshida : Contemporary Situation of Food Culture of the Tundra Nenets, the Reindeer-Herders in the Gydan Penininsula, West Siberia (Yamaro-Nenets Autonomous District) [吉田睦 : ギタン半島のトナカイ飼育ネネツ (ヤマロ・ネネツ自治管区) の食文化 の現況]	156
• Tjeerd de Graaf : Language Minorities in the Sakha Republic (Yakutia)	165
• E. Romanova : Mythological Tradition of the Peoples of Sakha	179

- S. Moukhopleva : Народные Песни Саха 188
- K. Saito : Folklore at the Lower Kolyma Region
[斎藤君子 : コルィマ河下流域のフォークロア] 198
- M. Yamashita : The Belief of Sakha (Yakutia) People in
the Spirit of Fire, Reflected by the Prayers (Algys)
[山下宗久 : 祈禱文から見たサハ (ヤクート) 人の火の信仰] 210
- I. Nagasaki : The Causative in Yukaghir Language
[長崎郁 : ユカギール語の使役態] 218

Appendices [資料類]

- PROPOSALS for Joint Research [共同調査提案書] 228
- Participants [参加者] 229
- Research Sites and Responsibilities [調査地域および担当者] 231
- Map of Research Sites [調査地域概念図] 232
- List of Collected Data and Printed Materials : Miscellaneous
[収集資料一覧] 233
- ЗАКОН о кочевой родовой общине малочисленных народов Севера
[北方少数民族遊牧氏族共同体に関する法律] 247
- Map of the Republic of Sakha [サハ共和国行政区画図] 252
- Place Names of the Republic of Sakha [サハ共和国行政区表] 253

Photo : Shinji SAITO

[写真 : 齋藤 晨二]

[オンライン
非公開]

Introduction

Shinji SAITO
Nagoya City University

We conducted field research in Siberia from 1993 to 1995 to study traditional lives and cultures of the peoples in Siberia. Our research, entitled "The Ethnological Study of Herders in Siberia", was supported by the Ministry of Education's grant international Scientific Research Program (#05041013).

For more than twenty years, the Permafrost Institute Academy of Science in the USSR and the Institute of Low Temperature at the University of Hokkaido have been in close contact through their research on permafrost areas. These two institutes were about to start an international research project as the political climate in the USSR began to change. In 1991 the Permafrost Institute invited myself, along with Prof. Masami Fukuda of the University of Hokkaido, to visit various places in East Siberia. Our invitation was meant to be preliminary work for an international project. During our visit in 1991, we met Prof. R. M. Kamensky, the director of the Permafrost Institute, who also introduced me to Prof. V. N. Ivanov, the director of the Institute of Language, Literature, and History. Prof. Ivanov, whom we met for the first time, proposed a joint research in the area of social science and humanities, showing us the research proposal, which is also printed in this volume.

The research proposal was a unique one, since international joint projects for ethnological studies of Siberia became practically impossible after the establishment of the USSR.

Due to this difficulty, there were very few researchers of this field in Japan, and these few people did their own work in different institutions at different locales. To carry out the plan proposed by Prof. Ivanov, I applied to the Ministry of Education's grant in International Scientific Research Program and invited those Japanese scholars as well as American and European researchers for wider international cooperation. We began our fieldwork by simply visiting the areas and meeting people.

This report consists of papers based on the present field research and also of ones written as guidelines for future research on Siberian history, ethnicity, and culture. I hope the report will become a useful source for looking into more possibilities of future Siberian research.

My original plan was to collect papers from all the participants, but unfortunately it was not possible. I hope other missing papers appear in different reports or journals.

The originals and copies of the collected data appearing in the Appendix are all kept in my office at Nagoya City University. Most participants took many photographs, and some took 8 mm videos and did audio recordings, all of which are kept by the individual researchers. A considerable number of books were also purchased during the fieldwork.

Finally, I would like to express my thanks to Nagoya City, who provided research funding and made this publication possible with their generous support.

January 1996

序 文

名古屋市立大学 齋藤 晨二

私たちは、1993～1995年にかけて文部省科学研究費補助金（国際学術研究 学術調査）の交付を受けて「シベリア牧畜民の民族学的研究」をテーマにシベリア諸民族の伝統的生業とその文化の学術調査を現地に赴いて実施した。

この調査のきっかけは、私が1991年の夏に北海道大学低温研究所の福田正己教授とともにヤクーツク市にある当時のソ連科学アカデミー永久凍土研究所の招待で東シベリア永久凍土地帯各地を訪れたことに始まる。この両研究所はすでに20年来、凍土の調査を通じて密接な協力関係にあったが、新たな政治情勢を背景に本格的な共同研究を開始しようとしていた。この招待はそのための予備調査であった。

この旅行の際、永久凍土研究所のR. M. カメンスキー所長から私は、同じく科学アカデミー言語・文学・歴史研究所のV. N. イワノフ所長を紹介された。同所長は初対面の私にこの報告書に掲載したPROPOSALを示され、人文科学の分野での共同学術調査を提案された。

ロシアの研究者と外国の研究者共同のシベリアの民族学的調査はソ連邦成立以後、事実上不可能になっていたから、これは画期的な提案であった。

しかし、現地調査が不可能であったこの地域を研究対象としている日本の研究者は極めて少なく、その数少ない研究者が各地の大学や研究所に分散して個別に研究を行っているに等しかった。イワノフ所長の提案を無にしないために行いえたことは、私が代表者として科研費を取り、分散している研究者にできるかぎり多く参加していただいて、現地を見ることから始めるしかなかった。また、国際的な共同研究としての幅を広げるためにヨーロッパ、アメリカの一部の研究者にも参加をよびかけた。

この報告書は今回の調査の成果、あるいはシベリアに関する歴史・民族・文化の学術調査の指針を示した文を集めたものである。シベリア研究の今後の可能性を探るための一資料になることを願っている。本来、関係者全員のレポートの収録を目指したが、残念ながら今回は投稿していただけなかった方々もおられる。それぞれ別の機会に成果を発表されることを期待している。

なお、巻末に収録した収集資料はそのオリジナルまたはコピーを私の研究室に保管している。また、現地調査に参加したメンバーのほぼ全員が多数の写真を撮影したほか、数名の者は8ミリビデオあるいは録音テープによる記録も取っており、それぞれ本人が保管している。現地で入手した書籍類もかなりの数にのぼることも付記する。

この学術調査に際しては、名古屋市からも研究調査費そのほかの援助をいただいた。本報告書もそれによって出版することができた。記して感謝の意を表したい。

1996年 1月

History and Culture of the People of Sakha

V.N. Ivanov

Doctor of History, professor

Sakha (since 17th century they are known as the Yakuts, from Evenk "Yakoltsy"), the people in the Russian Federation, the main indigenous population of the Republic Sakha (Yakutia). Today Sakha occupy Middle Lena, Lower Aldan, Vilui basins, the lower Olyokma, the Far North areas - along the rivers Olenyok, Anabar, Yana, Indigirka, Kolyma; small groups of Sakha live in Amur and Magadan regions; about 400 people - in China. Size of the population is 382.255 people, 365.236 people live in the Republic (according to information of 1989, January, 1); at present Sakha are more than 400 thousand people. Sakha belong to Central-Asian variant of the Northern-Asian race of big Mongoloid race. Sakha language is included in the Turkic North-East subgroup of Altai languages; it includes Mongolian elements, borrowings from Evenk and Russian languages.

Sakha and Russian were declared official languages of the State. Writing is on the basis of Russian alphabet.

Sakha ethnogeny is very complicated. Ancient Turks of Central Asia or Southern Siberia are considered the Ethnic basis of their formation. Isolating from Turkic environment rather early, they were on Baikal for some time, there they came into contact with the Mongolian speaking Buryats. Approximately, since 10th century their migration to the Middle Lena began; cultural-historical and linguistic interactions with the local peoples (Evenks and Ukagirs) have taken place here. The complicated process of stock-breeding culture in extreme climate conditions of the North spreading was shown in historical Sakha legends about the cultural heroes-ancestors Omogoi and Elley, in epos-olonkho as well. Confirmation of cattle and horse culture, based on the haymaking-pasture economy in the Arctic zone was historical service of the people Sakha before mankind.

In 17th century (the twenties, thirties) Lensk territory was included in Russia; Sakha became one of the peoples of the biggest multinational state of the world. By this time Sakha have presented the unified people, which sharply differed from their neighbours-Evenks, Evens, Ukagirs-by his material and intellectual culture, connected with settled life. They settled in Lensk-Amga interriver and in the river Vilui mouth, some groups- on the river Olyokma and in the upper Yana. They divided into tribes, that was written in the first yasach books; there were about 40 tribes (Kangalas, Nam, Menge, Borogon, Boturusakai, Betuin, Duipsuin, Maljagar and others). They were at daggers drawn because of lands and cattle, desire for making intertribes consolidations as well. The Kangalas tribe with Toion Tygyn on the head was particularly aggressive, they competed with the Borogons, whose leader was Logoi. Both Tygyn and Logoi were exponents of tribes unity idea, they were hereditary chieftains of tribes, who came from aristocratic families; they were confined to the druzhina. The process of

Yakut social development was at the forming of statehood rudiment.

The inclusion of Yakutia in Russia interrupted this process. Hostiling, competing consolidations fell under new state order; yasach taxation included in district state system (Yakut uezd forming), Sakha living places; administrative border was appeared in confirmity with general line of the indigenious people settlement; the standarts of Russian legal procedure were spread; they began operated by local administrative mashinery of the state.

Severe yasach oppression, violence and abuse of yasach collectors, ordinal officials made Sakha settle in outlying districts, mainly in the North-West and North-East. Isolated groups (Olyokminsk, Olenyok, Anabar, Verkhoyansk, Kolyma) were forming gradually there with its economic-cultural peculiarities; in science they are called the Northern Sakha. These groups perceived a lot from North indigenious population (Evenks, Evens, Ukagirs), but they also exercised cultural influence on them.

In 17th century according to their economic and social development Sakha were superior to their neighbours. They were engaged in cattle-breeding (cattle and horse breeding); Sakha developed particular economic regime, different from South cattle-breeding nomadic regime in specific Nature climatic conditions of the North. Sakha cattle-breeding was settled, supposing stall upkeep of the cattle; pasture cattle was used only in summer period. So it was based on haymaking, which was the basis of the preservation and reproduction of the cattle. They mowed with iron scythe. Hay stocking up was the main worry of each family.

Hunting was important branch of production. They hunted bears, elks, hares, squirrels, foxes, sables, wolves and other animals. Duck, goose shooting and other aquatic games was widely practised. In 17th century Sakha did not know fire-arms; hunting-tackle was made of wood, skin, horse hair and iron. Spear, bow with iron tip arrow were wide-spread. Till the 19th century Sakha maintained the traditional steppe hunting method-driving the beast on horseback away. They always used dogs; there was method with a bull-hunter stole up to his quarry, hiding behind the bull, which he drove in front of him. Hunting gave Sakha almost all the necessaries: food, clothes, exchange things; since 17th century it served yasach taxation.

Fishing was also developed; it was spread all over the territory of Sakha settlement, but especially with Vilui and Yana Sakha. They fished with seines, made of horse hair, nets, landing-nets and tuu. By the 17th century property catching predominated over the collective, though it kept (especially in autumn) when they divided the quarry between all the participants. Fishing was combined with cattle-breeding, but it was constant trade of the poor, their source of existence.

Sakha gathered herbs, which gave them different ration of additional food. In the old days they widely used pine sap-wood (inner layer of bark), stored up it in dried state; picked berries (red bilberries, red, black currants, wild strawberries), culinary roots, greenary (wild onion, horse-radish, sorrel).

Craft industry was developed, it mainly served cattle-breeding needs. Only blacksmith's business began to come off agriculture, but its products sale had episodic nature. Local iron-ore extraction existed in the middle Lena, Vilui and Aldan areas. Instruments and weapons made of iron were used in hunting and fishing. On the basis of local deposits "the silver" business became rather widespread, providing the Yakuts with articles of ornaments. Among other craft branches the leather industry was very popular, which made clothes and footwear, some household goods. Sakha processed and worked up cattle-breeding production, especially milk, but it was home-made methods. Wood and birch bark processing (various household utensils and dishes) and "bone" business (carved articles from mammoth bone) were well known. Sakha were occupied with earthenware; they were skilled craftsmen: furriers, blacksmiths, carpenters, wood and bone carvers.

In 17th century the birth of ownership of land might be observed; as to ownership to cattle it was still up to Russian period. Social treatment were remarkable for sharp property differentiation, society stratification to the rich and the poor. Toionat (tribal aristocracy) had large cattle-breeding production unit; cattle enumeration in 1642 revealed families, where were 200-300 heads, mainly the horned cattle. These families were served by the poor's labour, who had no cattle and land.

Sakha society was developing on class relations formation in 17th century, what was precipitated under Russian historic process influence. Sakha toionat first of all experienced its influence- Moscow administration pursued a consecutive policy of alliance with toionat and toionat got powerful-legal support from the direction of powerful state. Two audiences Russian Tsar gave to Sakha toions (in 1677 and in 1685) testified it. It gave them a chance to make come back their lost judicial-administrative power over the people and keep their position in ulus; toionat changed into semi-feudal aristocracy.

Subsequently Russian influence on local processes have still more intensified. It was connected with all Russia market spread in krai --import of Russian industrial goods and export of furs, mammoth bones. Spread of Russian metal money has began, which ousted gradually the old "money" of Sakha--cattle and furs. New things and articles have appeared: agricultural products, instruments, household articles, materials etc. Since 17th century in economic plan Sakha have already become familiar with new trade-agriculture; in social-economic plan- yasach politics, trade development, agriculture, various administrative and legislative measures promoted the consolidation of feudal regime. Russia had such effect on Sakha, what was typical for late feudalism, its standards became determinative here.

Sakha being under the influence of Russian political system, got used to new position, even began solicit those privileges, characteristic for social and other institutions in Russia. So, since eighties of 17th century Sakha specially went to Moscow to get the Ulus prince title, thanks to what they could approach to Russian official administrative strata. The logic continuation of such aspirations became the acquirement of Boyar children,

at early 18th century noblemen's rank by some toions. The decree of Irkutsk provincial office of September, 19, 1732, more consolidated judicial-administrative prides of Sakha toions, let them decide all the "matters" except of criminal.

Toionat asserted its rights in new position project working out Comission (1767-1774) where Sofron Syranov, the prince of Kangalas ulus, took part. He succeeded in getting deputy status from Ekaterina 11 personally. In 1789 Alexei Arzhakov, the head of Borogon ulus, was at a reception with Ekaterina 11 and presented her "The plan about the Yakuts", which would provide Sakha self-government, that could unit everybody under region head power; power restriction of assessors and ispravnic; land assignment for eternal proprietorship to whom cultivated it first and others. However, Sakha did not get both rights and duties legalization, and power extends of their stocks up to 1822. Only "Rules about administration of heterogeneous men Siberia", prepared by M.M.Speransky and confirmed by Tsar in July, 22, 1822, legislatively widened the political rights of toionat, strengthened its administrative, policy, judicial power in uluses.

Yakut steppe council, existing during 1827-1837 showed toions aspirations for nobleman's title and landed estates, forming toion region court and founding of the post of region head, but it was failed. Sakha have lived within the framework of legal standarts up to 1917, established by "the Rules": the endeavour to organize the Liberal toion organization "Union of the Yakuts" in 1905 and Sakha deputation work at the celebrations on the occasion of 300th anniversary of the Romanovs did not change anything in established order.

Right until early 20th century "paternal stock" and "maternal stock" continued its function, though there was no stock as social-economic category.

Sakha mainly rode, carried their loads by pack. Ski, nailed with horse skin on, sledge with runners made of wood with rootstock, which had natural curvature; later Russian type of sledge, getting down to bulls, were popular. In the North - deer's sledge; boats, common with Evenk's made of birch bark or wood; sailing boats-karbaz, which were borrowed from the Russians were well known.

Winter settlements were near by haymaking and consisted of 1-2 jurtas (nomad tents), summer--near by pastures, numbered up to 10. Jurta had the inclined walls from standing thin logs or poles and low gabled roof. The walls were covered with clay and manure outside, the roof over its planking was covered with root and strewed ground. The house was put according to world's sides: entrance was in the Eastern part, windows- in the Southern and Western part, the roof was orientated from the North to South. The earth was built in the North-East corner on the right of the entrance, cylindrical chimney was built from poles, covered with clay there was opening in the lower part, the upper got outside through the roof. In winter the hearth was heat constantly, it heated and aired the house well. There were built wooden beds along the walls; bed, laying from middle of the Southern wall to Western corner considered the honoured place. With

Western part it formed honoured corner of the jurta. Further to the North there was the head's of the house place. There were place for young men, housemaids and not honoured guests on the left of the entrance. Women place was at the hearth. There were round or rectangular table and stools in front corner. Household utensils consisted of wooden plates, spoons, bowls, various birch bark dishes. Factory made dishes appeared later, under Russian influence.

They built cattle-shed (khoton) from the Northern side of jurta, that had the same construction as jurta. Often the cattle-shed and jurta were built under one roof, separated from each other with thin barrier; door to shed was behind the hearth. In front of the jurta entrance they built a roof or a lobby. Jurta was surrounded by low embankment often with fence. There was tethering-post in the yard. Farstead was fenced round with poles without a gate (they took the poles out in some place for entering the horse, pedestrians simply stepped over it). Summer houses did not differ from winter one much. Instead of khoton there was calf-house, rooves. Conic buildings from poles, covered with birch bark (urasa) were found up to the late 19th century. Its shell consisted of 4 big vertical poles and upper square frame. Birch bark was closely sewed together in two layers. In the North such sort of dwelling was well preserved; instead of birch bark they used turf. Since 18th century 6-8 angle log jurta with piramidical roof, Russian izba (peasant's house) and various mixed houses spread. Towers-ambars-which belonged to toions were found up to 19th century. In 17th century they built towers, so called ostrogs.

Traditional men's and women's clothes--short leather trousers, fur belly coat, leather shoes, single-breasted caftan, fur in winter, in summer made of horse or cow's skin; the rich wore caftans made of materials, which were bell-bottomed with 4 gussets and with loose sleeves, at the waist there were additional gussets; shirts appeared later, apparently under Russian influence. Men tried leather belts with knife round their waist, the rich - belts with silver and copper engraved badges. In winter Sakha wore collar made of squirrel tails, which covered the low part of the face. Festive women fur long caftan was very popular. It was very valuable and handed down on legacy, it was close to Altai chegedek by its style, only was differed with right slit. Head gears - fur, like bashlyk, cap with keen top and ear-flaps; fur bonnet similar Evenks; festive women fur cap with high flat top, where were round silver badge or other ornaments. Footwear--winter top boots made of deer's or horse's skin with fur outside, summer boots made of easy leather with woollen boot-top; women's- with applique work, long fur stockings. The dress of rich women was decorated with embroidery, applique work, silver articles: chain, earrings, bracelets, rings and others.

The main food - milk, especially in summer: koumiss made from mare's milk; from cow's milk - yoghurt, cream, butter, which they drank in melt or with koumiss; yoghurt was prepared in the form of tara, freezing it in a big bowl, adding berries, roots, bones, etc. for winter; also they did butugas (thick soup) by adding water, flour, roots, pine sap-wood. In 19th century barley flour came into use: they did unleavened scones, thick pancakes, thick

soup - salamaat. In Olyokminsk district vegetables were well known. Fish was the main food of the poor and the Northern districts inhabitants, who had no cattle. They ate fish in raw, cooked, fried, frozen and pickled forms. Meat was used by the rich. Foal's meat was especially valued.

Family. Up to 19th century polygamy was kept up, wives lived separately and did the housekeeping. Asking to marry, payment of kalym preceded the marriage (survivals of the eozogamy): they tried to choose fiancée in other village and even ulus. Usually kalym consisted of cattle, a part of which was for wedding. Fiance relatives prepared kalym, fiancée's distributed it. Fiance got dowry, that was a half of kalym-partly with cattle, but mainly with clothes and dishes. The wedding was accompanied by dances of the youth, games, lavish fare.

The Orthodox was spread in 18-19th century. The Christian cult - church visit, cross wear (women wore silver cross), icons hanging in front corner of the jurta, etc. - was combined with shamanism. Shaman tambourine, oval, with wide rim, was close to Evenks'. Shamans-men (oioon) and women (udagan) - often came from the same family. Each shaman had his spirit, protector (emeget), whose picture was made on dress in chest place in the form of copper badge and an animal - his double with belief in various spirits: kind (aiyy), evil (abaasy), spirits of dead shamans and deceased before the proper time or came to a violent end, spirits-goblin and others. To Sakha belief the World consisted of some storeys: Uiruing Aiyy Toion, the head of Upper world and Ala Burai Toion, the head of Lower world. They sacrificed horses to Upper spirits, cows - to Lower spirits. Aiyyhyt, goddess of fertility had significant meaning. The main summer holiday - Ysyakh, accompanied with koumiss drinking from big wooden cups (choroon), games, competitions. "White shaman" Aiyy Oioon operated this holiday. Elements of totemism were preserved: each family had its animal-protector, which was forbade to kill, gave the name of it. Bogatyr epos (olonkho) was developed in folk-lore, which was performed by story-tellers; historical legends-bylyrgy sehenner (old stories) and ebuige sehenner (ancestors' stories) about Sakha ancestors Omogoi and Elley, who came swimming on Lena from the North; fairy-tales (ostuoruia from Russian "story") especially about animals; proverbs; riddles; songs. Sakha had two types of song - uplifted in a falsetto voice (kylyhakh), creating the effect of two voices; music fragment of olonkho, algys (glorifying, blessing), song improvisations were performed by it; by usual songs were performed love, dannee, comic and other songs, circular dance ohuakhai songs. Special songs were connected with shamanism (oioon kuturuta, udagan yryata), cliquishist. Traditional music instruments - vargan (khomus), violin, percussion instruments, shaman's tambourine. Circular dance ohuokhai, known in various versions (khaigatar, Olyokminsk, etc.), game dances - atakh tepsi, jierenkei, kulun-kumurusu, etc. were very popular.

Artistic carving on wood and mammoth bones, wood painting with alder brew, casting, engraving on copper, silver blacken, plaiting from horse hair, leather and fur processing, embroidery, applique work were developed. Black, red, yellow, blue were predominant colours. Ornament was mainly

geometrical, in engraving and birch bark squeezing--symmetrical ringlets, palmettoes; meanders; two-horned motive in cheprak was typical.

Such are the elements of traditional culture of the people Sakha. Of course, it changed much under urbanization influence last seventy years.

The Ewenki of Middle Siberia "Survival" viewed in the retrospective of an ethnic history

Mikhail G Turov
Irkutsk University, Russia
Koichi INOUE
Hokkaido University, Japan

It is not new in ethnology, at least in the Russian ethnology, to raise the question how classless societies might be able to cope with their "survival" in the process of integration to the structure of developed civilizations. This topic has been actively discussed in Russia since the mid-19th century.

The authors of the present article are of the opinion that the contemporary Ewenki people have surpassed the verge of "extinction", which threatened them during the mid-19th and the beginning of the 20th centuries. The census data on the indigenous population in Siberia for 1959-1994 reveal slight increase in the Ewenki population, amounting a little more than 30,000.

Partially because of this, we have got interested in the following topics;

- 1) the Ewenki ancestors' experience in their ethno-cultural adaptation to natural as well as ethnically heterogeneous social environments, which had been accumulated since the 17th up to the 70s of the 20th centuries,
- 2) prospects for the "survival" of the Ewenki culture, as well as for its partial reconstruction, and the possibility of its further development under the contemporary situation of Russia.

Ethnic history of the Ewenki, extending from the earliest time to the present days, might well temporarily be divided into the following four stages: 1) "pre-Russian" stage, 2) the stage of the Russian colonization, 3) Soviet stage, 4) the contemporary stage.

For each of the stages indicated above, we observe its own peculiarities in the development of ethnic processes. On the other hand, they all are characterized by the following common features:

- 1) throughout the whole observed period of the Ewenki ethnic history, the Ewenki adapted themselves to permanently, and sometimes rather sharply, changing natural, socio-economic, and ethno-cultural environments,
- 2) the adaptation, which was accompanied by the absorption of heterogeneous ethnic substrata and also by a number of borrowings in the field of both material and spiritual culture, prescribed the process of formation and evolution for the Ewenki culture in Middle Siberia.

The authors consider that the ethnic consolidation process, and the establishment of a common Ewenki culture as well, were accelerated by their inclusion to the Russian statehood and were finally accomplished towards the 50s of the 20th century.

Despite the absorption of many ethnically heterogeneous elements into their own culture as a whole, and the inter-ethnic marriages which were especially frequent in the second half of the 19th century, the Ewenki of the pre-Soviet stages were not assimilated, even by the numerically overwhelming Russian population, and basically succeeded in preserving a larger portion of their ethnic distinctive features. What decisively promoted to this are the conservation (including the artificial one) of traditional forms of nature exploitation, a special status of "inorodtsy" (indigenous ethnoses) in the social structure of the Russian state, and language preservation.

Contemporary prospects for the Ewenki "survival" in the structure of "post-Soviet" Russia, according to the authors' opinion, will be defined by the factors mentioned above, as well as by the abrogation of total state protection, which will endow ethnoses with the right and possibilities to independently choose their paths for economical, social, and cultural development. These aims are found on the basis of the law draft "The Foundation of Juridical Status for the Indigenous Peoples of the North in Russia", which has been proposed for further discussion. The authors think it actual in solving problems of the Ewenki "survival".

Besides, there should be a remark that the "traditional nature exploitation", suggested by the law draft as a "foundation" for cultural revitalization, can be applicable only to a numerically smaller category of the pastral Ewenki who permanently live outside of settled points.

Highly evaluating a prospective role of language in the ethnic consolidation process, the authors are eager to make a short remark that under the present situation the establishment and development of a common Ewenki literary language will eventually play an actual role in promoting bilingualism in the spheres of inter-ethnic mutual understanding, education, and culture not only for the Ewenki but also for those ethnic groups (Russians included) who live side by side with them.

ЭВЕНКИ СРЕДНЕЙ СИБИРИ.

"Выживание" в ретроспективе этнической истории.

М.Г. Туров

Иркутский университет, Россия

К. Иноуэ

Университет Хоккайдо, Япония

Проблема выживания малочисленных этносов Сибири, понимаемая нами как проблема адаптации к меняющейся природной и социальной среде и сохранения этничности, имеет обширную историографию. Пробуждение интереса к ней, по всей видимости, относится к рубежу XIX - XX веков и связывается с общей гуманизацией сознания просвещенной части российского общества, с растущим интересом к "до-историческим" цивилизациям, которые оказались на периферии экономически развитых государств. Отечественная публицистика и сибиреведение начала XX столетия, помимо научных данных о культуре "до-исторических" народностей, были насыщены рассуждениями по поводу того "вымирают-ли инородцы и что делать для их спасения"¹.

Сегодняшний интерес к проблемам коренного населения Севера реанимирует прошлые искания российской общественности, временно ушедшие в тень официальных утверждений об успехах в решении "национального вопроса". Современные средства массовой информации фиксируют малочисленные народы Сибири на грани полного распада национальной культуры и исчезновения с этнической карты мира. Ситуация серьезная, хотя, быть может, и не столь мрачная как ее представляют. Широкому кругу отечественных этнографов она известна уже достаточно давно. Многочисленные попытки выработать методы вывода культуры малочисленных этносов из кризиса и обратить внимание правительства на весь спектр проблем Севера, очевидно, предпринимались уже в период "хрущевской оттепели" 1956-64 гг. Между тем до сих пор остается загадкой, что легло непреодолимой преградой на пути обширного потока информации о негативных явле-

ниях в среде этих народностей, отчего действия правительства были малорезультативны, а многочисленные госпрограммы "дальнейшего социально-экономического развития районов Севера" не меняли ситуацию к лучшему, рождали новые острые проблемы, ставшие сегодня не только объектами научных исследований, но и предметом обсуждения, сферой активных действий в защиту национальных интересов всех слоев коренного народонаселения Сибири.

Исходных причин, определявших постепенное разрушение культуры малочисленных этносов, больше чем достаточно. Медвежьё услуго в свое время оказало в целом благородное желание быстрыми темпами вывести коренные этносы Севера из первобытного "дикого состояния", подтянуть их культуру до уровня индустриально-аграрных обществ. До сих пор бытуют представления, что общества охотников-рыболовов представляют собой "первобытную периферию классовых обществ", являются этническими образованиями переходного, маргинального типа, хозяйство, материальная и духовная культура которых находятся на обочине мировой цивилизации. Коренные народы Севера представляются общностями вне времени и пространства, потерявшими смысл жизни и нормальное соответствие между тягой к культурным традициям прошлого и теми новациями, которые были в них заложены в годы советской власти.

В научных кругах, особенно среди национальной творческой интеллигенцией, широко распространена идея, что единственный выход из кризиса заключается в возвращении коренных этносов к утраченным традициям хозяйствования и быта, к "заповеданным предками" обычаям и воззрениям, и сегодня демонстрирующим чуть-ли не безальтернативное единение общества со средой обитания. Нередко предлагается изолировать коренные этносы в охраняемых от пагубного влияния индустриальной цивилизации "территориях традиционного природопользования", оградить их правовыми статусами "национальных автономий и поселков", населенных исключительно лишь "коренными жителями". Нам представляется, что в обеих позициях существует масса рационального. Вместе с тем, проблема "выживания" охотников-оленьеводов кажется нам далека от своего разрешения и предлагая свое понимание ее существа мы исходим из следующего.

Проблема "выживания" решалась народами Севера на протяжении всего периода этногенеза и этнической истории, в сложном процессе культурной и биологической адаптации в природной и социальной

среде. Накопленный в этом процессе опыт был актуален в тех условиях относительно полной изоляции, в каких находилось большинство коренных этносов Сибири еще в начале нынешнего столетия. В настоящее время большая часть коренного населения расселена и хозяйствует в резко изменившейся социально-экономической среде. Существенные изменения произошли в традициях хозяйствования и социальной структуре самих коренных этносов. Все это приводит нас к мысли, что прошлый опыт "выживания, сохранения своего этнического лица" сегодня уже почти "не работает". Вместе с тем, основные цели наших исследований достаточно четко формулируются следующей мыслью, принадлежащей А. Дж. Тойнби: "урок истории больше похож не на гороскоп астролога (предсказывающего будущее -М.Т.), а на навигационную карту..., которая дает мореходу... средство... проложить курс..."². В соответствии с этим наши задачи включают: анализ того, как проблема "Выживания" решалась коренными этносами в прошлом и как она решается сегодня, что определило неудачи многочисленных программ социально - экономического развития коренных этносов и что, на наш взгляд, следует предпринять, чтобы если и не решить проблему сегодня, то хотя бы наметить основные условия ее решения. В качестве источниковой базы нами используются материалы по этнографии эвенков Енисейско-Ленского междуречья, как рассеянные по литературным источникам, так и собранные нами в ходе многолетних полевых исследований.

"Дорусский" период этнической истории эвенков

Изучение ранних этапов формирования этноса, приводит многих исследователей к выводу, что основные атропологические, языковые и хозяйственно-культурные дефиниции, отделяющие эвенков от остальных коренных этносов Сибири, сложились в глубокой древности и в почти неизменном состоянии донесены до начала "советского периода" этнокультурной истории³. Вместе с тем, многочисленные данные свидетельствуют, что изоляция эвенков на всех этапах этногенеза и этнической истории, по всей вероятности, не была абсолютной, а большая часть этнокультурных дефиниций не только имеет смешанное происхождение, но и указывает на существенные отличия разных территориальных объединений эвенков в языке, в формах хозяйства и материальной культуры. Этноним "эвенки", как известно, был официально введен и соединил в народность территориально изолированные

группы этноса лишь в 1930 году, не только прочно вошел в научную литературу, но и приобрел все признаки этнического самоназвания. До этого времени, в среде относимых к "тунгусам" групп охотников-оленоводов бытовало несколько самоназваний, происхождение которых не поддается окончательной расшифровке⁴. Эти обстоятельства дают, как нам представляется, основание предполагать, что консолидация территориальных общин эвенков в единое этническое целое завершилась лишь в последние 40-50 лет.

В начальный период русского освоения Восточной Сибири, западная субэтническая группировка эвенков населяла большую часть таежных территорий Енисейско-Ленского междуречья, т.е. бассейны всех трех Тунгусок и побережье оз. Байкал. Судя по материалам переписей ясачных плательщиков общая численность данной группы составляла 12 тыс. человек. Только в границах нынешней Иркутской области проживало около 5,5 тыс. эвенков⁵. Занимая определенно изолированное положение в общей структуре коренного населения Восточной Сибири, западные эвенки распались на ряд территориально-соседских общин, пришедших на смену патриархально-родовой общине⁶ и представлявших собой экономически и территориально обособленные объединения связанных брачными узами патронимий⁷. Территориальная изолированность соседских общин, подчеркнутая достаточно обширными незаселенными эвенками пространствами, являлась ни чем иным, как обычным для всего типологического ряда охотников-собирателей способом адаптации к природным условиям, наиболее оптимальной формой организации системы жизнеобеспечения. Социальное и экономическое обособление более крупных чем соседская община территориальных подразделений этноса, локальные особенности их этнокультурного развития, отчасти объяснимые с позиций давних межэтнических контактов с соседями, определяли их языковую и хозяйственно-культурную пестроту и неоднородность⁸.

Еще в "дорусский период", этническая история эвенков характеризовалась процессами активного смешения с иноэтничным населением, взаимной аккультурацией и ассимиляцией отдельных компактно расселенных групп. В северной части Средней Сибири ("Север Средней Сибири", "Подкаменная Тунгуска" и "Нижняя Тунгуска"⁹) контакты с самодийцами приводили к формированию смешанных по происхождению родов. Аналогичные по генезису группы, носящие эвенкийские родовые этнонимы, отмечались в устьевой части Нижней Тунгуски и к се-

веру от нее, среди населения Нижнечумской, Карасинской и Хантайской волостей¹⁰.

Очевидно не позднее рубежа XVI-XVII веков северозападные районы современной Якутии, верховья Вилюя, бассейны Оленека, Анабара, Хатанги стали зоной контактирования эвенков со скотоводческими группами якутов. Даты начала проникновения якутского населения в интересующие нас районы весьма противоречивы. В Исторических сказаниях и родовых преданиях эвенков¹¹ в нескольких записях сюжетов о подвигах эвенкийских сонингов Нюргоула (военный предводитель группы Илимпийских и, возможно, Ессейских эвенков), Урона и Унгковуля (Юнгкээбил якутских "олонхо", военный вождь оленекских эвенков) повествуется о том, что первые контакты с якутами были отнюдь не мирными и относились к началу XVII столетия - времени образования административных волостей. На этой же датировке проникновения якутов в исконно эвенкийские земли настаивает И. С. Гурвич¹². В. А. Туголуков, очевидно разделявший точку зрения Г. В. Ксенофонтова, считает, что первые выходы якутских скотоводческих групп могут датироваться XII веком, а массовое переселение якутов на запад от р. Лены происходило в XIII-XIV веках¹³.

Переселение якутов в северо-западную часть Средней Сибири сопровождалось ассимиляцией части северозападных эвенков. Очевидно по этой причине с XVII до начала XX века численность якутов резко росла, увеличившись за 250 лет с 28-30 тыс. до 226 тыс. человек¹⁴. Продвижение якутов на исконно эвенкийские территории нередко встречало сопротивление объединявшихся в военно-политические союзы эвенкийских родов, что собственно и отражено в эвенкийском и якутском фольклоре. Кроме того, имевшие оленей и потому свободные в передвижениях эвенки предпочитали территориально изолироваться от пришельцев, переселиться в незанятые эвенкийским и самодийским населением районы.

Расселяясь на север - северо-запад, якуты стремились сохранить традиционный скотоводческий уклад хозяйства. Однако это удавалось лишь в отдельных, благоприятных для скотоводства районах - в верхнем и среднем течении Нижней Тунгуски, в среднем течении Лены. Так в 20-х гг. XIX века численность якутского скотоводческого населения Киренского округа Иркутской губернии составляла всего около 200 человек, а к концу этого же столетия она, за счет усилившегося потока переселенцев, возросла до 2727 чел. обоего

пола¹⁵. Контактировавшие с переселенцами малооленные и безоленные эвенки, в результате смешанных браков были якутизированы, хотя и сохраняли свое этническое самоназвание¹⁶. Смешение культур к началу XX в. завершилось формированием нового типа хозяйства, сочетавшего приусадебное земледелие и скотоводство с сезонной зверовой и пушной охотой, сетевым рыболовством. Так в устьевом участке притока Нижней Тунгуски - р. Илимпеи и к северу от нее сложилась смешанная по культуре и происхождению группа "илимпийских эвенков. Ряд источников отмечает, что илимпийская группа воспринималась остальными эвенками как "чужеродная", а река Илимпея разграничивала уголья двух враждующих между собой территориально-соседских общин (диалектных групп). Кочевые семьи катангских эвенков, в прошлом приписанные к Кондогирской волости Иркутской губернии, в сезоны промыслов опасались переходить эту границу, также как не пускали на свою территорию "илимпейских".

К началу русского освоения Подкаменной Тунгуски эвенкийское население этой территории было довольно малочисленным, по данным списков ясачных плательщиков, выходивших для обмена пушнины к двум торговым зимовьям, насчитывало не более 400 человек. К началу XVIII века численность эвенков в этом регионе несколько увеличилась¹⁷. Скорее всего это произошло вследствие активного переселения групп Ангарских эвенков и отдельных патронимий эвенкийских родов с верховий Нижней Тунгуски. Судя по этнографическим источникам XVIII- первой четверти XX века, большинство эвенков Подкаменной Тунгуски было малооленным и относилось к категории "сидячих" (оседлых, "лодошных") охотников-рыболовов. Особой малочисленностью оленьих стад отличались роды Кордуяль, Кочениль, Куркагир, Лопоколь, Момоль, Момоча и Хорболь, носившие название "ганальчи" ("стрелки из лука")¹⁸. К. М. Рычков связывал малооленность подкаменнотунгусских эвенков со специфичной для района слабой развитостью кормовой базы - ягельных пастбищ¹⁹. Не исключено, что это объясняется также тем, что значительная часть эвенков этого района была выходцами с Ангары, которые еще в XVII-XVIII вв. характеризуются как "пешие" охотники, имевшие в хозяйстве не более 5-10 оленей и активно использующие в качестве транспортного средства собачьи нартяные упряжки²⁰.

Родовые предания эвенков свидетельствуют о том, что "ганальчи" находились в постоянных враждебных отношениях с оленными соп-

леменниками²¹. Достаточно напряженные отношения на рубеже XVII-XVIII веков существовали у "ганальчей" с кетами, которые неоднократно пытались обосноваться в нижнем течении Подкаменной Тунгуски. По сообщению А. Ф. Миддендорфа, в первой половине XIX века кеты освоили бассейн реки вплоть до устья ее притока р. Вельмо²². Вместе с тем вооруженные столкновения не исключали достаточно развитых товарообменных отношений. В обмен на оленей и меха эвенки получали от кетов луки и стрелы, оснащенные птичьим оперением и считавшиеся у эвенков лучшими как по дальности боя, так и по пробивной способности железных наконечников стрел. Можно также предполагать, что в результате межэтнических браков и захвата пленных часть кетов вошла в состав эвенкийских родов, со временем социализировалась в эвенкийской среде под названием "ибдери - введенный". Очевидно с этим В. А. Туголуков связывает возможность распространения среди Сымско-Кетской группы эвенков навыков железоплавления²³.

В Прибайкалье (верхнее течение Ангары до устья р. Илим и в бассейне р. Лены до устья ее притока р. Киренги), очевидно задолго до русского освоения данной территории, группы малооленных и безоленных "сидячих" эвенков находились в "киштымном" подчинении и активно ассимилировались предками современных западных бурят. Контакты эвенков и бурят не были в прямом смысле отношениями "сеньора" и "вассала". Одной из важнейших сторон бурятско-эвенкийских связей была меновая торговля. В обмен на привозимую эвенками пушнину буряты давали лошадей (с успехом заменявших охотникам отсутствующий олений транспорт), рогатый скот, "сложносоставные" луки, более дальнобойные нежели традиционные эвенкийские луки "одnodеревки". С этим же связано широкое распространение среди прибайкальских эвенков таких товаров как просо, соль, импортируемые из Монголии и Китая табак, чай, ювелирные и металлические изделия местных бурятских кузнецов и т. п.

Киштымная зависимость эвенков от бурят, кроме обязанности ежегодной уплаты ясака по 2-3 соболя с охотника, предусматривала военную защиту первых от нападений соседей²⁴. Давние связи, в том числе по линии взаимных браков, приводили к взаимному смешению эвенкийских и бурятских субстратов. В результате, значительная часть западных бурят до сих пор в своих родословных отмечает эвенкийские корни, а часть записывавшихся тунгусами жителей При-

байкаля являлась по существу аккультурированными бурятами, сменила традиции хозяйствования, полностью перешла к оседлости и сменила свой язык на бурятский²⁵. Наибольшей интенсивности ассимиляция эвенков достигла в связи с введением русского ясака. Считавшиеся основными поставщиками пушнины, эвенки облагались ясачной повинностью в пять раз большей, чем живущие смежно с ними буряты²⁶. Быть может для того, чтобы избежать принудительных выплат ясака, эвенки охотно перечисляли себя в те роды бурят, в киштымной зависимости которых они находились в "дорусский" период.

Исследования среди эвенков Приангарья²⁷ свидетельствуют о том, что тесные отношения эвенкийского населения поддерживались с районами расселения тофов и окинских сойотов. Наши респонденты - Елена и Надежда Рукосуевы, сообщали, что еще в начале XX в. эвенки ходили в эти районы с торговлей, в результате которой среди Ангаро-Чунских эвенков имели широкое хождения самодельные ружья туркских кузнецов. Эвенкийские роды, населявшие нижнее и среднее течение Ангары и ее левобережные притоки еще до начала русского проникновения в южное Прибайкалье активно смешивались с кетоязычными группами, расселенными в верхней части бассейна р. Енисей²⁸. Эвенкийско-кетские связи, по мнению ряда исследователей, отразились в заимствовании эвенками обычая татуировки лица, нехарактерной для охотничьей традиции этноса охоты на диких оленей с помощью домашнего оленя-маньщика, в распространенной у ангарских эвенков "кетской" традиции транспортного использования собак и других элементов культуры кетского происхождения²⁹.

С ранними этапами этнической истории очевидно связывается формирование в культуре пеших охотников на северного оленя, как-выми судя по фольклорным данным были предки современных эвенков, транспортного оленеводства. По одной из версий оно заимствовано протоэвенками у групп древнего самодийского населения, обитавшего в горнотаежных районах Западного и Восточного Саяна³⁰. По мнению Г. М. Василевич оленеводство так называемого "ороченского типа" (явившееся для эвенков Забайкалья одним из оснований для самоидентификации) формировалось независимо от самодийцев³¹, однако не без влияния со стороны какого-то древнего скотоводческого населения Юга Средней Сибири.

К началу XVII века большей части западных эвенков было свойственно наличие небольших стад транспортных оленей, использо-

вавшихся исключительно лишь для перевозки грузов во время кочевания и доставки добытого мяса копытных на очередную стоянку. Определяя данный способ использования оленей как "эвенкийский", Г.М.Василевич отмечает, что домашний олень в то время еще не имел того значения, которое он приобрел в первой четверти XVIII столетия³². Свое скептическое отношение к образному выражению В.Г.Богораза, полагавшему, что транспортный олень буквально "окрылил" эвенков, позволил освоить громадные пространства³³ Г.М.Василевич обосновывала ссылками на этнографические материалы и фольклорные источники, давшие ей основания считать, что расселение предков современных тунгусов произошло еще на стадии "пеших" охотников.

Нам представляется, что оценка роли транспортного оленя в культуре эвенков, данная В.Г.Богоразом, не так уж и далека от истины. Самые ранние из дошедших до нас источников свидетельствуют, что сам по себе "пеший" способ промысла угодий отнюдь не исключал использования в хозяйственных целях небольших (1-5 голов) стад домашних оленей. Не вызывает сомнения, что миграции на значительные расстояния и освоение новых необжитых пространств имели место уже на той стадии эволюции культур бродячих охотников, которая характеризовалась отсутствием транспортных животных. Нас в данном случае занимает то, что появление в культуре эвенков домашнего оленя означало переход архаических "пеших охотников на северного оленя"³⁴ на новую эволюционную ступень - "высший тип присваивающего хозяйства"³⁵, определяло новый прогрессивный шаг в решении проблемы выживания в изменившейся "антропоэко-системе" Средней Сибири. Наличие в индивидуальном хозяйстве охотников небольшого стада используемых под вьюк оленей, в нашем представлении, существенно расширяло границы промысловых территорий. Материалы XVII - первой половины XVIII веков выделяют среди западных эвенков группы "сидячих (лодошных)" и "пеших (бродячих)" охотников³⁶. Первые, обладавшие единственным транспортным средством - лодкой берестяной, в которую для перевозки в зимнее время припрягали охотничьих собак, осваивали узкую прибрежную полосу Ангары, Подкаменной Тунгуски, Лены и побережье оз. Байкал. Ведущую роль в хозяйстве "сидячих" эвенков занимало круглогодичное рыболовство. По структуре основных жизнеобеспечивающих средств и набору доминирующих и второстепенных видов хозяйственной деятельности "сидячие" эвенки были типологически близки оседлым рыболо-

вам-охотникам среднего и нижнего течения Амура³⁷.

В отличие от них, "бродячие" ("пешие") охотники, имевшие в своих индивидуальных хозяйствах до 10 вьючных оленей, осваивали не только долинские участки угодий, но и водоразделы крупных речных систем. Вольность в перемещениях на значительные расстояния (благодаря которой эти группы и получили наименование "бродячих") позволяла значительно расширить сырьевую базу хозяйствования - границы промысловых территорий, в два-три раза превысившие размеры угодий оседлых рыболовов-охотников. Появление транспортных оленей существенно изменило способы промысла угодий, резко повысило его эффективность. Простое сопоставление соотношений - размеры угодий / численность промысловой фауны на единицу охотничьей территории, показывает, что количество добычи в относительно небольших по размерам угодьях оседлых охотников было значительно ниже, чем в угодьях "бродячих" эвенков. Относительно большая эффективность промысла копытных в данном случае обеспечивалась еще и тем, что транспортные олени позволяли более рационально распределить рабочую силу по полу и возрасту. С началом осенних и весенних промыслов копытных "бродячие" охотники, объединяясь в промысловые "артели" по 2-3 человека, все активное рабочее время отдавали поиску и добыче зверя. Обработка добычи (высушивание мяса в летнее время), как и ее транспортировка на стойбище "перекладывалось на плечи" женщин. Как известно, для вывоза одного лося требуется в среднем 8-10 вьючных оленей. Даже в тех семьях, где количество рабочих животных не превышало 5 голов, проблема вывоза охотничьей продукции решалась достаточно просто. Малооленные эвенки как правило в одиночку не кочевали и в сезоны массовых зверовых охот для вывоза добычи использовались все рабочие олени совместно кочующих семей.

Разделение обязанностей по полу и возрасту среди членов семьи, экономившее рабочее время и силы охотников, межсемейная кооперация в транспортном обеспечении промыслов представляются нам тем самым "революционным шагом", который вывел общины бродячих эвенков на новый этап решения проблемы "выживания"³⁸. К началу русской колонизации "заенисейской" Сибири большая часть эвенков к тому времени очевидно уже овладела теми навыками содержания оленей, которые Г.М. Василевич характеризовала как "эвенкийский тип" оленеводства. Наличие небольших индивидуальных стад исполь-

зуемых под вьюк оленей позволяло "пешим бродячим" охотникам освоить всю громадную территорию междуречий Ангары, Подкаменной и Нижней Тунгусок. "Сидячие (лодошные)" безоленные эвенки, очевидно составляли весьма небольшую часть западных эвенков, немногочисленными общинами населяли береговые участки крупных рек и озер³⁹.

Период русской колонизации эвонисейской Сибири.

Процесс первоначального освоения русскими территории Енисейско-Ленского междуречья был в целом завершен уже к середине XVII века⁴⁰. Серия укрепленных зимовий и острогов возникла в основных районах компактного расселения эвенков с целью обложения их ясачной повинностью. В благоприятных для развития земледелия и животноводства участках речных долин поблизости от укрепленных воинскими гарнизонами поселений начинает формироваться постоянное земледельческое население, давшее поколения так называемых русских старожилов.

Вводимое русскими "ясачное обложение" для некоторой части эвенков не было чем-то совершенно новым. Мы уже отмечали, что населявшие лесостепные участки Приангарья группы еще в XV-XVI вв. выплачивали дань покорившим их родам бурят. С. В. Бахрушин полагал, что распространяя ясак на аборигенов Сибири российское правительство переводило уже существовавшие ясачные повинности на себя⁴¹. Сами по себе термины "ясак, ясачные, ясачное обложение" не совсем точно характеризуют существо отношений между основными поставщиками пушнины - коренным населением Сибири и назначенными администрацией краев сборщиками "ясака". В отличие от своих тюрко-монголоязычных предшественников, побуждавших покоренные ими коренные народы к выплате ясака силой, русская администрация, в соответствии с царскими указами XVI-XVII вв., первоначально вынуждена была "сбирать ясак ласкою и подарками". Собираемая с аборигенного населения пушнина рассматривалась в качестве подношения государю в обмен на четко обозначенную защиту от немирных соседей, а сам сбор пушнины приобрел характер меновой торговли.

Прямые выгоды от относительно дешево достаемой казне пушнины, служившей тогда (как впрочем и теперь) одним из основных источников валютных поступлений, побуждал российское государство к налаживанию постоянных и более или менее выгодных для "ясачных" товарных отношений. Не имея местных центров производства промыш-

ленных и продовольственных товаров, администрация образованных в Енисейско-Ленском междуречье воеводств завозила в районы кочевания "бродячих" эвенков специальную "государеву казну" - производившиеся в центральных районах России и в Зауралье товары⁴². Однако, несмотря на все усилия, поступление товаров было крайне нерегулярным, а большая часть из них попросту разворовывалась местными чиновниками. Сам ассортимент товаров был таковым, что без большей его части ведущие натуральное хозяйство эвенки могли спокойно обойтись⁴³.

Явные неудачи со сборами ясака завершились указом 1762 года, отменявшим государственную монополию на торговлю с "инородцами"⁴⁴. По существу указ лишь приводил в соответствие с законом давно сложившуюся подпольную частную торговлю, в которой с русской стороны участвовало не только зарождавшееся сибирское купечество, но и местное крестьянство. Освоившие плодородные земли в Приангарье, в верховьях Нижней Тунгуски и на Верхней Лене, сибирские крестьяне уже во второй половине XVII века вывозили в "хлебозапасные магазины" Туруханского, Киренского, Илимского и Енисейского воеводств большое количество ржаной и пшеничной муки, ячменя и других продовольственных товаров. По пути к месту назначения караваны груженных товарами лодок и карбасов останавливались в известных пунктах выхода эвенков к реке, где вели с ними достаточно оживленную торговлю⁴⁵. Кроме продовольственных товаров, русские меняли тунгусам оружие и боеприпасы, топоры, ножи, ткани и другие промышленные товары⁴⁶.

Очевидно уже в конце XVIII столетия частные скупщики пушнины освоили большую часть территории Енисейско-Ленского междуречья. Вместе с тем слабое развитие местных производств товаров, пользовавшихся повышенным спросом у кочевого населения, существенно тормозило развитие товарных отношений в среде охотников-оленоводов. Положение начало резко меняться во второй половине XIX века и было связано с общим экономическим развитием Восточной Сибири, формированием городов и плотной сети населенных пунктов сельского типа, охватившей все речные и сухопутные транспортные магистрали. Быстрыми темпами начала развиваться местная промышленность. В большинстве уездных центров организовывались постоянно действующие ежегодные торговые ярмарки, на которых перепродавалась полученная от коренного населения пушнина. В последней четверти XIX

века относительно чистой, "тунгусской" территорией обитания оставалось лишь междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски. Купеческое освоение последней достигло наибольшей интенсивности после того, как в 1895 г. О.В.Колмаков вместе с другими ангарскими купцами провели к ней дорогу от с. Паново на р. Ангаре. В конечном пункте они основали факторию, получившую название Верхняя Контора (нынешний пос. Чемдальск). Фактория стала обслуживать 60 чумов местных эвенков, но к ней выходили и более отдаленные семьи, включая обитателей Лены. К началу 1920-х гг. в бассейне Подкаменной Тунгуски было образовано еще 13 факторий⁴⁷.

Практически до установления советской власти в Восточной Сибири частная торговля с эвенками носила характер прямого товарообмена. Несмотря на неоднократные указы правительства, запрещавшие ввоз в районы компактного проживания "инородцев" спиртных напитков, несмотря на попытки хоть как-то зарегулировать закупочные цены на пушнину, спаивание эвенков во время "торга" процветало, а регулярные цены существовали лишь в отношениях между "тунгусниками" (частными скупщиками пушнины) и перекупщиками мехов⁴⁸. Вместе с тем, активность и предприимчивость частных торговцев, в короткое время организовавших свои торгово-закупочные конторы практически во всех самых удаленных от крупных поселений местах, по словам наших информаторов нередко выезжавших с товарами непосредственно в эвенкийские стойбища, делала свое дело. К началу XX века практически каждая эвенкийская семья в той или иной мере не только находилась в долговой зависимости от купцов, но и была прочно привязана к новым источникам продовольствия и промышленных товаров. Экономическая зависимость от конъюнктуры пушного рынка усиливалась тем, что со второй половины XVIII века традиционные орудия охоты - лук и стрелы были полностью заменены "ружейным боем"⁴⁹.

В конце XIX - начале XX вв. пушной промысел, как товарная отрасль эвенкийского хозяйства, по своей значимости в экономике каждой семьи занимает равное положение наряду с традиционными отраслями хозяйства. В целом, формируется новый тип комбинированного хозяйства, сочетающий товарные и натуральные направления, предопределявший существенную реорганизацию в способах ведения оленеводческого хозяйства и опромышленения угодий. Ясак, как особый вид натурального обложения коренного населения Сибири, постепенно

все более замещался денежным налогом. Усиление товарной значимости пушной охоты сопровождалось изменением роли транспортного оленя в обеспечении охотничьего хозяйства. Домашний олень становится единственным объектом, на который распространяется право частной собственности и прямого наследования, а численность оленей в хозяйстве определяет социальный статус владельца. Средняя численность оленных стад в индивидуальных хозяйствах эвенков увеличивается. Минимальный размер стад в конце XIX века составлял 10-15 голов на кочевое и 5-10 оленей на сезонно-оседлое хозяйство. Малооленные и полностью потерявшие оленей семьи либо объединялись в общее кочевье с такими же малооленными семьями кровных родственников, либо становились наемными работниками в хозяйствах зажиточных соплеменников и русских старожилов.

Аналізу взаимосвязи между численностью оленей и средними показателями доходов эвенкийской семьи от пушного промысла посвящено несколько публикаций⁵⁰. Так "средняцким" считалось хозяйство имевшее на семью из 5-6 человек не менее 25-30 рабочих оленей (при общей численности стада 50-60 голов). Зажиточные семьи, содержали в своих хозяйствах 100 и более оленей. Из опросных материалов, собранных нами среди старожилов Катангского района, известно, что отдельные хозяева владели стадами в 1,5-3 тыс. голов, активно использовали в уходе за оленями и в пушном промысле наемный труд своих малоимущих (безоленных) родственников и свойственников. Превращение домашнего оленя в основное средство, обеспечивавшее успех в промыслах, привели к тому, что оленеводство эвенков Енисейско-Ленского междуречья к середине прошлого века, по характеру содержания и ухода за оленями, по структуре стада и хозяйственному использованию животных, сблизилось с оленеводческим хозяйством "ороченского типа"⁵¹.

Русское освоение Енисейско-Ленского междуречья формировало новую социальную среду, вынуждало либо адаптироваться эвенков в этой среде, либо изолироваться от нее всеми возможными по тому времени способами. Начавшееся во второй половине XIX века массовое переселение русских крестьян из западных губерний России охватывало не только плодородные лесостепные районы, но и более или менее пригодные для земледелия и животноводства участки речных долин в северной части Енисейского бассейна. Верховья Нижней Тунгуски, еще в XVII - XVIII вв. ставшие опорной территорией русско-

го земледельческого освоения севера, активно заселялись выходцами с Лены (Киренский уезд Иркутской губернии) и Илима. Северной границей русского освоения бассейна Нижней Тунгуски, одновременно отделявшей русские волости от сохранявшихся до начала 1930-х гг. "инородческих волостей", являлось с. Преображенское. Наиболее плотно русскими были заселены долина Ниж. Тунгуски выше устья ее притока р. Непы и нижнее течение самой Непы. Процессы смешения эвенков и русских отмечены здесь уже во второй четверти XVII века⁵². Южная группа Катангских эвенков отличалась от своих более северных соплеменников особенностями языка (Токминский и Непский диалекты южного говора), меньшей численностью индивидуальных оленьих стад, более прочной связью с береговой частью долины Нижней Тунгуски.

Малооленность и, соответственно, ограниченная мобильность в кочеваниях, дополнение традиционных источников жизнеобеспечения новыми (пушной промысел, товарный обмен с сибирскими русскими старожилами), наконец, сама по себе смежность территорий обитания эвенков и русских старожилов привели к тому, что Токминские и Непские эвенки уже к началу XIX века были в значительной степени русифицированы. Привязанность "сидячих" эвенков к новым источниками снабжения усиливалась еще и тем, что свойственная им хозяйственная территория, ограниченная достаточно узкой полосой придолинных таежных угодий, с началом русского освоения Катанги стала активно опромышляться новопоселенцами. Для последних, совмещение земледелия и животноводства с пушными и зверовыми промыслами, речным и озерным рыболовством было вынужденной реакцией на рискованный характер традиционных отраслей хозяйства.

Заинтересованное в сохранении основного источника поступления пушны в "казну", царское правительство ввело разграничение промысловых эвенкийских и русских сельскохозяйственных угодий. Этим создавалась некая гарантия охранения производственной базы традиционного охотничьего хозяйства. Однако, несмотря на разграничение угодий, отсутствие в обычном праве эвенков норм частной собственности на землю предопределяло, что охотничьи и рыболовные угодья русских старожилов не только смыкались с эвенкийскими, но и достаточно часто размещались в границах последних⁵³. В целом же, в результате резкого увеличения числа потребителей продукции охоты и рыболовства, в районах смежного обитания эвенков и рус-

ких предпромысловые запасы всех видов фауны уже к середине XVIII столетия были в значительной степени сокращены. Особенно сильно сократилась численность соболя, добыча которого стала столь редкой, что на пушных ярмарках этот вид пушного сырья был представлен единичными экземплярами⁵⁴. Переопромышление приречных угодий по запасам соболя, лосося, северного оленя, естественная для большинства рек Средней Сибири небольшая продуктивность рыболовных угодий (Н. Попов в одной из своих работ по этому поводу писал следующее: эвенки Нижней Тунгуски "досыта рыбой не наедаются... , рыбу летом промышляют так мало, что, вероятно, на отдельное хозяйство не придется двадцати пудов (320 кг-М.Т.) в течение лета..."⁵⁵) предопределяли переход большей части "береговых" (осваивавших приречные угодья) эвенков к новым источникам снабжения продовольствием⁵⁶.

В наиболее интенсивной форме процессы русификации охватывали тех эвенков, которые с потерей оленей оседали в русских поселениях, либо обосновывались неподалеку от них, завязывали постоянные экономические и брачные связи с русскими старожилами. В верховьях Нижней Тунгуски в материалах ясачной переписи 1682 года большая часть эвенков Курейской инородческой управы, очевидно уже утративших родовые имена, записана под фамилиями русских "крестных отцов"⁵⁷. В наших материалах, относящихся к экспедиционным исследованиям в Катангском районе 1989-93 гг., также отмечается, что "родовое" имя неизвестно многим носившим "русские" фамилии эвенкам начиная с 1950-60 гг. рождения. Распространение межэтнических браков и обоюдная аккультурация контактирующих этносов способствовали формированию новых, иногда значительно расходящихся с "русским" и "эвенкийским" эталонами, форм хозяйствования, элементов материальной и духовной культуры. Очевидно обычным явлением уже в ранний период развития эвенкийско-русских отношений был билингвизм.

Обоюдность культурных заимствований обычно упускают в характеристиках последствий русской колонизации Сибири. Чаще всего отмечается "благоприятное влияние русской культуры на развитие первобытных" коренных этносов, что, на наш взгляд если и не является заблуждением, то весьма односторонне характеризует существо процессов взаимодействия контактирующих культур. Следует отметить и то, что так называемая "русификация" эвенков, по крайней мере до-

советского периода истории этноса, на наш взгляд, не адекватна ассимиляции одного этноса другим. Так несмотря на то, что христианизация "язычников" по существу уже в XVIII-XIX вв. принимала формы борьбы с инакомыслием и "цивилизации дикарей", традиционные обряды и верования эвенков мирно сосуществовали с христианскими и в совокупности представляли собой модифицированную, наполненную заимствованиями из русской культуры новую систему мировосприятия.

Смешанные браки и (скорее всего связанные с эвенкийской традицией) обычаи принятия на воспитание детей из малоимущих семей были довольно обычны как среди эвенков, так и среди русских старожилов. Взаимный "обмен" воспитанниками, судя по нашим материалам, соответствовал устанавливавшимся связям по смешанным бракам, тем этическим нормам, которые предполагали помощь и опеку сирот и малоимущих родственников. Одним из условий, определявших вероятность межэтнических браков на всем протяжении досоветского периода, являлось тождество форм хозяйствования и связанного с ними быта. То и другое, а также соотношение численности контактирующих этнических групп, по всей вероятности, определяли конечные результаты смешения культурных традиций, новый этнокультурный "портрет" формировавшихся этносоциальных образований.

Наши этнографические исследования среди эвенкийского и русского старожилого населения р. Чуны (левобережный приток р. Ангары) показывают следующее. Русское освоение р. Чуны началось примерно во второй половине XVIII века и было по преимуществу связано с поисками богатых рыбой и зверем угодий. В выбранных местах русские промышленные люди строили временные заимки-зимовья, которые впоследствии обрастали подворьем, пашнями и сенокосами, становились опорными пунктами формирования постоянного населения. Основу его составили выделявшиеся в самостоятельные хозяйства молодые мужчины, "беглые" несемейные крестьяне и ссыльно-поселенцы из ближайших Ангарских деревень. Долина реки Чуны в целом мало пригодна для развития интенсивного земледельческого хозяйства. Быть может именно по этой причине, а еще и потому, что добыча пушнины и товарный лов "красной рыбы" (стерлядь, осетр) являлись уже в то время одним из наиболее устойчивых источников доходов, добывающие отрасли хозяйства заняли в среде русских поселенцев доминирующее положение. По всей вероятности близость хозяйственной ориентации русских и эвенков, а также половозрастной состав переселенцев оп-

ределили характер русско-эвенкийских браков.

На первых порах малочисленные русские первопоселенцы женились на эвенкийках. Очевидно по этой причине, уже к середине XIX века русское население Чуны, именуемое в литературе "чунарями", также как переселявшиеся в глухие таежные территории и преимущественно занятые в пушном промысле и рыболовстве "илимцы", "русскоустыинцы", обособленные группы казаков Забайкалья, представляли собой особые этнографические группы русского населения Сибири⁵⁸. Потомки русского старожилого населения р. Чуны еще в конце 1970-х гг. помнили свою эвенкийскую генеалогию. Смешение русских и эвенкийских традиций охватывали не только сферу материальной, но и духовной культуры "чунарей", среди которых необычайно широко распространились обычаи и верования шаманистов, что явилось предметом специального разбирательства Иркутского синода⁵⁹.

Итоги русско-эвенкийских связей, на наш взгляд, были в целом общи для всех территориально-соседских общин эвенков Приангарья. Интенсивная распашка территорий и сопутствующие ей пожары, уничтожавшие основные массивы охотничьих угодий приангарских эвенков, достаточно интенсивные сезонные пушные промыслы и рыболовство русских крестьян стимулировали миграцию имевших оленей эвенков в свободные от русских угодья Подкаменной Тунгуски и левобережья Енисея⁶⁰. Численно сократившимся эвенкам Прибайкалья очевидно было сложно сохранять свою этнокультурную "чистоту" среди быстро растущего русского земледельческого населения. Ангарские и верхнеленские эвенки обзаводились в своих хозяйствах крупным рогатым скотом, расчищали участки таежных угодий под сенокосы, в некоторых случаях, параллельно с небольшими стадами транспортных оленей, держали лошадей⁶¹. Очевидно при непосредственном воздействии русского населения значительные преобразования произошли в сфере организации жилого и производственного пространства. В районах постоянных зимних стойбищ традиционные берестяные и корьевые чумы уже в первой четверти текущего столетия сменяются рублеными домами, которые постепенно обрастают надворными постройками - хозяйственными амбарами, стайками для стойлового зимнего содержания рогатого скота, постоянными свайными лабазами для хранения продуктов и снаряжения.

Во время работ на одном из поселений Чунских эвенков нами обнаружено весьма любопытное сооружение, которое наглядно демонс-

трирует уровень интегрированности перешедших к оседлости безоленных эвенков в русской этнокультурной среде. Судя по сообщениям наших информаторов - последних обитателей этого стойбища сестер Елены и Надежды Рукосуевых, данное сооружение - водяная мельница с вертикально установленным рабочим колесом-приводом жерновов, была выстроена в 1910-12 гг. их отцом Илларионом Рукосуевым. Мельница использовалась не только самими эвенками, но и ежегодно обслуживала нужды друживших с И. Рукосуевым русских, привозивших зерно для помола из ближайших деревень.

Добыча пушнины и осенние заготовки на зиму мяса копытных перешедшими к оседлости эвенками производилась со стационарных охотничьих зимовий. В сентябре - первой половине октября преобладали активные методы добычи пушнины и копытных с использованием ружей и охотничьих собак. В дальние уголья уходили на промысел по первому снегу на 1-2 недели, везя запас продуктов и охотничьего снаряжения на ручных охотничьих нартах. Нередко с этой же целью, а также для вывоза на стойбище добытого лося, использовали лыжу-волокушу "кельче" - весьма оригинальное транспортное средство, внешне сильно напоминающее тоббоган американских индейцев и, вероятно, уходящее своими корнями в самые ранние этапы этногенеза эвенков⁶².

Со второй половины октября до марта добыча пушнины производилась с использованием стационарных пассивных орудий лова. Ловушки на пушных и "мясных" животных, по всей видимости, были заимствованы у русских и до середины 1970-х годов были распространены как одно из основных орудий охоты лишь среди оседлых эвенков Прибайкалья. Это объяснялось в первую очередь тем, что установка давящих ловушек и их эффективное использование были обусловлены наличием нескольких рубленых зимовий, служивших охотникам временным (на два-три дня) жилищем, и радиальных или кольцевых троп ("путиков"), на которых расставлялись ловушки. Сооружение зимовий и их периодический ремонт, подготовка "путиков" и их ежегодная расчистка от зарослей кустарников, ремонт деревянных ловушек и их частичная замена, наконец, сам пассивный способ добычи зверя - все вместе ограничивало возможности использования этого метода промысла в условиях постоянного кочевания. В охоте на копытных, медведя, лисицу, росомаху достаточно часто пользовались такими приспособлениями как самострелы ("настороженные" на тропах луки и

ружья), ловчие ямы, давящие ловушки "пасти", силки и петли. Последние, чаще всего, использовались вышедшими из возраста "настоящей" пешей охоты стариками.

Подводя итоги досоветскому периоду борьбы эвенков за "выживание" в быстро меняющейся природной и социальной среде, необходимо отметить следующее. Расселение русских и интенсивное хозяйственное освоение ими Енисейско-Ленского междуречья, проникновение в северную часть региона довольно значительной массы скотоводческого якутского населения, к началу XX века существенно сократили территорию расселения и хозяйствования эвенков. В результате миграций, охвативших все территориальные группы, основная масса западных эвенков сосредоточилась в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок (см. Приложение, карты). В верховьях Лены и Приангарье к этому времени оставались лишь немногочисленные патронимии - осколки ранних эвенкийских родов, мигрировавших на север и северо-запад. В составе населения обеих Тунгусок, судя по данным Б. О. Долгих, Г. М. Василевич и В. А. Туголукова⁶³, отмечены группы забайкальских ороченов и эвенков с верховий Амура.

Иноэтничные заимствования, проникавшие в культуру переходящих к оседлости эвенков, существенно изменяли традиционную систему жизнеобеспечения. В относительно нетронутом состоянии оставалась лишь сфера духовной культуры, в особенности - традиционное мировоззрение, обычаи и ритуальная обрядность. Реорганизация хозяйства кочевых охотников-оленоводов и, в особенности, появление в нем товарного пушного промысла, ставшего одной из ведущих отраслей эвенкийского хозяйства, преобразования в оленеводстве и сопутствующие им изменения в экономике эвенкийской общины тем не менее не изменили сущности традиционного природопользования, форм организации хозяйственного освоения таежных угодий и производства основных жизнеобеспечивающих средств. Зверовая охота, рыболовство и, в какой-то мере, собирательство по-прежнему занимали доминирующее положение в системе жизнеобеспечения, в воспроизводстве той среды, которая формировала и сохраняла хозяйственно-культурную специфику этноса.

Миграции части родов за пределы Средней Сибири и, возможно в еще большей степени, серия эпидемий, нередко охватывавших целые территориально-соседские общины привели к заметному сокращению численности эвенков⁶⁴. Так переписью 1897 г. в 4 округах Иркутс-

кой губернии отмечено 2158 человек, что примерно в 2 с лишним раза меньше численности эвенков во второй половине XVII века⁶⁵. К началу XX столетия миграционная активность несколько снизилась и численность приписанных к территориально-административным единицам Енисейско-Ленского междуречья эвенков стабилизировалась. Приполярная перепись населения 1926-27 гг. зафиксировала 54 территориально-административные объединения общей численностью 7642 человека в 1452 индивидуальных хозяйствах (см. Приложение, карту расселения групп). Из сводных данных переписи видно, что моноэтническое (эвенкийское) население к этому времени существовало лишь в бассейне Подкаменной Тунгуски и в Кондогирской волости Киренского округа Иркутской губернии (Ниж. Тунгуска). Небольшие эвенкийские группы населяли изолированные от русских поселений участки таежных угодий в Вершине Тутуры и по р. Ханде (левые притоки р. Лены). Остальные группы эвенков, чересполосно с иноэтничным населением, осваивали подтаежные участки речных долин и, очевидно уже в то время, сменили кочевой быт на оседлый.

Очевидно уже в конце XIX века брачные связи всех эвенкийских родов вышли за рамки этнической эндогамии⁶⁶. Межэтнические браки и адаптация в культуре эвенков заимствований из культуры их русских и якутских соседей были особенно ощутимы среди малооленных кочевых и оседлых безоленных групп. Среди эвенков Приангарья, потерявших традиционные брачные связи еще в середине XVIII в., в эвенкийские патронимии вводились женщины из малоимущих русских семей. Переселяясь в тайгу они несли с собой русские элементы бытовой культуры, русскую лексику, ставшую в ряде случаев на один уровень бытования с эвенкийской. Это закономерно, ибо именно в женской русскоговорящей среде происходила социализация потомства от смешанных браков, закладывались основы социальных стереотипов поведения, морально-этических норм и разговорного языка. Близость хозяйственно-культурных характеристик Ангарских и Верхнеленских эвенков и малоимущих русских старожилов, длительность контактов очевидно определяли прочность вхождения русских инноваций в эвенкийскую культуру, переход заимствований в категорию традиций. Очевидно именно этим объясняется то, что переселившиеся на Подкаменную Тунгуску группы Ангарских эвенков уже в новой среде, в условиях относительно полной изоляции от русских сохраняли следы русификации.

Интеграция этноса в новой социально-экономической среде, как правило, не сопровождалась ассимиляцией. В первую очередь, как нам представляется, это было связано с тем, что эвенки как и в начале "русского периода" этнической истории были экономически и территориально обособлены. Несмотря на введение общероссийских форм управления, кочевые эвенки лишь формально были приписаны к "иностранцам" волостям. Свободные в перемещениях и относительно независимые от развивавшихся товарных связей, в административной структуре они по существу имели статус самоуправляющихся общин, сохранявших традиционные, "первобытные" нормы социальной организации. Этнокультурная изолированность эвенков сохранялась во многом благодаря статусу "ясачных иностранцев" и обособлению земельных владений - комплекса угодий, закрепляемого за отдельными общинами в пожизненное пользование с правом наследования, но без права продажи и передачи. Экономическая самостоятельность сохранялась еще и как результат того, что русская торговля не смогла даже в условиях бурно развивающихся капиталистических отношений конца XIX - начала XX вв. изменить потребительского, самодостаточного характера эвенкийского хозяйства. Несмотря на попытки "христианизации" язычников и приобщения их к "цивилизации"⁶⁷, несмотря на распространение в быту, материальной и, отчасти, духовной культуре кочевых и оседлых эвенков иноэтничных заимствований, "тунгусский Ойкос" - "таежный дом", с которым у каждого эвенка связывались устойчивые представления о смысле жизни, Отечестве, Земле предков и Истории этноса, сохранялся в практически мало измененном виде.

Комбинированное охотничье-оленоводческое хозяйство эвенков в 1917-20-х гг. было полностью адаптировано к сложившимся природным и социально-экономическим условиям функционирования системы жизнеобеспечения. Социальная структура сохраняла традиционные "первобытно-коммуналистические" характеристики - простейшие формы половозрастной кооперации труда, общественную собственность на землю и основные средства производства при преимущественно индивидуальных формах ведения семейного хозяйства, уравнительное перераспределение продукции зверовых охот и рыболовства, другие формы внутриродовой и внутриобщинной взаимопомощи. В целом она была готова к интеграции в нарождающиеся коллективные формы организации общественного производства. Материалы исследований по группам Ка-

тангских эвенков позволили нам считать, что идея коллективизации была в свое время активно поддержана и, по своему выгодна, всем имущественным прослойкам эвенков. Это очевидно способствовало тому, что первые простейшие формы коллективных хозяйств - Товарищества, Артели и т.п. появились в районах компактного расселения эвенков уже в первой половине 1920-х гг., впрочем распадаясь также легко и быстро, как и возникая.

Советский период этнической истории эвенков.

Российские ученые и общественные деятели, определявшие первые шаги советской власти в национальной политике в отношении малочисленных народностей Сибири, как нам представляется находились под воздействием прежних патерналистских взглядов российской интеллигенции. Внешний "примитивизм" культуры традиционалистских обществ охотников-рыболовов формировал представления об "ужасных, недостойных человека, антигуманных" условиях жизни коренных этносов, резко контрастирующих с жизненными условиями даже самых беднейших слоев российского крестьянства и рабочего класса. Практически стопроцентная неграмотность, отсутствие письменности, "дикость" обычаев, нравов и мировоззренческих установок, отсутствие элементарных средств медицинского обеспечения кочевого населения - все вместе определяли благие намерения российских просветителей возвысить "первобытные" народы до высот культуры цивилизованного общества. Следует заметить, что представление об эвенках и других доклассовых общностях как о "младших братьях", отстающих в социальном, экономическом и культурном развитии от россиян, было и, отчасти сегодня, характерно для всех слоев контактирующего с эвенками русского населения Сибири. Можно с определенностью говорить о том, что в бытовой сфере общение русских с эвенками нередко имело подчеркнутое снисходительно-пренебрежительное отношение.

Характерный для марксистско-ленинской идеологии стадиялистский подход в оценках форм эволюционного развития общества убеждал не только обывателя, но и российских ученых-сибиреведов в том, что коренные народы ("малые народности") Сибири в своем развитии законсервировались на нижней ступени "варварства". В общественное сознание россиян активно внедрялось по сей день характерное для всех "цивилизованных наций" убеждение, что все общества не укладывавшиеся в общепринятую схему движения от дикости к ци-

визации должны рассматриваться как "маргинальные... пережитки прошлого", которые зашли в тупиковую часть эволюционного пути и "не имеют **своей собственной динамики и перспективы**"⁶⁸. Непреложной истиной, методологическим принципом "цивилизации отсталых народов" считается, что "многосложный подъем, величаемый Прогрессом, предполагает... быструю унификацию, ... стандартизацию окружающего мира. Все общества... движутся от разного рода несообразностей и неразумия к истинному..., отодвигая на "обочину" то, что не собирается следовать в общем потоке"⁶⁹. Примерно с середины 1930-х гг. подобные представления определяли существо национальной политики советского и постсоветского государства в отношении всего коренного населения Сибири. Активно пропагандируемые через общеобразовательные системы всех уровней и средства массовой информации не только формировали у российского обывателя завышенные представления об уровне "цивилизованности" собственной культуры, чувство собственной неполноценности, стыдливое отношения к своим культурным традициям, широко распространившиеся среди коренных этносов.

Начало целенаправленных действий по преобразованию жизни коренных этносов очевидно можно связывать с созданием в системе Наркомнаца (1922 год) "Приполярного отдела по охране и управлению северными племенами России". Свою работу Подотдел начал с изучения общего экономического, социального и культурного развития коренного населения Севера и привлек к ней этнографов, охотоведов, ориентированных на изучение охотничьего хозяйства Сибири, работников народного образования и медицины. Долгие годы стационарной работе в обучении эвенков и подготовке основ литературного эвенкийского языка посвятили А. Ф. Анисимов, Г. М. Василевич, И. М. Суслов, М. Ошаров и другие.

Практическая работа по "социально-экономическому и культурному развитию" народов Севера, в числе прочих, должна была решить принципиально важный вопрос о формах управления. Так В. Г. Богораз, в своем докладе к разработке проекта управления народами Севера, высказал обоснованные опасения по поводу того, что соприкосновение коренного населения с "цивилизацией" будет иметь самые негативные последствия. В этой связи он предлагал выделить в "трудное пользование" народов Севера осваиваемые ими территории с запретом доступа туда переселенцев. 2 апреля 1923 г. по докладу В. Г.

Богораза малая коллегия Наркомнаца приняла решение о необходимости организации Комитета содействия и защиты туземцев Севера и Сибири. В.Г. Богораз добился принятия предложения - "Признать необходимым выделение территорий, населенных туземными племенами и установление на этих территориях исключительной власти уполномоченных НКП, не подчиняющихся местным исполкомам". Фактически это означало создание автономно управляемых, охраняемых законом территорий хозяйствования охотников-оленоводо⁷⁰.

С позиций сегодняшних знаний об основных результатах советской национальной политики, предложения В.Г. Богораза, кстати, поддержанные В.К. Арсеньевым, Д.Е. Лапо и другими учеными, в то время очевидно было единственно конструктивным и наиболее оптимальным способом решения многих проблем Севера. Однако в дальнейшей работе эти предложения были переработаны таким образом, что теряли свой первоначальный смысл. Комиссия по разработке проекта управления коренным населением Сибири и Севера, возглавляемая биологом С.В. Карцелли - специалистом по северному оленеводству, сочла, что такое решение приведет коренные этносы к искусственной изоляции, консервации архаических, отживших элементов культуры. Быть может основной блок опасений был связан с тем, что подобное решение проблемы управления северными этносами "умаляло роль местных советских и партийных органов"⁷¹. Так или иначе, Комиссия по проекту управления "инородцами" приняла обтекаемое решение о "необходимости государственной защиты прав народов Севера и проведения работы "по повышению культурного уровня туземцев"⁷².

С 1924 года функции Подотдела Наркомнаца были переданы созданному при ВЦИК СССР Комитету содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). В его республиканских, краевых и местных органах (последние на уровне уполномоченных) принимали участие такие известные этнографы как В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг, С.А. Бутурлин, Б.М. Житков, Б.Э. Петри. В структуре Комитета по основным направлениям деятельности были созданы административно-правовая, финансово-налоговая, научно-исследовательская, оздоровительная и просветительская постоянные комиссии.

С первых шагов своей деятельности Комитет Севера находился под непосредственным контролем Президиума ВЦИК, прочих государственных и партийных органов центрального и местного уровней. Показателен в этом отношении состав членов центрального органа ко-

митета - видный партийный и государственный деятель П. Г. Смидович (председатель Комитета и одновременно зам. председателя Президиума ВЦИК), Ем. Ярославский, А. С. Енукидзе, А. В. Луначарский, П. А. Красиков, В. Г. Тан-Богораз, Ф. Я. Кон, Н. А. Семашко, Л. Я. Штернберг и С. А. Бутурлин. Как видно, ученые - сибиреведы, наиболее компетентные в этнокультурной проблематике коренного населения Сибири и имевшие к тому же свои оригинальные суждения по вопросам социально-экономического развития "отставших в своем развитии туземных племен", были в меньшинстве. Несколько лучше обстояло дело на местах, в составе окружных и районных уполномоченных Комитета, непосредственно долгие годы работавших среди коренного населения Севера и хорошо представлявших существо жизненно важных для них проблем.

Своего рода методологической основой принятия решений по ускоренному социально-экономическому развитию народов Сибири являлись, на наш взгляд, доклад В. И. Ленина на II Конгрессе Коминтерна, посвященный колониальному и национальному вопросам, и подписанное им же "Воззвание к рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири". В своем докладе В. И. Ленин, формулируя общие принципы национальной политики государства в отношении "угнетенных царской Россией" народов, провозглашал, что переход отсталых народов к социалистическим формам хозяйства и общественного устройства, минуя стадию капитализма, не только возможен, но и объективно неизбежен при условии, что "революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами ...". "Воззвание...", опубликованное в газете "Известия" 14.08.1919 г. провозглашало, что "В отношении инородческого населения Сибири подтверждается Декларация прав народов России", где... *предоставляется право самим определять свои судьбы... Земли фактического пользования инородцев не подлежат никаким дальнейшим ограничениям и урезам и поступают в полное их общественное распоряжение*"⁷³.

До середины 1930-х гг., на наш взгляд в решающей степени благодаря тому, что в руководстве ВКПб и правительстве еще сохранялась возможность выработки и принятия альтернативных, расходящихся с мнением "вождей" решений, национальная политика в целом, в том числе действия Комитета Севера, отличались некоторой гиб-

костью, учитывали мнение специалистов-сибиреведов, те формы социальной организации, экономики и культуры коренного населения, которые наследовались из прошлого и возникали в виде инициативных действий самих этносов. Нет никакого сомнения в том, что для нижнего звена работников Комитета Севера и столь же слабо разбиравшихся в теории "нац. вопроса" охотников, оленеводов и рыболовов более понятен, близок по внутренним ожиданиям был текст "Воззвания...". Заложенные в нем идеи четко ориентировали (по крайней мере так казалось) и тех и других на самостоятельное решение всех проблем "социалистического строительства северных окраин", в решающей степени определили победу Советской власти в Сибири в период гражданской войны и борьбы с "колчаковщиной"⁷⁴.

Очевидно, что первые шаги советской власти в "социалистическом строительстве" среди народов Севера не были идеальными и свободными от ошибок. Вместе с тем нельзя отрицать и того, что в целом в начале 1920-х гг. они существенно помогли в решении ряда острых социально-экономических проблем. Массовый завоз на Север продовольствия и снаряжения для охоты и рыболовства, выделение денежных средств для восстановления и увеличения численности оленьих стад, для организации медицинского обслуживания населения и организации постоянной зооветеринарной службы не только были своевременны и жизненно необходимы для эвенков, но и способствовали формированию у них доверия к новой власти, к тем социалистическим идеям, которые несли с собой уполномоченные Комитета Севера⁷⁵. Нормам первобытно-коммуналистических отношений соответствовали создающиеся в районах компактного и смешанного расселения эвенков новые формы самоуправления - родовые и туземные советы⁷⁶. В ряде районов новые органы советской власти формировались на основе прежних административных единиц - инородческих волостей и родовых общин. Поскольку руководящий состав сельских и районных советов и исполкомов формировался на родовых собраниях (сугланах) и районных съездах выборных представителей родов, очевидно постольку в нем преобладали "лучшие люди" (по терминологии XVII в.) - "родовые (племенные ?) вожди-князья, шаманы, зажиточные охотники и оленеводы"⁷⁷.

Пресловутый "классовый подход" в организации материальной помощи Северу, в кооперации и других видах "советского строительства" действовал уже в начале 1920-х гг., и уже с этого времени

государство в лице новых органов советской власти районного и губернского уровней, наркоматов и ведомств начало прибирать к рукам все функции в распределении угодий и организации охотничьего и оленеводческого хозяйства (декрет об "Охоте" подписанный В.И. Лениным 20 июля 1920 г.). Однако и в этих условиях "социалистические" формы кооперации и социальной организации эвенков возникали повсеместно, охватывали в короткие сроки большую часть населения Эвенкии и севера Иркутской области. Постановлением Совнаркома от 14 ноября 1920 г. "О практических мероприятиях по снабжению промышленного населения предметами продовольствия и охоты" был введен прямой товарный обмен со всем охотничье-олeneводческим населением Сибири. Существование данных товарных отношений заключалось в том, что созданные в районах компактного расселения эвенков государственные Потребительские кооперации (Роспотребсоюз), через сеть новых и восстановленных старых торговых факторий, нередко вынесенных непосредственно в районы кочевания соседских общин, принимали от эвенков продукцию их охотничьего и оленеводческого хозяйства не за рубли, а за установленные условные единицы⁷⁸. В крупных населенных пунктах (русских и смешанных селах) и постоянных стойбищах-деревнях, разбросанных по таежным рекам и населенных оседлыми эвенками, для создания запасов товаров и организации торговли создаются "хлебозапасные магазины" и кооперативные "лавки". Каждая из этих торговых точек, ведя индивидуальный товарообмен с эвенкийским населением заводила на каждое хозяйство так называемые "заборные книжки", в которых велся строгий учет сданной хозяйством пушнины и полученного в обмен на нее товара. Широко практиковался отпуск товаров в кредит под будущую пушнину. Нередко долги хозяйств, не погашенные в случаях неудачного промыслового сезона, списывались государством. В ряде случаев торговыми агентами факторий в эвенкийских стационарных поселениях становились грамотные эвенки.

Темпы и, главное, отсутствие "руководящей и направляющей" роли ВКПб в процессе "социалистического преобразования" жизни коренного населения очевидно не устраивали ЦК партии. В марте 1921 года в Омске было созвано совещание представителей народов Севера, большинство которых было работниками Комитета Севера и губернских организаций ВКПб. Из многочисленных вопросов и решений совещания принципиально важное значение, определявшее все после-

дующее развитие советской национальной политики, имело указание на необходимость ускорения работы по созданию местных Советов и по замещению в торговле с коренным населением прямого обмена денежными расчетами, введение твердых цен на продаваемые товары и на закупаемую пушнину. Вместе с тем, кредитование бедняцких и середняцких хозяйств, послабления в налоговой политике и списание части долгов продолжали по прежнему существовать. Также сохранялась прежняя система выборов в формирующиеся органы территориального управления.

Первый опыт национально-административного устройства коренного населения Енисейско-Ленского междуречья был предпринят в начале 1922 года среди долган, нганасан, эвенков и якутов Авамско-Хатангской тундры. В стойбище Ньятино состоялся съезд "инородцев", которые управлялись родовым "князем" Бархатовым. Съезд выбрал "князя" делегатом на съезд Советов Енисейской губернии, который состоялся в Красноярске 3 марта того же года и избрал Бархатова кандидатом в члены Губернского исполкома. В своей речи на съезде Бархатов заявил о своей лояльности ВКПб и Советской власти, заметив при этом - "Сам я инородец, князь и избран на три года. Если я буду работать хорошо, то меня оставят и на следующий срок..."⁷⁹. Своим выступлением "князь" невольно подтверждал, что в выборе своих авторитетных представителей и в отношении к ним коренное население исходило из обычного права первобытной территориально-соседской общины, для которой критериями выбора являлись грамотность и умение "толмачить" по русски, имущественное и социальное положение претендента. Следует заметить, что пример с избранием "князя" Бархатова не был единичен.

В январе 1923 года Президиум Енисейского губисполкома принял "Положение об управлении туруханских туземных племен", которое предусматривало - "Ввиду... особенностей ввести в Туруханском крае в качестве органов управления кочевых племен родовые Советы"⁸⁰. С 1923 по 1926 гг. различные формы национально-территориального управления были созданы практически во всех районах компактного расселения эвенков. Уже в то время создаваемые Советы нередко представляли интересы смешанного по этническому составу коренного населения и потому носили название "тузсоветов". Такими к примеру были все 4 туземных Совета Катангского района. Многие Советы, представлявшие интересы кочевого охотничье-олене-

водческого населения, собирались фактически один раз в году - в летнее межсезонье и потому были лишь номинальными органами власти⁸¹.

Организация системы управления кочевыми эвенками встретила практически с теми же трудностями, с которыми в свое время сталкивалась администрация сибирских провинций царской России. Подвижное кочевое население не поддавалось какому-либо надежному статистическому учету как по своей численности, так и по месту обитания. Пользуясь относительной свободой в перемещениях, которая ограничивалась лишь наличием или отсутствием свободных для хозяйствования угодий, кочевые семьи и патронимии оленных эвенков мигрировали за пределы административных единиц Иркутской и Енисейской губерний⁸². Слабая "управляемость" кочевых эвенков, связь с которыми поддерживалась лишь благодаря энтузиазму уполномоченных губернских Исполнительных комитетов, не могла удовлетворять новую администрацию региона.

Первые попытки создания постоянно действующих органов Советской власти были предприняты в 1924-25 гг. По заданию Госплана РСФСР член Красноярского Комитета Севера Д.Е. Лаппо разработал проект временного "Положения об управлении территорией РСФСР, занятой северными туземными племенами". К ним причислялись "все туземные народности неземледельческой культуры, обитающие в полярной и субарктической зоне, ведущие бродячий кочевой, а иногда и оседлый образ жизни, занимающиеся рыболовством и охотой, а также занятые оленеводством и другими промыслами, зависящие от географических условий и не образующие автономных областей или республик". 28 мая 1926 г. проект "Временного Положения" был рассмотрен Малым Совнаркомом (Совет народных комиссаров), который для принятия окончательного решения создал специальную комиссию во главе с П.Г. Смидовичем. Работа комиссии была закончена к августу 1926 г. и документ был передан для утверждения в Президиум ВЦИК, что и состоялось в конце октября того же года⁸³.

Пройдя почти полуторагодовой путь согласований, "Временное Положение" в окончательном виде предусматривало следующую структуру власти коренного населения Севера, предполагавшую строгое подчинение низших инстанций вышестоящим :

- родовое собрание, полномочное при участии "всех членов данного рода или других граждан, кочующих или проживающих сов-

местно на данной территории, достигших 18 лет и пользующихся избирательным правом"; собрание обсуждало и решало все внутриобщинные вопросы и созывалось один раз в год (обычным для эвенков временем работы собрания-суглана являлась вторая половина июля-первая половина августа);

- постоянно действующий Родовой Совет, избираемый сугланом на год в составе трех представителей, кочующих вместе со своими соплеменниками и одновременно исполняющих обязанности "исполнительного органа" Совета;

- следующая инстанция - Районный туземный съезд, в котором участвовали выборные представители (по 1 от 50 человек) объединенных в одну административно-территориальную группу родовых и соседских общин; туземные районные съезды собирались также ежегодно и по составу участников представляли разные этнические группы коренного населения административного района;

- районные съезды избирали постоянно действующие "районные туземные исполнительные комитеты (тузрик)", которые как правило размещались в постоянных, смешанных по этническому составу крупных поселениях и состояли из председателя, его заместителя, одного члена и двух кандидатов⁸⁴.

Принятие "Временного Положения" и активная деятельность уполномоченных Крайисполкомов, Комитетов Севера способствовали росту национального самосознания эвенков, стимулировали их инициативные действия в образовании национальных территориальных автономий - "туземных районов" и "национальных округов". К началу 1928 года в северной части Енисейско-Ленского междуречья функционировали Дудинский, Хатангский, Байкитский и Илимпейский туземные районы, объединившие под своим управлением 36 родовых Советов. В 1929 году в границах нынешней Иркутской области (выделена в составе Восточносибирского края в 1937 г.) были сформированы Катангский национальный район, Вершино-Тутурский и Киренско-Хандинский национальные эвенкийские Советы. Начавшийся переход от кооперации потребителей к коллективным формам промыслово-оленоводческого хозяйства не изменял в целом традиционной схемы хозяйствования эвенков. Потребительская кооперация, предназначенная в первую очередь для организации снабжения кочевых групп, заменялась "интегральной", объединявшей эвенков как в сфере потребления так и производства. Районные "Интегралсоюзы", курирующие серию Простей-

ших производственных объединений (ППО), были официально утверждены решением СНК РСФСР в 1927 г., как наиболее приемлемая для коренного населения Севера форма коллективизации.

Добровольная кооперация в сферах производства и потребления, как нам кажется, соответствовала традициям первобытного коллективизма эвенкийских соседских общин. Уставом ППО предусматривалось обобществление лишь тех средств производства, которые либо создавались всеми членами кооператива, либо находились в коллективном пользовании и владении. Проблема сохранения оленей от падежа и обеспечения нормального воспроизводства поголовья была наиболее остра в семьях перешедших к оседлости эвенков. В этих условиях обобществление оленей и кооперация усилий по их содержанию были несомненно эффективным способом решения проблемы обеспечения всех эвенков одним из важнейших средств ведения охотничьего хозяйства. Столь же положительным было введение новых правил приема пушнины и обмена ее на товары и охотничье снаряжение. В структуре Простейших производственных объединений вводилась выборная должность бригадира, ведущего сбор пушнины от индивидуальных заготовителей и реализующих ее в товары через систему государственных торгово-заготовительных организаций (Потребсоюз, Интегралсоюз). Поступления пушнины от каждого охотника фиксировались в специальной учетной книге, а сама деятельность бригадиров контролировалась родовыми советами и райисполкомами. Такая система торговли была более справедлива и выгодна эвенкам, нежели частная, и потому создание ППО шло довольно быстрыми темпами. Производственная кооперация иногда возникала в форме профессиональных объединений — артелей, занятых в изготовлении транспортных средств (оленьих нарт, лодок, сетей), в кузнечном производстве, в оленном извозе и т.п. Само по себе объединение усилий "лучших по профессии", занятых в обеспечении охотничьим и оленеводческим снаряжением всего населения тузрайона или отдельно взятого ППО, на наш взгляд, несло в себе несомненно положительный заряд, способствовало общему росту эффективности охотничье-олeneводческого хозяйства всех эвенкийских семей.

Первые признаки негативных изменений в хозяйстве, социальной структуре и традиционной культуре эвенков, как нам представляется, появляются во второй половине 1930-х гг. Расширенный пленум Комитета Севера, состоявшийся в апреле 1934 года, в своих решении-

ях "подтвердил" принятые четырьмя годами ранее постановления ВЦИК, которые провозглашали "окончательное решение национального вопроса в СССР". Согласно этим решениям сформированные ранее органы местного самоуправления - "тузсоветы" и "туземные районные исполкомы", ввиду специфики подведомственного им населения и по ходатайству ряда краевых отделений Комитета Севера хотя и не упразднялись, но видоизменялись. Родовой принцип формирования органов местного управления заменялся территориальным. Избирательная система, предусматривавшая избрание одного депутата от строго фиксированного количества избирателей, способствовала тому, что и без того урезанная инициатива коренного населения в решении своих проблем (как уже отмечалось "Тузсоветы и Тузрики" подчинялись надэтническим краевым структурам "советской" и исполнительной власти) еще более ограничивалась. В ряде районов компактного расселения эвенков, в силу сложившегося уже в то время процентного соотношения между коренным и "пришлым" населением, депутатское представительство первого было в "меньшинстве". Подобные изменения, не могли не сказаться на характере принимаемых местной властью решений, в которых все больше доминируют интересы государства и представляющих его ведомств.

Число национальных административно-территориальных образований было сокращено, а на уровне районов в составе краев и областей - вообще упразднено после принятия новой "сталинской" конституции 1936 г. Оставшийся в составе Красноярского края Эвенкийский национальный округ, на наш взгляд, сохранял лишь этническое наименование. Сфера местного управления была жестко подчинена краевым и республиканским структурам ВКПб и контролируемым ею органам власти. О том, что эвенкийская и ряд других национальных "автономий" являлись не более чем декларацией свидетельствует следующая цитата из газеты "Известия" от 15.02.1934 г.: "национальности, населяющие Крайний Север, приобщаются к строительству социализма...". Вместе с тем - "было бы величайшей ошибкой полагать, что без особой, самой внимательной помощи со стороны партийных и советских органов тех краев и областей, на территории которых живут народности Севера, они смогут справиться с громадными задачами строительства социализма" (выделено нами -М.Т.)⁸⁵.

Быстрая и в тоже время естественная интеграция обществ охотников-рыболовов в социальную и экономическую структуру сложноор-

ганизованного индустриально-аграрного государства вряд-ли была возможна без поддержки, обдуманного и компетентного руководства "старшего брата". Однако дальнейшее развитие событий показало, что в преобразовании собственной жизни народам Сибири отводилась роль статистов, послушно исполняющих указания партийных функционеров и чиновников, нередко малосведующих в специфике преобразуемых этнокультурных феноменов. Так реорганизация "ППО" превратилась в политическую кампанию перевода "отраслевых" производственных объединений на типовые "Уставы коллективных хозяйств". В структуру производства эвенкийских промысловых артелей внедрялись нетрадиционные виды хозяйственной деятельности - картофелеводство, выращивание зерновых культур, товарное рыболовство, извоз, содержание крупного рогатого скота и т.п. Нам представляется, что попытки соединения разнородных отраслей хозяйства не были случайными, соответствовали общему плану подтягивания отсталых "присваивающих готовые от природы продукты" хозяйств до уровня развитого социалистического сельско-хозяйственного предприятия.

Коллективизация хозяйства коренного населения Севера, таким образом, в первую очередь была внутривнутриполитическим актом. Основная цель, очевидно, состояла в уравнивании всех членов эвенкийского общества до положения деклассированных, не владеющих средствами производства граждан. Все преобразования хозяйства эвенков в наименьшей степени отразились на состоянии материальной базы его традиционных отраслей. Многочисленные исследования⁸⁶ убеждают нас в том, что реорганизация промыслово-оленоводческого хозяйства, соответствующие ей изменения в быте и культуре эвенков напоминают строительство "параллельного", "идеального мира", в котором не было места для традиционного хозяйственно-культурного комплекса коренных обитателей Средней Сибири. Основные причины того, что нынешнее поколение этноса дезадаптировано в сформированной социокультурной среде, на наш взгляд достаточно точно характеризует диалог писателя, известного геодезиста-первопроходца Забайкалья Г. Федосеева со старой таежницей-эвенкийкой. Последняя, как нам кажется, по стариковски мудро сомневается в разумности государства, "тянущего" эвенка из тайги к культуре, вместо того, чтобы нести культуру в быт таежника.

Произошедшая за последнее десятилетие смена ориентиров в национальной политике, во взглядах на пути социально-экономического

развития Севера и, в особенности, снятие ограничений на свободу слова на какое-то время вывели эвенков из состояния социальной апатии. Распад общего социокультурного пространства, каковым на наш взгляд все же являлся СССР, изменения в конституции и созданная в короткое время серия общественных организаций и фондов Народов Севера побудили коренные этносы к поиску своего места в "Мире". Предметом всеобщего обсуждения стали многочисленные просчеты в программах экономического и социокультурного развития северных территорий, ускоренной интеграции малочисленных этносов в структуру индустриально-аграрного общества. Особенно острое беспокойство не только научной общественности, национальной интеллигенции, но и рядовых представителей малочисленных этносов вызывает тенденция к сокращению численности отдельных этносов, угроза полной ассимиляции резко увеличившимся в численности иноэтничным населением.

Нам представляется, что положение эвенков более оптимистично, нежели положение кетов, юкагиров и других коренных этносов, численность которых в настоящее время составила менее 1 тыс. человек. По данным переписей и статистическим материалам районных исполкомов численность эвенков на первую половину 90-х гг. увеличилась с 28 до 30 с небольшим тыс. человек⁸⁷. Рост численности этноса объясняется рядом причин, в том числе не связанных с улучшением "качества жизни". Вместе с тем можно считать, что проблема "выживания" как популяции сегодня для эвенков уже не актуальна. Нам представляется, что данную проблему скорее следует рассматривать в плоскости сохранения существующих и возрождения части утраченных, поисков новых критериев самоидентификации этноса.

Ориентация всех социально-профессиональных группировок этноса в сторону этнокультурной и, отчасти, экономической автономии в составе субъектов Российской Федерации, рассматривающейся как средство "возрождения культуры", определяются рядом относительно не связанных между собой напрямую факторов. В какой-то мере, она отражает реакцию на то, что в существующей практике деления истории развития общества на низшие и высшие стадии, культуре охотников-оленоводов принято отводить место второстепенной, стоящей в стороне от общего пути социально-экономического и культурного развития мировой цивилизации. Пробудившийся в последние десятилетия массовый интерес к морально-этическим и экологическим началам

хозяйства и религиозных воззрений "первобытных" обществ, некоторая идеализация первобытности, желание отыскать в ней методы решения современных социальных и экологических проблем "цивилизованного мира", породили в элитном слое эвенков и других малочисленных этносов Сибири несколько искаженные представления о возможностях собственной традиционной культуры. В последнее время она представляется "самодостаточной", способной не только выжить, но и успешно развиваться в условиях изоляции от внешней инокультурной среды.

Быть может этноцентризм, стремление к изоляции в рамках этнического (национального), являются естественной реакцией на многовековые попытки русской метрополии цивилизовать инородческую периферию, на более чем 70-летнюю практику нивелирования национальных культур до уровня "советской социалистической культуры", силовое решение проблем культурного развития "отсталых народов", замещения "националистически ориентированных" культурных ценностей "интернациональными". То что попытки объявить культуру эвенков "самостийной" безосновательны, что эволюция эвенков происходила в условиях непрерывного заимствования и адаптации элементов культуры ряда этносов, как нам кажется достаточно подробно рассмотрено выше. Изложенное подтверждает, что "Действующие силы истории не являются национальными... Взятые в частном проявлении, они не могут быть правильно поняты, и потому их должно рассматривать только в масштабах всего общества"⁸⁸ (в данном случае - российского).

К числу внешних причин, активно подталкивающих эвенкийский электорат к попыткам решения социально-экономических и культурных проблем собственного развития в условиях национально-государственной (более мягко - этнокультурной) автономии мы склонны относить ту структуру экономических отношений этноса с государством, которая складывалась весь "советский период" и формируется сейчас в эпоху перехода к "рынку". Если учесть, что декларированные конституцией права и свободы выбора путей развития, форм хозяйствования, защиты приоритетных интересов коренного населения Севера перед лицом ведомств пока еще сочетаются с жесткой централизацией всей финансовой и хозяйственной деятельности, становится понятным причина того, почему постоянное население с. Наканно (Катангский район Иркутской области) обращается в Совет национальностей Верховного совета СССР с "угрозой" в случае нерешения

проблем целевого финансирования программ социального и культурного развития коренного населения района, реализации права самостоятельности в использовании местных природных ресурсов, всем поселком "переписаться в состав Эвенкийского национального округа"⁸⁹.

Современные перспективы выживания культуры эвенков. Оценивая их, мы исходим из того, что решение указанной проблемы так или иначе замыкается на следующих вопросах - "ассимиляция или аккультурация", "национальная языковая ситуация и роль национального языка в современных процессах этнокультурного развития эвенков", "какие традиции предстоит возродить" и, наконец, "этно-территориальная" или "этнокультурная" автономия с присущей им самостоятельностью в решении проблем управления социальным, экономическим и культурным развитием.

Упомянутый выше проект закона "Основы правового статуса коренных народов Севера России", по мнению его разработчиков, обеспечивает не только "выживание" малочисленных этносов в жестких условиях рыночной экономики, но и естественное саморазвитие свойственных им этнокультурных традиций. Характеризуя поставленные перед собой задачи, авторы проекта отмечают, что они состоят:

- в выработке компромиссного решения соотношения между существующей практикой "национально-территориального деления и управления со стороны государства... и принципом общинного самоуправления... который уже складывается...";

- в обозначении более гибких принципов национальной автономии, "более чувствительных как к культурному, так и социально-экономическому разнообразию в Сибири...". Введение закона в юридическую практику, по мнению авторов "означало бы отход от практики государственного патернализма", делегирование "юридических и финансовых прав как в экономической, так и культурной сферах в органы местного, в основном общинного самоуправления". Кроме того, "поскольку проект направлен на то, чтобы поддержать традиционную систему природопользования, *он добавит гибкости политике государства* (выделено нами -М.Т.) в отношении ее развития"⁹⁰.

Проблема "выживания", "реанимации традиционности" коренных этносов в целом рассматривается авторами в контексте решения вопросов о структурах землепользования и самоуправления коренных этносов. Для этого законопроектом предусматривается :

- предоставление органам общинного самоуправления прав собственности на землю, приоритетов в использовании поверхностных ресурсов территорий обитания и преимущественных прав в использовании недр;

- самоуправляющаяся община - основной субъект экономической деятельности в границах территорий традиционного природопользования;

- территории традиционного природопользования "включают все типы таежных и тундровых ландшафтов, леса, воды, их ресурсы", используемые "для собственного жизнеобеспечения... и для рынка"; территории не подлежат "отчуждению под промышленное и иное освоение, не связанное с оленеводством и промысловым хозяйством"⁹¹.

Характеризуя общие впечатления от законопроекта, прежде всего хотелось бы отметить, что после выхода в свет "Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР" он представляет собой выдающееся событие в жизни коренных этносов. "Основы правового статуса коренных народов Севера России" фиксируют, вводят в законодательное русло инициативно сложившиеся в первой половине 1990 гг. отношения общества и государства⁹². Так на уровне администрации Иркутской области приняты Положения о "Вершино-Хандинской эвенкийской общине", "Об аренде и использовании охотничьих и рыболовных угодий". Отдельные статьи принятого во втором чтении Устава Иркутской области регулируют систему отношений областных и местных органов управления в районах проживания эвенков и тофалар.

Одна из целей законопроекта, в представлении его авторов, "заключается в том, чтобы защитить в экономической сфере сельское промысловое население". При этом, малочисленными коренными этносами считаются "народы, отличающиеся малой численностью (не более 35 тыс. человек), ведением традиционных отраслей хозяйства, целиком и непосредственно зависящих от окружающей среды". Необходимость защиты данных народов постулируется тем, что они "сохраняют традиционную систему жизнеобеспечения в виде оленеводства и промыслового хозяйства (охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, сбор дикоросов)", которая составляет **основу культуры** данных этносов⁹³. Следуя буквальному смыслу данной статьи, еще можно понять причину того, что из списка коренных жителей Иркутской области выпали все "городские эвенки". Не совсем понятно по какой

причине в списки коренного населения по Иркутской области включены лишь Катангские эвенки (546 чел. по данным списка, 646 чел. по данным районной администрации на январь 1995 г.) и почему в них не вошло эвенкийское "сельское промысловое" население трех северных районов области (322 чел.), в одном из которых (Казачинско-Ленском) действует первый в области орган общинного самоуправления. Данное и другие несоответствия, выявленные нами в результате постатейного анализа законопроекта, несмотря на общее положительное впечатление, оставляют некоторую неудовлетворенность.

Прежде всего следует заметить, что статьи законопроекта возвращают решение проблемы "выживания" к тем предложениям, которые были сформулированы в начале века и предусматривали искусственную изоляцию "инородцев" от "цивилизации". Если допустить, что в ближайшее время законопроект все же обретет силу не имеющего "обратной силы" закона, вольно или невольно он отсекает иные, кроме традиционных, пути социально-экономического и культурного развития эвенков. Законодательное подтверждение статуса территорий традиционного природопользования и охрана "традиционности" в хозяйственной деятельности и культуре способны предотвратить сползание коренных этносов за грань полной ассимиляции более многочисленными общностями. Более того. Традиционность в способах кочевого охотничье-оленоводческого освоения таежных территорий, фиксирующаяся поныне в том виде, в котором она существовала в начале XX в., является на наш взгляд одним из ведущих условий "выживания" культуры эвенков. Следует согласиться и с тем, что "традиционность" есть не более чем "канцеляризм", вошедший в национальные языки и воспринимающийся как буквальный призыв возврата северных этносов к "исторически сложившимся" формам хозяйства и быта. К сожалению в тексте законопроекта не совсем ясно определена позиция авторов в отношении того, в чем они видят перспективу "выживания этносов" - в консервации "традиционности" или в ее дальнейшей, менее "революционной" интеграции в "кросскультурную" социально-экономическую среду Российской Федерации.

Консервация культуры и ограничение хозяйственной деятельности рамками "традиционного", наследуемого даже в том виде, в котором оно фиксируется на уровне 1920-х гг., на наш взгляд, не имеют перспективы. Эта банальность известна всем, тем не менее, пос-

кольку проект закона представлен к обсуждению научной общественностью, попытаемся кратко изложить свое понимание современной этнокультурной ситуации в среде эвенков Средней Сибири (так как она видится в материалах наших исследований 1993-95 гг.) и того, насколько данный закон соответствует решению проблемы "выживания" данного субэтноса.

Начнем с того, что канцелляризм "традиционность" пожалуй не соответствует сегодняшней хозяйственно-культурной типологии сибирских этносов. Современная социальная структура и соответствующая ей культурная среда эвенков Средней Сибири могут быть представлены в виде многослойной пирамиды. Ее основание составляет тонкий слой постоянного сельского населения, которое как и в начале XX века ведет круглогодичное кочевое хозяйство. После всех пришедшихся на советский период реорганизаций, сегодня оно представлено двумя вариантами.

1. Промысловая охота и транспортное оленеводство, характерные для районов Иркутской области. Часть современных кочевых хозяйств представляют собой "выжившие" в период массовой коллективизации хозяйства среднезажиточных "единоличников". Значительно большее число современных "единоличников" - семейные патриархальные хозяйства бывших колхозных оленеводов. Этот тип хозяйств возник в середине 1960-х гг. после расформирования эвенкийских промыслово-олeneводческих артелей и переподчинения занятой в них рабочей силы, части материально-технической базы, транспортных оленей в ведение Коопзверопромхозов;

2. Крупностадное оленеводческо-промысловое хозяйство, сложилось в Эвенкии на основе традиционного в период коллективизации. Изначально оно ориентировалось на производство товарной мясной продукции и кожевенного сырья, ставших ведущими отраслями так называемого "традиционного северного комплекса". Пушной промысел, сохраняя свое товарное назначение, составлял вторую, быть может менее важную, статью доходов. Судя по нашим материалам, методы содержания и выпаса оленей до середины 1980 гг. сохраняли свои традиционные характеристики и практически ничем не отличались от того, что было нами зафиксировано среди эвенков Катанги.

Наши материалы позволяют предполагать, что данные варианты "традиционного" хозяйства эвенков в последние 2 года имеет устойчивую тенденцию к видоизменению, а слой занятого в них населения

- к еще большему количественному сокращению. В начале 80-х гг. из республиканского бюджета были выделены средства для перевода крупностадного оленеводства на круглогодичное изгородное содержание. Разработанные программы вывода отрасли из состояния хронической убыточности (более или менее рентабельным было хозяйство племенного совхоза Суриндинский), параллельно были рассчитаны на решение ряда характерных для районов Севера социальных проблем. По данным на 1987 год большая часть коллективных хозяйств вышла на грань рентабельности, резко изменив к лучшему такие показатели, как выход конечной продукции, увеличение поголовья оленей, сохранение молодняка. Однако уже через два года поголовье общественного стада оленей в Эвенкии резко пошло на убыль, упала рентабельность большинства хозяйств, в целом оказалось, что расчетный эффект реорганизации крупностадного оленеводства не был достигнут⁹⁴.

Как известно в основе этих программ лежал опыт положительного решения экономических и социокультурных проблем, подсмотренный в фермерских хозяйствах финских оленеводов - саами. Однако "пожарные" методы его внедрения в крупностадное оленеводство эвенков заранее обрекали идею на провал. В немалой степени, неудачи, очевидно, объясняются тем, что разработанные программы учитывали лишь *существующую* экономическую ситуацию в районах Крайнего Севера. Скорее экономические нежели социокультурные программы "дальнейшего развития северных территорий", очевидно не могли учесть того, что к началу 90-х развитие рыночных отношений в России приведет к резкому падению и даже деструкции сырьедобывающих производств в районах Севера, к консервации и полному свертыванию геологоразведочных работ, к появлению очередной государственной программы "развития" северных окраин России, основной мотив которой - целенаправленная ремиграция "некоренного населения" в более южные индустриально развитые районы. Общие для Севера изменения в экономической и демографической ситуации привели в Эвенкии к резкому сокращению числа потенциальных и реальных потребителей оленеводческой продукции, снижению рентабельности хозяйств и уровня доходов занятого в них населения.

Разрабатывая программы, ее авторы очевидно учитывали, что будущее коллективных оленеводческо-промысловых хозяйств Эвенкии в первую очередь будет формироваться уровнем развитости транспорт-

ной сети округа, материальной базы производства и местной переработки оленеводческой продукции, емкостью внутреннего рынка и возможностями выхода производителя на общероссийский рынок продовольственных товаров. Провал программ социально-экономического развития коренного населения Эвенкии и в целом эвенков Средней Сибири, на наш взгляд, был закономерным результатом свертывания **проектов промышленного освоения региона**. Традиционные отрасли хозяйства, развитие которых финансировалось в самую последнюю очередь, включались в эти проекты постольку, поскольку они вписывались в общую схему развития экономики Севера.

В феврале 1990 года нам пришлось участвовать в обсуждении социальной и этнокультурной части проекта строительства Верхне-Ленского территориально-промышленного комплекса. Проект предусматривал создание на севере Иркутской области, в том числе в районах расселения эвенков, серии предприятий по добыче и первичной переработке разведанных промышленных запасов углеводородного сырья, минеральных солей, других ископаемых. Промышленное освоение зоны Верхне-Ленского ТПК должно было сопровождаться строительством автомобильных и железнодорожных магистралей, гражданских объектов, созданием для части местного, в том числе коренного, населения значительного числа высокооплачиваемых рабочих мест. Обсуждение проекта и развертывание интенсивных геологических работ по подготовке месторождений к промышленной эксплуатации пришлось на то время, когда руководство районов и постоянно живущее в них население, получив "сверху" права, начало выдвигать свои требования по сохранению среды обитания и хозяйствования, экологической безопасности предприятий, развитию социально-бытовой сферы в наименее развитых в этом отношении населенных пунктах региона.

Экспедиционные исследования в Катангском районе (чуть-ли не с появления первых крупных экспедиций до их расформирования), статистические материалы отчетов руководства района убеждают нас в том, что с промышленным освоением территории связано массовое строительство деревянного благоустроенного жилья для всех этнических групп населения в большинстве крупных сел и деревень, появление круглосуточного электроснабжения, регулярных ежедневных авиаперевозок пассажиров и грузов, связавших с "большой землей" не только районный центр, но и все населенные пункты района. По-

явление стационарных баз геологических экспедиций, которые до 1991 года имели в своем распоряжении постоянно базирующуюся в райцентре вертолетную эскадрилью, позволило руководству района обеспечивать основную массу внутрирайонных транспортных потоков, заброску охотников в сезон промысла в самые удаленные уголья, установить постоянно действующую службу экстренной и профилактической медицины, с работами экспедиций связаны также попытки возрождения общественного оленеводства.

Наша последняя экспедиционная поездка в Катангу летом 1995 года показала, что со свертыванием работ экспедиций, с консервацией проекта Верхне-Лонского ТПК сами собой исчезли все перечисленные достижения и район неуклонно движется к тому состоянию экономики и культуры, в котором они находились в начале 1950-х г. Естественно, что сокращение финансирования всех без исключения социальных программ связано не только с прекращением отчислений в бюджет района арендных выплат экспедиций. Большой процент потерь в финансировании бытового и отчасти производственного секторов жизни объясняется общим состоянием экономики и финансов России, неплатежами и задержками финансовых операций на уровне областных банков и прочими трудностями периода "перехода к цивилизованному рынку".

Как бы там ни было, сегодня резко ограничена работа большинства сельских клубов и библиотек. В масштабах района, по информации заведующего Районо В. И. Зарукина, в штате преподавателей насчитывается 30 незаполненных вакансий, при этом надежд на то, что они будут заполнены у нашего собеседника нет. Фактически отсутствует штат преподавателей начальных классов, ведущих преподавание на эвенкийском языке. Из беседы с главным врачом районной больницы А. В. Гришиным, выясняется аналогичная картина дефицита по всем категориям высшего медицинского персонала. По мнению нашего собеседника, он будет расти и далее за счет того, что уже готовы к переселению на "большую землю" стоматолог и хирург, врач-анестезиолог, гинеколог (кстати единственные на весь район). В ряде довольно крупных населенных пунктов района сельские больницы переведены в режим работы фельдшерских пунктов. В связи с отсутствием средств на санитарную авиацию перестали действовать программы профилактического медицинского тестирования населения наиболее удаленных пунктов. По той же причине в летнее время лишены

возможности получить экстренную медицинскую помощь 2 из 5 кочевых стойбищ эвенков, эвенкийское и смешанное население деревень Хамакар, Наканно, Инаригда (соответственно - 150, 500, 650 км речно-го пути от районного центра с.Ербогачен).

Методы ведения оленеводческого хозяйства, в том числе способы выпаса оленей в бесснежный и осенне-весенний период, среди кочевых эвенков Катанги и сегодня практически не отличаются от тех, которые были рассмотрены нами в специальной работе⁹⁵. Следует при этом отметить, что даже в условиях резкого (в 1,5-2 раза) сокращения хозяйственных территорий после пожара 1986 г., при 4-5 работников на одно хозяйство сегодня приходится не менее 100-120 оленей. Животные используются не только как средство транспорта. Ежегодно, для собственного потребления и на продажу, хозяйства забивают 5-10 оленей. Изменения в быту в конце 1980- начале 90-х гг. характеризовались появлением в системе стойбищ осенне-весеннего периода не свойственных традиции кочевых эвенков комплексов жилых и хозяйственных построек. По маршрутам кочевий через каждые 15-20 км. нартынного пути выстроены зимовья, рядом с которыми располагаются хозяйственные лабазы, бани и гаражи для хранения мототехники. В нашем понимании, к настоящему времени в угодьях кочевых эвенков Катанги создана та основа, оборудование которой радиосвязью и сетью коммуникации с "материком", электрообеспечением и прочими средствами может дать эффект внесения культуры в дикий быт кочевника (см приложение и карту).

Технология изгородного содержания оленей, разработанная в начале 1980-х гг. институтом сельского хозяйства Крайнего Севера (НИИСХ), предусматривала полувольный управляемый выпас животных в течение всего года. Общая территория пастбищных угодий разделялась на два комплекса осенне-весенних и летних огородов. Олени в огороженных пастбищах должны были содержаться под постоянным присмотром вахтовых бригад. По расчетам специалистов НИИСХ данная технология должна была увеличить производительность труда оленеводов в 2-3 раза, способствовать более эффективному использованию кормовых запасов пастбищ, сокращению непроизводительных потерь оленей (от эпизоотий, хищников). Вахтовый метод работы в оленьих стадах, в частности, возможность посменного пребывания бригад в кругу проживающих в поселках семей, должен был улучшить быт оленевода. Все это, по всей вероятности, могло быть реализовано при

наличии надежной транспортной связи между стойбищами оленеводов и поселками, соблюдении отработанной веками традиционной эвенкийской системы пастбищеоборота (периодической сменой мест кратковременного выпаса в летний период, ежегодной сменой мест изгородного содержания в "малоподвижный" снежный период), т.е. соблюдением тех правил, которые обеспечивали бы равномерную нагрузку на всю территорию пастбищных угодий.

К 1991 году, согласно программам реорганизации оленеводства округа в 6 оленеводческих совхозах общая протяженность огороженных пастбищ 10 оленеферм должна была составить 2650 км. В реальности же строительство изгородей и оборудование оленеферм продолжалось лишь до 1987 г., к которому было выстроено всего 854 км изгородей. Фактическое прекращение реализации программы перевода оленей на изгородное содержание в первую очередь было связано с общим ухудшением экономической ситуации в стране, резким увеличением расходов на материалы, авиатранспорт, заработную плату и прочее. Громадные по численности стада совхозных оленей были переведены в небольшие (почти в три раза меньше расчетных) огороженные пространства пастбищ, в которых содержались круглогодично. В результате резко возросло несоответствие между числом оленей и оленеемкостью пастбищ. В короткое время пастбища были уничтожены, а постоянное содержание в замкнутых огородах привело к росту числа эпизоотий в стадах и резкому сокращению общей численности поголовья от непроизводительных потерь.

Увеличение тарифов авиаперевозок привело к тому, что вахтовый метод выпаса оленей стал фактически нерентабелен и оленеводы на длительный период как и прежде отрывались от семей. Задержки с выплатой заработной платы оленеводческим бригадам и неустроенный семейный быт привели к тому, что профессия оленевода стала непопулярной среди эвенкийской молодежи. Основная часть выпускников средних школ переселялась на постоянное жительство в поселки, в трудовой деятельности ориентировалась на сезонный пушной промысел и нетрадиционные источники занятости. По сообщениям наших информаторов в настоящее время средний возраст пастухов оставшихся в совхозах оленеводческих бригад составляет 40-50 лет, при этом среди более молодых пастухов большая часть не вступила в брак. Резкое снижение рентабельности отрасли и отток кадров привели к тому, что численность стад находящихся сегодня в собственности

колхозов и совхозов сократилась в 3-4 раза, большая часть общественных оленей передана в семейно-родовые и общинные фермерские хозяйства. Таким образом можно полагать, что крупностадное оленеводство товарного мясного направления если и не исчезло пока совсем, то значительно деградирует, все более уступает место фермерскому единоличному хозяйству. Последнее, не располагая постоянным выходом на внешний товарный рынок, ориентировано по преимуществу на собственное потребление продукции, на содержание транспортно-стада, обслуживающего сохранивший свою доходность пушной промысел.

Изложенное выше, как нам представляется, достаточно убедительно свидетельствует о том, что основное ядро носителей культурных традиций (кочевые охотники-оленеводы) на всей территории Средней Сибири неуклонно сокращается. Основная масса эвенков оседает в многонациональных и этнически однородных поселках и пополняет особую этносоциальную группу. Как известно, именно для этого слоя эвенков характерна наибольшая обостренность всех этнокультурных проблем⁹⁶. К сожалению в большей части работ, содержащих материалы о современном положении коренного населения Севера, нет сколько нибудь четкого разграничения характеристик по группам кочевых и оседлых семей. Наши экспедиционные наблюдения среди Катангских эвенков показывают, что такие различия во всех сферах функционирования культурных традиций все же существуют. Представляется также, что наши наблюдения коррелируются с ситуацией характерной для районов ЭАО и, потому, кратко перечислим основные результаты наших наблюдений по группам оседлых эвенков Катанги.

Для кочевых семей, населяющих левобережную часть территории Ербогаченского сельского совета, современный ареал обитания практически совпадает с территориальными владениями Кондогирской соседской общины XIX -начала XX вв. До сих пор осваиваемые ими уголья представляют собой ту "среду жизнеобеспечения", которая продуцирует основные характеристики традиционного природопользования, сферу функционирования и развития языка, семейной обрядности, структуры межличностных и межгрупповых отношений, организации быта и других элементов культуры. Как уже отмечалось, большая часть кочевых семей либо имеет сегодня в Ербогачене собственную усадьбу, либо, выезжая в районный центр, останавливается в домах родственников. Однако понятие "дом" для них как и 40-50 лет

назад попрежнему связано с комплексом таежных стойбищ, тогда как деревенское жилище является местом отдыха от таежной тяжелой жизни, местом встречи с "живыми людьми", обмена информацией, психологической разгрузки от накопившегося за период кочевания стресса. Для большинства кочевников время пребывания в деревне ограничивается одной-двумя неделями. В целом, деревенский быт в представлениях кочевых эвенков не приспособлен для жизни, смысл которой по-прежнему замкнут в границах унаследованных от предков "родовых" территорий конца XIX - начала XX века.

В отличие от кочевых, среда жизнеобеспечения оседлых эвенков и соответствующие ей сферы функционирования и развития основных компонентов культуры, в наименьшей степени связаны с тем миром, который образно назван "таежным домом". Большинство трудоспособных мужчин и небольшая часть женщин сезонно заняты в пушном промысле, в переработке пушномехового сырья и производстве изделий (производственные мастерские по пошиву меховой верхней одежды, кустарная домашняя обработка оленьих, лосиных "камасов", ондатровых шкурок, пошив унтов и шапок).

Полиэтническая, наднациональная деревенская среда обитания стремящихся к самоизоляции либо отторгаемых иноэтничным окружением оседлых эвенков, помимо их воли давно уже стала тем жизненным пространством, которое формирует самосознание, языковые, бытовые, поведенческие, семейно-брачные, профессиональные и прочие социокультурные характеристики. Сохраняя ментальную связь с традиционными видами хозяйственной деятельности и "таежным миром" на уровне исторической памяти о "земле предков, обычаях предков", оседлые эвенки все более воспринимают его в качестве "внешнего мира". Связь с "землей предков" очевидно сохраняется в настоящее время прежде всего постольку, поскольку по ряду причин оседлые эвенки до сих пор слабо интегрированы в хозяйственно-бытовой комплекс русскоговорящих деревень. На наш взгляд, это объясняется тем, что перевод на оседлость не был подготовлен ни созданием дополнительных рабочих мест, ни преобразованием системы общего среднего образования, необходимость чего в свое время отмечал Ю. Б. Стракач⁹⁷.

Являясь лишь частью современной системы жизнеобеспечения оседлых эвенков и уже не имея той культуuroобразующей функции, которую они выполняли в начале века, территории традиционного природопользования тем не менее нуждаются в государственной охране.

Во-первых потому, что для значительной части они по прежнему являются основным источником доходов, источником тех продуктов питания ("дикого" мяса, рыбы, ягод), без которых не мыслим пищевой рацион северян. Кроме того, при всем многообразии толкования термина "традиционное природопользование", для всех слоев эвенкийского общества оно по прежнему является той основой, вокруг которой консолидируется этническое самосознание, которая продуцирует историческую память эвенков, представления (пусть несколько идеализированные) об исключительности, самобытности своей культуры. Государственная охрана территорий традиционного природопользования приобрела, особенно в последнее десятилетие, не только экологический, но и внутривнутриполитический смысл. В общественном сознании всех социальных групп эвенков, таежный мир является "последним пристанищем", которое удерживает этнос от полного растворения в иноэтнической среде численно преобладающих "новопоселенцев".

Следует, как нам кажется, заметить, что статус территорий традиционного природопользования воспринимается населением Севера несколько иначе, чем задумано авторами законопроекта "Основ правового статуса коренных народов". В охране естественной (природной) среды обитания, в определении правового статуса осваиваемых территорий в настоящее время заинтересовано не только коренное население Севера России. По крайней мере именно так обстоит дело в Катангском районе Иркутской области, где в движении за предоставление району статуса "территории традиционного природопользования" консолидируются усилия не только эвенков и якутов, но и русских старожилов. К ним присоединяется также часть "новопоселенцев", ныне вынужденно ориентированных на пушной товарный промысел, рыболовство и другие природные источники средств существования. В этом движении, в обретении права на приоритетное освоение возобновляемых таежных ресурсов "коренное меньшинство" района не отделяет себя от более инициативных русских старожилов. И те и другие считают "новопоселенцев" временщиками, занимающимися пушным промыслом ради сиюминутной наживы и не думающими о будущих поколениях.

С традиционными формами хозяйства связаны также интересы администрации района. До сих пор в них она видит пока единственный постоянный источник занятости для населения, доходов в бюджет района. Ссылаясь на эти причины, руководство не без оснований рас-

читывает на получение дотаций из областного и республиканских целевых фондов. Статусы "территории традиционного природопользования" и "национального района" (с требованием о предоставлении такого руководства Катанги засылало письма в Верховный Совет СССР еще в 1991-92 гг.) обоснованно рассматриваются как основание для получения определенных льгот - в том числе, на первоочередное выделение безвозвратных бюджетных средств для обеспечения района продовольственными и промышленными товарами, электроэнергией, строительства жилья, финансирования бюджетных сфер образования, медицины и культуры, функционирование которых лишь на 1/3 обеспечивается из средств районного бюджета. Ссылаясь на особый состав жителей района и специфику производственной деятельности основной массы постоянного населения, большинство народных депутатов Районного Совета в 1992-93 гг. принимает "Положение об аренде охотничьих и рыболовных угодий", в котором предусматривается их передача постоянным жителям в пожизненное наследуемое владение. Следует заметить, что данный принцип землепользования соответствует обычному праву как эвенков, так и русских старожилов района. В неофициальном виде он действовал и в тот период, когда права коллективных совладельцев хозяйственных территорий были законодательно закреплены за структурами промысловых колхозов, государственных Коопзверопромхозов и Акционерного общества "Катангская пушнина".

Традиционные отрасли хозяйства для каждой третьей семьи русских старожилов Катанги, ведущих свою родословную как минимум со второй половины XIX века, являются по сей день не только одним из ведущих источников денежных доходов и важнейших продуктов питания, но и теми сферами деятельности, с которыми связываются общие представления о культурных традициях "исконных сибиряков". Сферы хозяйственных "владений" разных этнических групп "катангчан" поделены еще в конце прошлого века. Для большей части старожилов и эвенков вообще непонятна цель разделения постоянного населения Севера (в равной мере традиционно занятого в хозяйственном освоении возобновляемых природных ресурсов) на категории "коренных" и "некоренных".

Перспектива промышленного освоения сырьевых ресурсов Катанги в самых благоприятных экономических условиях "закрепившейся в рынке России" - дело не столь близкого будущего. Судя по извест-

ным нам проектам, освоение будет связано с развитием предприятий работающих в автоматическом режиме, требующих минимального присутствия рабочей силы. Очевидно, на такой метод освоения Севера ориентированы современные программы развития Севера, в частности, действующая сегодня программа финансирования "ремиграции" избыточного "некоренного" населения в южные районы, сокращение численности постоянных жителей северных территорий до экологически заданного уровня. Если наши ожидания верны, то спрашивается, насколько будущие добывающие предприятия Катанги будут способны решить проблему занятости и роста бюджета населения, насколько оно, даже при том, что численность сократится до уровня 1930-х гг, сможет прокормиться за счет "нетрадиционных" видов хозяйственной деятельности. Представляется, что для определенной части "некоренных" жителей района, охота, рыболовство, сбор дикороссов, даже в самой благоприятной экономической ситуации, еще длительное время будет сохранять не только хозяйственное, но и культурообразующее значение. Отсюда - второй вопрос, не вызовет-ли одностороннее предоставление коренным жителям Севера особых прав и привилегий конфликтов на межнациональной основе, новых проблем социально-этнического порядка?

О такой возможности можно предполагать уже по той негативной реакции русского старожилого населения, которую вызвал принятый в июне сего года закон о "Животном мире", возвращающий систему пользования угодьями в русло прежних ведомственных режимов регулирования⁹⁸. Руководство района, по словам заместителя главы администрации, потомка русских первопоселенцев А. И. Юрьева, сознавая необходимость государственного контроля за использованием ресурсов животного мира, тем не менее считает себя в праве решать самостоятельно такие вопросы, как лицензирование охоты, установление норм отстрела животных, определение сроков промысла, выдача разрешений на долговременное пользование угодьями и контроль соблюдения правил их освоения и т. д. и т. п. Очевидно не без оснований, руководство района считает, что возвращение к централизованному регулированию освоения живых ресурсов территории противоречит принятым на федеральном и областном уровнях основам законодательства о местном самоуправлении, вернет права Главохоте и другим ведомствам, деятельность которых в прошлом приводила к тому, что лучшие угодья района отдавались в обход постоянных жителей

района, охотничьи ресурсы не имели надежного хозяина и т. д. и т. п.

Недоработки закона о "Правовом статусе коренных народов Севера России" видятся нам в части посвященной "территории традиционного природопользования" (статья 8 "Основы экономического развития коренных народов Севера"). Его авторы, ясно представляя, что развитие культуры, социальной сферы, системы образования и медицинского обслуживания данных народов и в будущем будет напрямую зависеть от темпов и методов развития в районах Севера природосберегающих добывающих промышленных предприятий, тем не менее ни слова не упоминают о том, как будут законодательно регулироваться вопросы соотношения интересов тех и других. Опыт решения социально-экономических и этнокультурных проблем коренного населения севера США и Канады⁹⁹ свидетельствует, что успехи и неудачи в их решении целиком и непосредственно зависят от того, **в какой мере коренное население участвует в промышленной разработке запасов недр, выявляемых в границах закрепленных за ними территорий резерватов.**

Тот же опыт борьбы за "частную собственность на земли" индейцев и эскимосов показывает, что даже в условиях получения фиксированной арендной платы за эксплуатацию "исторически принадлежащих" общинам земель, даже в условиях обустроенного (в сравнении с сельскими районами Севера России) быта, образования, медицинского обслуживания, коренное население США и Канады волнуют те же социо-культурные проблемы, что и эвенков Средней Сибири. Есть определенные сомнения в том, что расселенные в предусмотренных российским законом "резерватах, национальных парках, заказниках, заповедниках"¹⁰⁰ оседлые эвенки, в особенности те профессиональные категории, которые переросли рамки "традиционных отраслей" удовлетворятся ролью "иждивенцев". Нам представляется, что сфера "нетрадиционных" отраслей хозяйственного комплекса Севера, по ряду причин будет притягательной не только для "некоренных" жителей, но и для определенной части оседлых эвенков. Из основ "Правового статуса" невозможно понять, какими правами на территории традиционного природопользования будут обладать группы "коренного населения Севера" и кто конкретно - сельская община, местные органы самоуправления, центральные органы законодательной и исполнительной власти или что иное, будет определять **характеристики режима**

традиционного природопользования.

На наш взгляд, нет особой нужды в масштабных социологических опросах для понимания того, что основную массу непосредственно занятых в традиционных отраслях хозяйства кочевых и оседлых эвенков в настоящее время постоянно беспокоят две вещи - всепроникающая опека и контроль со стороны чиновников ведомств и госаппарата управления, с одной стороны, поиск своего достойного положения в той иноэтничной социокультурной среде, в которую они были включены силою обстоятельств и практикой перевода на оседлость, с другой. По нашим наблюдениям, потеря языка, родового этнонима, культурных традиций, межнациональные браки и "ассимиляция" эвенков наиболее болезненно воспринимаются и побуждают к активным действиям в защиту "национальных интересов" тонкий слой национальной сельской и городской интеллигенции. Для рядовых охотников, оленеводов, рыболовов, не занятых в традиционных отраслях хозяйства, членов их семей, рабочих и служащих из числа оседлых эвенков наибольший интерес и активную поддержку в законе о "Правовом статусе коренных народов", как нам представляется, имеют те статьи, которые защищают права этноса на владение хозяйственным пространством (территорией традиционного природопользования), на самоуправление в решении повседневных бытовых, социальных и экономических проблем.

Чрезмерно завышенная, как нам кажется, угроза "ассимиляции" встречающая резко негативную реакцию в среде эвенкийской интеллигенции, представляется нам скорее "аккультурацией", которая в основной массе сельского эвенкийского населения воспринимается как нормальные, к сожалению не вполне удачные попытки адаптации к новой среде обитания и хозяйствования. Наши опыты социологического анализа этих проблем среди молодого поколения оседлых эвенков (от 18 до 30 лет) выявили вполне спокойную реакцию респондентов в таких вопросах как знание/незнание родного языка, родового имени, национальных обычаев, этнической принадлежности брачного партнера. Сопоставление этих результатов с текстом закона о "Правовом статусе коренных народов" приводит нас к следующим выводам:

- проблемы "выживания этноса" и возрождения культуры "снизу" - с уровнем кочевого и оседлого сельского населения, непосредственного носителя современных этнокультурных традиций (пусть даже они совсем не похожи на традиции "предков", но они существу-

ют в реалиях), и "сверху" - из слоя городской и ориентирующейся на ее мнение сельской национальной интеллигенции, видятся по разному;

- между представлениями верхнего (экспертного) слоя эвенкийской социальной пирамиды и ее основания лежит, на наш взгляд трудно преодолимый, барьер явного непонимания; рядовые охотники-оленоводы весьма скептически воспринимают попытки национальной интеллигенции, руководства и рядовых функционеров "Ассоциаций народов Севера" в решении проблем "возрождения" этноса;

- такая реакция основной части эвенков, в ряде случаев активное нежелание реализовать уже достигнутые успехи в отвоевании прав и свобод в самостоятельном выборе путей экономического, социального и культурного развития (так среди эвенков Катанги наблюдается явное нежелание переходить к фермерству, полностью дистанцироваться от привычных структур гос. системы заготовки пушнины и обеспечения продуктами - КЗПХ, Роспотребсоюза и возникшего на их основе АО "Катангская пушнина"), нередко рождает среди инициативных членов движения за этнокультурное возрождение эвенков чувство бессилия, апатии, неверия в то, что "возрождение" вообще возможно.

Нам представляется, что барьер непонимания между "экспертной" и "рядовой" частью среднесибирских эвенков, некоторое несоответствие между реальными потребностями основной массы носителей культуры и благими намерениями, аккумулированными в проекте обсуждаемого закона - явление нормальное, отражающее закономерный процесс **апробации предлагаемых экспертной частью этноса новаций в сложившемся хозяйственно-культурном укладе**. Если исходить не из идеальных представлений о том что "могло бы быть", а из того, что в данных конкретных условиях можно предпринять, то нам представляется следующее.

Традиционное природопользование. Как отмечено выше, оно является тем пунктом программ этнокультурного возрождения и сохранения этнического своеобразия, на котором замыкаются интересы и ожидания всех социально-профессиональных слоев эвенков Средней Сибири. Относительно изолированные круглогодичным обитанием в традиционной среде, немногочисленные кочевые группы и отдельные хозяйства эвенков являются для остальной массы этноса той базой сохраняющейся языковой, соционормативной, хозяйственной, экологи-

ческой и других этнокультурных традиций, из которой будут в дальнейшем черпаться модели и идеи решения проблемы "выживания", социально-экономического и культурного развития всего этноса.

Учитывая это мы считаем, что разработка, целевое финансирование и реализация государственных программ этнокультурного возрождения эвенков в первую очередь должны быть акцентированы на реконструкцию запущенной материальной базы кочевого хозяйства, связанной с ним структуры переработки и реализации продукции охотпромысла и оленеводства, системы среднего, среднеспециального и высшего технического образования, до сих пор ориентированных по преимуществу на нетрадиционные виды хозяйственной и производственной деятельности. Таким образом предлагается переместить существующие акценты вложения основной массы средств федерального и местных бюджетов, выделяемых целевым назначением на развитие экономики и культуры коренного населения Севера, в направлении сохранения и развития хозяйственно-бытового комплекса кочевых охотников-олeneводов. Нам представляется, что подобная переориентация финансовой политики государства на поддержку "меньшинства" коренных обитателей севера Средней Сибири не означает, что оседлая часть эвенков окажется в числе "обиженных". Большая часть таковых расселена в многонациональных поселках, следовательно пользуется той более или менее развитой социально-бытовой и культурно-образовательной инфраструктурой, которой пользуются и прочие иноэтнические жители. Серия запущенных еще в 1930-е годы программ перевода кочевого населения на оседлость, несмотря на ряд издержек, способствовала созданию в национальных эвенкийских поселениях той материально-технической основы, сохранение и развитие которой, сбалансированное с развитием многонациональных крупных поселков, способно решить все проблемы.

Мы исходим из того, что "традиционная система жизнеобеспечения" нечто большее нежели "традиционные отрасли хозяйства" и замыкает на себя такие элементы культуры этноса, как производственная и бытовая лексика, структуру семьи и семейно-брачные отношения, способы организации жилого и хозяйственного пространства, производственную и бытовую обрядность, фольклор и ряд других элементов материальной и духовной культуры. В этом смысле кочевые оленеводческо-промысловые и промыслово-олeneводческие хозяйства эвенков Средней Сибири представляют собой именно тот вариант "мо-

дернизированной" культурной традиции этноса, которая пережив почти четыре столетия контактов с инородной цивилизацией условиями "дикого" российского рынка поставлена на грань исчезновения и является приоритетной целью "охранных статей" закона об "Основах правового статуса коренных народов Севера России". Необходимость первоочередной защиты и финансирования развития материально-технической базы кочевых хозяйств, независимо от того в единоличной или коллективной форме они функционируют сегодня, объясняется не только тем, что занятое в нем население представляет собой наиболее "здоровую", наиболее "традиционалистскую" часть эвенков Средней Сибири. Крупностадное оленеводство Эвенкии, сегодня частично преобразованное в общинные фермерские хозяйства, также как и единоличное охотничье-олeneводческое хозяйство катангских эвенков, являются на наш взгляд готовой основой развития в районах Севера новых форм "фермерского, товарно-потребительского" сельскохозяйственного предприятия, наиболее конкурентоспособного в складывающихся условиях "новой экономической политики" постсоветского периода.

Для нас до сих пор остается малопонятной логика распространившейся и на северные территории кампании "массовой фермеризации" занятого в распадающихся коллективных хозяйствах населения. Еще можно понять руководство Эвенкийского округа, которое очевидно заботясь о сохранении оленеводческой отрасли передает часть оленей из общественных колхозных стад в руки семейных производственных коллективов. Гораздо менее понятно то, почему большая часть (если не вся сумма) средств, выделяемых из целевых "северных" фондов республиканского и Иркутского областного бюджета расходуется на развитие не готовых "фермерских хозяйств", а на создание новых производственных кооперативов среди оседлой части эвенков.

Так в середине 1980-х гг. руководство базирующейся в с. Наканно геологической экспедиции, пытаясь создать собственную базу снабжения работающих в районе полевых партий мясом, закупило в соседних районах Якутии и Эвенкии большую партию оленей, завезла их вертолетами и попыталось создать из числа перешедших к оседлости эвенков оленеводческую бригаду. Среди эвенкийского населения Наканно так и не удалось найти достаточного числа владеющих профессией оленевода. Собранные в бригаду "олeneводы" видели в

оленях прежде всего средство транспортного обеспечения пушного промысла. Большую часть года, не связанную с пушным промыслом, животные находились на вольном выпасе в специально выстроенных неподалеку от поселка постоянных деревянных "огородах". Вахтовые бригады оленеводов большую часть лета проводили в поселках со своими семьями. Это объяснялось не только неприспособленностью оседлых жителей к постоянному пребыванию в тайге, но и тем, что вне промыслового сезона оседлые эвенки готовят запас рыбы на зиму, работают в приусадебных огородах, ремонтируют постройки, т.е. выполняют весь комплекс обычных для сельского жителя работ "по хозяйству". В итоге, после двух лет изгородного содержания на постоянных невозобновляемых пастбищах, предоставленные фактически самим себе олени отчасти погибли от хищников и болезней, отчасти были забиты на мясо самими оленеводами. Из 400 завезенных голов к 1987 году в стаде осталось около 40. Часть из них, после продолжительных уговоров, которые вел с эвенками председатель Катангской ассоциации малочисленных народов В.П.Бояршин, была с трудом пристроена в хозяйства оседлых охотников из с. Хамакар. Большая же часть из оставшихся оленей была отпущена на "волю в тайгу" и сегодня растворилась среди диких оленей.

Также безрезультатно окончилась попытка создания в районе эвенкийского производственно-торгового кооператива "Возрождение". Отдел Национальных отношений Администрации Иркутской области выделил кооперативу средства на создание цеха обработки пушнины и пошива меховых изделий, приобретение пилорамы, планировавшейся к установке в будущем "эвенкийском" производстве строительных материалов, на покупку для кооператива грузовой автомашины. В 1994 году кооператив "Возрождение" фактически прекратил свое существование, с одной стороны потому, что не выдержал рыночной конкуренции с более мощным, имеющим развитую производственную базу и собственную торговую сеть АО "Катангская пушнина", с другой (а может быть и главным образом) потому, что был "задавлен" многочисленными налогами.

Значительная часть средств, выделенных из областного и федерального бюджетов на финансирование программ "национального возрождения коренных народов" в 1990-95 гг. и перечисленных Отделом национальных отношений на счета администрации Катангского района, была израсходована на обеспечение завоза дизельного топлива для

электростанций, замену выбывших из строя дизельных электросиловых агрегатов в смешанных по этническому составу поселках Тетей и Хамакар, на выплаты заработной платы работникам "защищенной законом" бюджетной сферы, на организацию ежегодных весенних "Праздников Севера" и материальную помощь малообеспеченным многодетным семьям коренных жителей. Учитывая сложившуюся в районе практику сомнительно "целевого" расходования средств на "нужды малочисленных этносов", Отдел национальных отношений областной администрации в последние два года пытается организовать систему индивидуальных договоров с коренными жителями района на строительство жилья, оказания единовременной помощи в приобретении транспортных средств и другие хозяйственно-бытовые нужды. Вместе с тем, количество выделяемых средств с каждым годом все более сокращается, коренное население района, не имеющее непосредственной связи с областным центром и не вполне доверяющее "президенту" Ассоциации, редко обращается с предложениями о заключении договоров, а выделенные средства по существу продолжают расходоваться не столько по статье социально-экономического развития коренного населения, сколько на содержание той созданной в предыдущие "перестроечные" годы социальной инфраструктуры, которая обслуживает всё, в том числе и временное, население района.

Мы понимаем, что в сложившейся общероссийской экономической ситуации, ощутимое увеличение объемов финансирования Программ "реанимации" культур коренного населения Севера, без которого само по себе принятие закона "Основы правового статуса коренных народов" окажется не более чем очередной декларацией "прав и свобод выбора" - произойдет не ранее 2000-го года. Мы также отдаем себе отчет в том, что финансирование этих программ лишь в какой-то мере должно лечь на плечи государства и что основная часть средств должна быть "заработана" самими коренными этносами, а это, на наш взгляд еще более отдаленная перспектива. Именно по этим причинам наиболее рациональным представляется первоочередное вложение средств в сохранение того этнокультурного ядра, которым в настоящее время является кочевое хозяйство.

Как известно, семьи кочевых эвенков в бытовом отношении обеспечены гораздо хуже оседлых соплеменников, а уровень заработной платы ниже уровня среднегодового дохода русского жителя поселка. Отсюда очевидны причины того, что после окончания средней

школы и среднеспециальных учебных заведений эвенкийская молодежь, в особенности девушки, по преимуществу не возвращаются в сферу традиционного хозяйства, оседают в поселках, заключают межнациональные браки. Предпочитая смешанные браки, эвенкийская молодежь делает выбор в пользу более обеспеченного иноплеменника, устроенного быта, гарантированного оплачиваемого места работы или пособия по безработице, по воспитанию детей и т. д.

Улучшение производственных и бытовых условий кочевания, на наш взгляд, способствовало бы решению проблемы "брачных партнеров", характерной для всех молодежных кочевых эвенкийских хозяйств, закреплению в них трудоспособных молодых мужчин, улучшению демографических характеристик кочевых семей. Мы конечно же не рассчитываем на то, что это будет стимулировать процесс перехода эвенков от оседлости к кочевью и тем самым решит автоматически проблему межпоколенной трансмиссии культурных традиций. Вместе с тем было бы глупо не ожидать, что какая-то часть оседлых семей, видя положительные примеры "процветания" кочевых хозяйств в тяжелых условиях рынка не сделает выбора в сторону "традиционной системы жизнеобеспечения". Таким образом, есть надежда на то, что реконструкция материальной базы кочевого хозяйства, при соответствующих изменениях в налоговом обложении единоличников (готовых "фермеров") позволит отчасти решить проблему сохранения этнокультурного наследия эвенков в целом.

В определении "традиционной системы жизнеобеспечения", основы "традиционной культуры эвенков", очевидна необходимость учета того, что для разных социальных и территориальных подразделений эвенков они будут и далее, по ряду показателей существенно различаться. Данные различия, как нам кажется, распространяются не только на сферу производства, но и охватывают сферы местного самоуправления, развития языка, образования и профессиональной подготовки. Законопроект основ "правового статуса коернных народов" однозначно защищает права тех землепользователей, которые ведут традиционные виды хозяйственной деятельности. Однако наиболее оптимальным нам представляется следующий вариант землепользования. Для кочевых хозяйств, чья деятельность действительно "непосредственно зависит от окружающей среды" и которые еще не утратили "чувство хозяина" необходимо законодательное введение права частного наследуемого владения на осваиваемый комплекс промысловых и

пастбищных угодий, участков хозяйственной рубки леса, используемых в хозяйственных целях водоемов, рекреаций для возобновления промысловой фауны и пастбищ. Контроль за правилами хозяйственного освоения угодий должен быть передан в соответствующие службы местного самоуправления районов компактного обитания кочевых семей.

Для оседлых семей, чья производственная деятельность лишь в сезоны пушного промысла связана с "территориями традиционного природопользования", выделение индивидуальных участков промыслов должно происходить на общих для постоянных жителей Севера, профессионально занятых в пушной охоте и рыболовстве, основаниях долговременной аренды. Кроме приоритетного права эксплуатации возобновляемых ресурсов, она должна предусматривать централизованный контроль за правилами освоения угодий, ежегодное лицензирование норм, сроков и сезонов добычи животных. Тот же принцип должен быть положен в основу организации системы потребительского и товарного рыболовства. Нам представляется, что предложенная схема снимет то напряжение среди этнически разнородного населения северных поселков, которое возникает всякий раз, когда льготы в промыслах, в угоду "национальной политике", в одностороннем порядке предоставляются лишь "коренным жителям".

Из наших материалов известно, что пресловутый "сепаратизм" северных территорий и местного руководства не более чем миф. На самом деле, в вопросах землепользования и эксплуатации местных природных ресурсов ни население Севера, ни руководство районов не отрицают приоритета государственных интересов. Требования состоят лишь в том, чтобы на места, в развитие провозглашенных указами Президента РФ "Основ местного самоуправления", было делегировано право участия в реализации природных ресурсов территории, право самостоятельного определения норм и правил их эксплуатации, оставления части доходов от их реализации в местном бюджете. Собственно эти интересы и побуждают руководство районов Севера обращаться в высшие правительственные инстанции с требованиями о предоставлении статусов "территорий традиционного природопользования", "национального района", "национального поселка". В этом контексте делегирование в органы местного самоуправления контрольно-распределительных функций, права лицензирования добычи возобновляемых ресурсов и формирования системы пользования угодьями

для всех категорий постоянного населения, представляются наиболее разумными.

Система самоуправления, предусматриваемая "Основами правового статуса" и предлагаемая к внедрению среди всех категорий сельского эвенкийского населения Средней Сибири, как нам представляется, также нуждается в определении механизма ее функционирования, его корректировки и приведения в соответствие с конкретной социальной структурой населения северных субрегионов. Прежде всего следует видимо заметить, что предусмотренное указанным законопроектом право коренных народов на формирование автономных национально-территориальных образований (национальных сел, поселков, районов) в составе краев и областей, в перспективе будущего государственного устройства России, даже при условии численного преобладания в границах выделяемых территорий коренного населения представляется нам малопродуктивным.

Анализ причин, побудивших ряд районов и населенных пунктов Иркутской области (в частности, Тофаларию в составе Нижнеудинского района, села Тетя, Хамакар, Наканно в составе Катангского района) выдвинуть требования о предоставлении статуса автономных "национально-территориальных образований", показывает, что в основе их лежит существующее до сих пор неравенство возможностей отстаивания своих интересов разных "субъектов" Российской Федерации". Система сверцентрализованного управления финансами, экономикой и социальной политикой, сложившаяся в советский период, на наш взгляд, не только не исчезла, но стала еще более жесткой. Любые попытки местных органов исполнительной власти активно вмешиваться в вопросы экономического и социального развития подведомственных территорий рассматриваются на областном и республиканском уровнях как проявления сепаратизма. Нам представляется, что развитие системы самоуправления на уровне северного субрегиона (составной части области и края), как и формирование систем общественного самоуправления на уровне территориальных объединений коренного населения должны основываться не столько на пресловутом "праве наций на самоопределение", сколько на "декларации прав человека и гражданина", принятой большинством развитых государств мира и защищающей интересы всех слоев общества вне зависимости от их этнической принадлежности, степени "укорененности", образа жизни и форм хозяйственной деятельности.

Учитывая, что коренное население Севера в условиях "рынка" и свободной конкуренции по ряду причин наиболее уязвимо и требует особой защиты и поддержки со стороны государства, мы также склонны считать необходимым создание предусмотренных законопроектом "Основ правового статуса коренных народов" особых форм общинного самоуправления, формируемых по этническому (однациональные), межэтническому (надэтническому - многонациональные), родовому и соседскому признакам. Вместе с тем представляется необходимым уточнить, что для разных слоев коренного (в данном случае эвенкийского) населения и соответствующих им вариантов общинного самоуправления должны быть определены разные управленческие функции.

Большая часть эвенкийского населения Средней Сибири в настоящее время расселена чересполосно с разнородным иноэтничным населением, интегрирована в общую для данного региона России социально-экономическую структуру и выделение территориальных групп этноса в изолированные структуры не только нецелесообразно, но и вряд-ли возможно. Очевидно, что формируемые этнические институты самоуправления должны соотноситься с уже существующими структурами краевой, областной и районной власти на условиях делегирования части функций, иерархической соподчиненности и коллегиальности в решении общих проблем социального, экономического и культурного развития административных районов, округов и населенных пунктов. К компетенции родовых и соседских общин, объединяющих и представляющих интересы территориальных объединений кочевого и моноэтнического оседлого населения северных районов, могут быть отнесены следующие права:

- участие в освоении запасов недр в границах подведомственной общине территории; участие в решении вопросов о предоставлении в аренду части подведомственных территорий под нетрадиционные виды хозяйственной деятельности;

- контроль и регулирование норм и правил ведения промыслово-оленоводческого хозяйства;

- решение вопросов изъятия угодий из частного владения членов общины, в случаях нарушения установленных правил пользования угодьями при условии согласования решений об изъятии с соответствующими органами судебной и исполнительной власти административного района;

- право первой инстанции в рассмотрении споров и конфликтов

между членами общины и участия в судебных процессах на правах суда присяжных;

- права самостоятельного выбора путей экономического, социального и культурного развития подведомственного данному органу самоуправления населения.

Для постоянно живущих в многонациональных сельских населенных пунктах эвенков очевидно нет необходимости в том, чтобы формирующиеся в их среде органы общинного самоуправления занимали изолированное положение в решении общих вопросов экономического, социального и культурного развития. Достаточно отработать механизм, который обеспечивал бы активное влияние коренного населения на существование решений, принимаемых поселковой и районной администрацией. Вместе с тем, очевидна необходимость создания эвенкийской общины в качестве общественной организации, консолидирующей оседлые семьи, коллективно отстаивающей их интересы в решениях вопросов развития систем образования, языковой политики, профессиональной подготовки, приоритетов в трудоустройстве в сферах традиционного хозяйства и сопутствующих ему видов производственной деятельности. Сельской соседской общине оседлых эвенков, составляющих меньшинство многонациональных поселков, на наш взгляд, может быть также предоставлено право активного участия в распределении промысловых угодий, в лицензировании объектов промысла и определении правил и сроков ведения промыслов. В судебном решении гражданских и уголовных дел в отношении соплеменников, сельской общине эвенков, на наш взгляд должно быть предоставлено преимущественное право участия в процессах в качестве общественных защитников, присяжных заседателей. Характеризуя в целом предлагаемую схему эвенкийской общинной формы местного самоуправления, еще раз подчеркнем, что предусмотренные законом права самоопределения коренного населения отнюдь не рассматриваются нами как попытка автономизации, суверинизации данных структур, изоляции эвенков от общих для северных субрегионов процессов местного самоуправления, экономического, социального и культурного развития всех этнических групп населения.

Экономическая основа социального и культурного развития эвенков, увязывается проектом "Основ правового статуса коренных народов Севера России" с системой "традиционного природопользования" и сложившейся практикой государственного финансирования со-

ответствующих программ. Нам же представляется, что и то и другое есть скорее сложившаяся на сей день *основная сфера профессиональной деятельности* кочевых и оседлых эвенков. Малая численность этноса, даже при условии профессиональной переориентации значительной его части в нетрадиционные сферы производства, на наш взгляд не исключают того, что охота, оленеводство и сбор дикоросов и в будущем будут иметь значение *этнических видов хозяйственной деятельности*, определяющих этнокультурную специфику данной общности. Вместе с тем очевидно и то, что по ряду причин сфера традиционных промыслов и оленеводства не будет способна обеспечить оптимальные пропорции в демографии эвенков, адаптацию традиционной культуры в меняющейся экономической и социокультурной среде.

Как уже отмечено выше, оседлые эвенки, обитающие в многонациональных поселках, несмотря на свое изолированное положение "нацменьшинств" уже давно и прочно интегрированы в существующий комплекс наднациональных северных отраслей хозяйства. Созданная за годы советской власти общая для всех жителей Севера социокультурная среда активно формирует большую часть современной материальной и духовной культуры. Дальнейшая интеграция в иноэтнической "деревенской" среде, очевидно, будет определяться дальнейшими инновационными изменениями в этнокультурной специфике этой категории этноса. В самых благоприятных условиях, при мощной финансовой поддержке программ сохранения культурного наследия малочисленных этносов, внутреннее саморазвитие замкнутых в инородной среде общин оседлых эвенков, на наш взгляд, будет непосредственно определяться общим экономическим развитием районов их компактного расселения, сфер образования и культуры всего населения северных субрегионов. Последние, как показывает наш "российский опыт" и опыт коренного населения Северной Америки, в своем развитии непосредственно зависят от уровня индустриального освоения территорий.

В принципе очевидна полезность опыта отвергнутого в свое время пути развития малочисленных этносов в изолированных резервациях. Правительства США и Канады, под давлением объединенных усилий коренного населения собственных государств вынуждено было в 70-80-х гг. XX столетия принять ряд законов, открывающих правовые и экономические перспективы экономического, социального и культурного развития эскимосов и индейцев¹⁰¹. Вместе с тем общеп-

ризнано, что все сферы жизни коренного населения Сев. Америки более или менее процветают не только потому, что имеют отлаженную систему финансовой поддержки из государственного бюджета, из многочисленных фондов, созданных на поступления от аренды под промышленную застройку принадлежащих на правах частной собственности территорий национальных резерваций. Очевидно, что в обеспечении этнокультурного развития коренных этносов США и Канады немалую роль играет то, насколько та или иная община вышла за узкие рамки традиционной добывающей экономики, насколько в резервации продвинуто на первый план развитие таких сфер дохода как туризм, местная промышленность, торговый бизнес, домашние кустарные ремесла. Следует при этом отметить и то, что большая часть коренного населения Северной Америки еще далека от того чувства общего комфорта, социально-психологического благополучия, которые свойственны "белому большинству".

В свете изложенного выше, экономическая основа развития среднесибирских эвенков представляется нам в следующем схематическом виде. Традиционные отрасли хозяйства, остаются для большей части эвенков той средой, которая формирует особый, этнически определенный мир, формирующий основные этнодифференцирующие характеристики этноса. В то же время, оленеводство и пушной промысел в их нынешнем состоянии являются основой экономического развития лишь ограниченной части кочевых семей. Для оседлой части эвенков, экономический базис развития, кроме сезонных пушных промыслов, должен формироваться за счет доходов от туризма, традиционных промыслов, промышленной переработки продукции охоты и оленеводства. Определенную часть средств для развития эвенкийских общин должны составить доходы от арендной платы за промышленное освоение части "территорий традиционного природопользования", участия в Акционерных предприятиях местной добывающей промышленности, деятельности в сфере экологической службы, службы охраны и контроля за рациональным использованием природных ресурсов.

Следует очевидно полагать, что успешное функционирование экономической базы социокультурного развития эвенков невозможно без соответствующих изменений в системе образования и налоговой политики в отношении районов Севера. Первые, на наш взгляд, должны состоять в переориентации среднего образования на первоначальную профессиональную подготовку специалистов по профилю традици-

онных отраслей хозяйства и национальных промыслов. Неотъемлемой частью системы "трудового воспитания" в средней и начальной школах районов расселения эвенков должны стать производственные мастерские, обслуживающие местное население и ориентированные на изготовление охотничьего и рыболовного инвентаря, снаряжения для оленеводства, производственной и бытовой одежды, национальных сувениров. Программы школьного образования для детей оседлых и, в особенности, кочевых семей должны предусматривать наличие производственных практик, закрепляющих "теоретические знания" в оленеводстве, охотничьем промысле и охране природных ресурсов. В качестве учебных мастеров производственного обучения, в период практик на условиях оплаты "мастеров-наставников", представляется целесообразным использование не только имеющих "специальное образование", но и непосредственно задействованных в традиционных отраслях хозяйства лучших оленеводов и охотников из числа коренных жителей.

Существующая налоговая система, как известно, не способствует нормальному развитию ни фермерского, ни иных форм хозяйственной деятельности в районах Севера. Введение льготных тарифов налогообложения не только в отношении фермерских хозяйств коренного населения, но и в отношении тех предприятий, чья хозяйственная деятельность финансирует развитие социокультурной сферы жизни коренного и иноэтничного постоянного населения, на наш взгляд, один из возможных способов решения вопроса об "экономической основе" социального и этнокультурного развития районов Севера. Существенные изменения должны произойти и в системе формирования местных бюджетов. Основная часть доходов, получаемых от деятельности местных предприятий, от аренды земель, от подоходных налогов населения, должна оставаться в районах и использоваться на финансирование внутрирайонных статей расходов по социокультурным и экономическим программам районного масштаба. В целом же следует настаивать на том, чтобы в полной мере на уровне северных территорий были реализованы те права экономической автономии и самоуправления, которые заложены в федеральном законодательстве, в том числе в "Основах правового статуса коренных народов".

Как уже отмечалось, преобладание межнациональных браков среди оседлых эвенков в своей основе связано с более худшими условиями жизни охотников-олeneводоB, нежели той части населения Севе-

ра, которая не связана с традиционными отраслями хозяйства. Именно по этой причине возвращение эвенков к этнической экзогамии, тем самым достижение возможности сохранения этнокультурных традиций среди поколений потомков от смешанных браков, представляется нам утопией, пока занятое в традиционных отраслях эвенкийское население в бытовом отношении и по уровню доходов не сравнивается со средними характеристиками по остальным категориям населения Севера. Нам не кажется, что межнациональные браки в конце концов приведут к полному растворению эвенков в иноэтнической среде. Если обратиться к материалам первых лет "советского периода" этнической истории этноса, вернуться к тому в каких условиях происходило формирование основных этнокультурных традиций становится очевидным, что самосохранение этноса, вышедшего к началу XX века на заключительный этап этногенеза, не обязательно должно сопровождаться его изоляцией от иноэтнической среды. Национальная интеллигенция 1920-х гг., как известно, активно воспринимала те культурные инновации, которые исходили из "русскоязычной" среды. Столь же широко известно, что нормальное функционирование механизма селекции инокультурных заимствований и адаптации их в комплексе культурных традиций не только является обычным явлением процесса эволюционного развития культуры, но и обеспечивает ее "выживание" в резко меняющейся внешней среде. Скорее всего, деструкция значительной части эвенкийской культуры является не столько результатом ее контактирования с культурой русского населения Сибири, сколько следствием искусственной подмены естественного механизма адаптации иноэтнических заимствований политическим.

Даже при условии потери всего комплекса этнокультурных характеристик, эвенки способны сохранить свое самосознание, дистанцироваться от иноэтнического населения, изолироваться в виде этнокультурной общности. Для этого, на наш взгляд, вполне достаточно того, чтобы в глазах самих эвенков, оторванных сегодня от этнических корней, резко изменилось отношение к своему прошлому, которое, воспитанным на примерах "развитых цивилизаций" большинством, воспринимается сегодня как "эпоха варварства". Таким, в частности, является отношение оседлой части эвенков к национальному языку. Как известно, большая часть современного молодого поколения эвенков либо не владеет им, либо предпочитает русский не только в общении с русскими старожилками, но и своими соплеменни-

ками. Как показывают наши наблюдения, это происходит не столько потому, что определенной частью оседлых эвенков утрачены навыки **понимания** родного языка, сколько из-за того, что за истекшие 40-50 лет резко изменилась сама по себе **языковая среда**.

Возвращение к той ситуации начала нынешнего века, в которой большая часть эвенков в быту пользовалась национальным языком и, одновременно, благодаря сформировавшемуся в среде межэтнического общения двуязычию, могла изъясняться по русски - один из важнейших элементов этнокультурного возрождения этноса. Сокращение часов преподавания национальных языков в программах начального и среднего школьного образования произошло где-то на рубеже 1950-60-х гг. Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена до сих пор готовит преподавателей для начальных классов со знанием национальных языков. Преподавание эвенкийского языка и литературы в последние годы возвращено в программы начального обучения практически во всех учебных заведениях Эвенкии. Тем не менее языковая ситуация в этом регионе до сих пор практически не меняется.

Решение вопроса о "возрождении" эвенкийского языка и его развитии, до сих пор осложнено двумя причинами. Существующие диалектные различия, о которых неоднократно говорили эвенкийские преподаватели "словесности" на научно-практических конференциях¹⁰², представляются многим как серьезное препятствие на пути формирования общеэвенкийского языка. До сих пор среди преподавателей-практиков и ученых-языковедов дискутируются две альтернативные позиции - искусственно созданный, унифицированный для всех диалектных групп национальный язык или язык этноса в виде самостоятельных диалектов¹⁰³. Надо полагать, что вопрос о выборе варианта общего для всех диалектных групп эвенков языка преподавания все же когда-нибудь решится. Вместе с тем, нам представляется, что основная трудность в процессе языкового возрождения эвенков будет заключаться в создании ноосферы функционирования языка. При этом "билингвизм", параллельное употребление "национального" и общегосударственного русского языков, с нашей точки зрения, будет и в дальнейшем иметь определенное жизненно важное значение. Эвенкийский язык, функционирующий по преимуществу в сферах бытового общения эвенков, будет нести функцию "объединителя". Одновременно, развиваясь в "пиджинизированной" форме, эвенкийский язык мо-

жет выполнять функцию языка межнационального бытового общения. Если для кочевых эвенков языковой "ноосферой" останется сфера "благоустроенного" охотничье-оленоводческого хозяйства, то для оседлых, ею должна стать сфера духовной культуры - фольклор, обрядность, национальное радио и телевидение, печать и литература на национальном языке, художественное творчество самодеятельного и профессионального уровней. Очевидно, что без развития бытовой и социальной сфер функционирования языка и культуры вообще невозможно говорить о каком-либо изменении языковой ситуации среди большей части современных оседлых эвенков. В целом, для достижения целей возрождения языка, на наш взгляд, в масштабах государства должны быть предприняты следующие шаги:

- на уровне района может быть принято решение, по которому эвенкийский язык приобретает статус "официального"; сферой его действия должны стать управление в масштабах районов компактного расселения эвенков - официальные документы и распоряжения администрации. документы по судопроизводству;

- обучение эвенкийскому языку целесообразно начинать с дошкольного возраста, при этом эвенкийский язык, как средство межнационального общения среди постоянного населения районов, должен входить в систему дошкольного (ясли, детские сады) обучения не только детей эвенков, но и русских старожилов; в этом предложении нет особой новизны, ибо еще живущие ныне представители старшего поколения русских старожилов, достаточно хорошо владели эвенкийским и знание "второго языка" считали для себя обязательным;

- существенное значение в деле "возрождения" эвенкийского языка будет иметь изменение бытующего представления о "высших" и "низших" культурах; пропаганда эвенкийской культуры природопользования, включение в программы среднего образования факультативов по этнической истории эвенков и русских старожилов, фольклору, народным промыслам будет способствовать тому, что существующее стыдливое отношение к собственному "дикому прошлому" уступит в среде эвенков место уважению и интересу к своим культурным традициям.

Подводя итог изложенным соображениям следует признать, что складывающаяся в России экономико-правовая ситуация пока не вызывает особых надежд на то, что проблема "выживания" эвенков будет успешно решена в ближайшее десятилетие. Принятый в окончательном

варианте закон о "правовом статусе коренных народов Севера России" (по последним сведениям из официальных источников он отправлен Президентом РФ на доработку) способен лишь остановить потерю оставшейся части этнокультурного наследия. Вопрос о том, явится ли оно своего рода "стартовой площадкой" для возрождения и реконструкции культуры, во многом, как нам кажется, будет зависеть от того насколько социально ориентированной, "личностной" будет в дальнейшем вся внутренняя экономическая и культурная политика движущейся к рынку и демократии России.

Примечания

1. Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири: статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. - СПб., 1911; Якобий А.Н. Угасание инородческого племени Севера. - СПб., 1893

2. А.Дж.Тойнби Цивилизация перед судом истории. - СПб., 1995, - с.35

3. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки. XVII - начало XX в. - Л., 1969, - с.37-41; Рычков Ю.Г., Таусик Н.Е., Таусик Т.Н., Бородина С.Р., Шереметьева В.А. Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленоводо Севера Сибири (эвенки Средней Сибири). // Вопр. антропологии. / Вып. 47, 1974, - с.3-26; Вып. 48, 1974, - с. 3-17; Вып. 53, 1976, - с.38-56

4. Василевич Г.М. Эвенки...с. 3, 9-14

5. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. - М., 1985; Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII - начало XX вв. - М., Л., 1970, - с.438-443

6. Туголуков В.А. Социальная организация эвенков и эвенов. // Общественный строй у народов Северной Сибири. - М., Л., 1970; Карлов В.В. Эвенки в XVII - начале XX в. (хозяйство и социальная организация). - М., 1982

7. Гурвич И.С. К социализму минуя капитализм. // Этническое развитие народностей Севера в советский период. - М., 1987, - с.11-13

8. Витсен Н.К. Северная и Восточная Татария (перевод со старонемецкого В.Г.Трисман) // Архив Лен. части Института этнографии АН СССР. - ф. К-У, оп.1, д.142; Георги И.Г. Описание всех в Рос-

- сийском государстве обитающих народов. - ч.3, СПб, 1799
10. Туголуков В.А. Тунгусы... -с.5
11. Там же -с.162-163
12. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. -М., 1977, -с.4
13. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-Сахалар. Очерки древней истории якутов. -т.1, -Иркутск, 1937; Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов. //Этногенез народов Севера. -М., 1980, -с.168
14. Василевич Г.М. Эвенки ... -с.4; Гурвич И.С. Культура северных якутов... -с.3
15. Туголуков В.А. Тунгусы... -с.101
16. Василевич Г.М. Эвенки Катангского района. //Сибирский этнографический сборник. -Вып. IV. / Труды ин-та этногр., т.78. -М., 1962, -с.7
17. Туголуков В.А. Тунгусы... -с.73-74
18. Василевич Г.М. Исторические сказания и родовые предания эвенков. -Л., 1966; Её же- Эвенки. Историко-этнографические очерки. -Л., 1969
19. Рычков К.М. Енисейские тунгусы. //Землеведение. /Кн.1-2. -Иркутск, 1917, -с.66
20. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. -Иркутск, 1968; Иванов В.Н. Русские ученые о народах Северо-Востока Азии. -Якутск, 1978; Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. -ч.1-2, -СПб., 1775-1779
21. Василевич Г.М. Исторические сказания... -Л., 1966; Анисимов А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). -Л., 1936, -с.162-183
22. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. -СПб., 1878, -с.657
23. Туголуков В.А. Тунгусы... -с.94-95
24. Миллер Г.Ф. История Сибири. -т.1. - М.-Л., 1937; -т.2. - М.-Л., 1941; Окладников А.П. Очерки по этнической истории западных бурят-монголов. -Л., 1937; Туголуков В.А. Тунгусы... -с.38
25. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. //СЭ. -1966. -№3. -с.27; Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. -Новосибирск, 1988, -с.103-104; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. -т.2. -Ир-

- кутск, 1957, -с.469,621
- 26.Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири.-М., 1985, -с.39
- 27.Туров М.Г. Некоторые сведения об эвенках Чунского района.// Древняя история народов Юга Восточной Сибири. -Вып.1,-Иркутск,1974, -с.237-248
- 28.Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.-М., 1960, -с.261
- 29.Туголуков В.А. Тунгусы.... -с.40-44
- 30.Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии. -ч.1 //СЭ.-1970, №6. -с.3-14; ч.2 //СЭ.-1971, -№5. -с.37-52; Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. -М., 1980, -с.109-124
- 31.Василевич Г.М. Типы оленеводства тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения). -М., 1964; Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение. //СЭ. -1951, №1, -с.63-67
- 32.Василевич Г.М. Эвенки -с.76
- 33.Богораз-Тан В.Г. Возникновение, развитие и перспективы.//Изв. АН СССР./Труды лаб. генетики. -М.,1933, -с.219-251
- 34.Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленя Северной Евразии. -М.,1976
- 35.Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры. -М., 1979, -с.162-164
- 36.Василевич Г.М. Эвенки...-с.42
- 37.Анисимов А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). -Л.,1936; Крейнович Е.А. Нивхгу. -М.,1973; Рычков К.М. Енисейские тунгусы. //Землеведение. -кн.1-2, Иркутск, 1917; кн. 3-4, -Иркутск,1922
- 38.Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX - начале XX в.(принципы освоения угодий). -Иркутск,1990, -с.122-123
- 39.См. в частности - Путешествие русского посланника Н.Спафария через Сибирь в 1675 г. //Зап./РГО (по отделу этнографии).-т.Х, вып.1, 1882
- 40.Александров В.А. Происхождение русского населения Енисейского края в XVII в.//Труды ин-та этнографии.-Т.LXXVIII./ Сиб. этнограф. сборник., вып.IV, Очерки по истории, хозяйству и быту

народов Севера. -М., 1962, -с.9-29; Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. //Сб. научных трудов. -т.3, ч.2, М., 1955, -с.49-85; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев в XVI-XVII вв. -ч.2. -М., 1981; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. -ТТ. 1-2, -Иркутск, 1949, 1957

41. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири...-с.51-58

42. Там же, -с.70-71

43. Василевич Г.М. Эвенки...-Л., 1969, -с.69; Гурвич И.С., Долгих В.О., Смоляк А.В. Хозяйство народов Севера в XVII-XX вв. //Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII - начало XX вв. -М., 1970, -с.38-70; Степанов Н.Н. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в. //Вопросы истории Сибири. /Ученые зап. ЛПИ, 1961, -с.209-262

44. Копылов И.П., Добровольский А.В., Шергин И.А. Промысловые звери Иркутской области. -Иркутск, 1940

45. Туголуков В.А. Тунгусы...-М., 1985, -с.101

46. Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области. (с 1650 по 1800 г.). -Якутск, 1916, -с.289-291

47. Туголуков В.А. Тунгусы...-с.76

48. Ошаров М. Большой аргш. -Иркутск, 1989; Иохельсон В.М. Очерки зверопромышленности и торговли мехами. //ВСОРГО, т.V, вып.6, -Иркутск, 1863, -с.87-96

49. Василевич Г.М. Эвенки...-с. 54,62; Гурвич И.С. и др. Хозяйство народов Севера...-с.53

50. Петри В.Э. Охота и оленеводство тутурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. -Иркутск, 1930; Полторацнев П.Г. Оленеводство тунгусов. -Иркутск, 1932; Суслов И.М. Расчет минимального количества оленей, потребных для туземного середняцкого хозяйства. //Советский Север. - 1930, -с.25-35; Туров М.Г. Хозяйство эвенков ...-Иркутск, 1990; Turon M.G. State program of the socio-economic development in the Russian North and the Katan-ga Evenky. //Slavic studies, no.42, pp.149-160. -Slavic Research Center, Hokkaido university, 1995

51. Василевич Г.М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения). -М., 1964

52. Василевич Г.М. Эвенки Катангского района. // Труды института этнографии. -Т.LXXIII. /Сиб. этнограф. сб., вып. IV. -М.,

- 1962; Туголуков В.А. Тунгусы...-М., 1985
53. Акты об отводе звероловных мест. - Госуд.архив Иркутской обл.(ГАИО),-ф.150, оп.1, д.27; Озверовных угодьях. -ГАИО, ф.461, оп.2, д.1
54. Ведомости о ярмарках за 1904 год по Иркутской губернии. -ГАИО, ф.161, оп.2, д.907; Расписание о ценах на рухлядь, взимаемую в ясачную и оброчную подати.-ГАИО, ф.161, оп.4, д.409; О ясачной подати, ценах на мягкую рухлядь. О пушном и рыбном промыслах. -ГАИО, ф.461, оп.2, д.7
55. Попов Н. Пища тунгусов. //Изв.ВСОРГО. -Иркутск, 1926, -с.23
56. О покруте тунгусов крестьянами и запрещении покруты. -ГАИО, ф.26, оп.3, д.4
57. Василевич Г.М. Эвенки Катангского района ...-с.118-119; Полтораднев П.Г. Оленеводство тунгусов ...-с.9-11; Туголуков В.А. Тунгусы...-с.143-148
58. Василевич Г.М. Эвенки...-с.6; Воробьев Н.И. Материалы по быту русского старожильческого населения Восточной Сибири. Население Причунского края Енисейской губернии. //ИОАИЭ. /Изв. общ. истории, археологии, этнографии. -т.ХХХIII, вып. 2-3, -М.,1926
59. Чеканинский И.А. Описание русских по притоку Ангары - Чуне. Следы Шаманского культа в русско-тунгусских поселениях на р.Чуне в Енисейской губернии.//ЭО. N 3-4,1914
60. Василевич Г.М. Сымские тунгусы. //Советский Север. N2, 1931; Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвенн) Средней и Западной Сибири. -М., 1985, -с.79
61. Василевич Г.М. Эвенки...-с.90
62. Туров М.Г. Хозяйство эвенков... -с.120-121
63. Василевич Г.М. Эвенки...-Л., 1969; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. -М.,1960; Туголуков В.А. Тунгусы...-М., 1985
64. Латкин Н.А. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. -СПб., 1892; Патканов С.А. О приросте инородческого населения Сибири. -СПб., 1911; Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. //Зап.РГО. -т.II, -СПб., 1869
65. Туголуков В.А. Тунгусы...-с.18,134,144
66. Рычков Ю.Г. и другие. Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленьеводов... //Вопросы антропологии. -1974,

вып.47, -с.20-25

67. Увачан В.Н. Путь народов Севера к социализму. Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере. -М., 1971, -с.66-67

68. Шанин Т. Формы хозяйства вне систем. //Вопросы философии.-№8, -с.109-115

69. Шанин Т. Там же, -с.110

70. Богораз В.Г. Об изучении и охране окраинных народов. //Жизнь национальностей. -1923, -№ 3-4

71. Увачан В.Н. Путь народов Севера к социализму... -с.113

72. Этническое развитие народностей Севера в советский период. -М., 1987, -с.15

73. Ленин В.И. О продовольственном налоге. //ПСС -т.43, -с.228

74. Увачан В.Н. Путь народов Севера... -с. 100

75. Увачан В.Н. Там же, -с.117-118,122,155-158

76. Васильев В.И., Туголуков В.А. Национально-государственное строительство, социалистическое переустройство хозяйства, быта и культуры и этнические процессы (1917-1940 гг.). // Этническое развитие народностей Севера в советский период. -М., 1987, -с.63

77. Увачан В.Н. Путь народов Севера к социализму...-с.130-131

78. Увачан В.Н. Там же, -с.104

79. Увачан В.Н. Там же, -с.119

80. Увачан В.Н. Там же, -с. 130

81. Васильев В.И., Туголуков В.А. Национально-государственное строительство...-с.63

82. Там же, -с.77-80

83. Увачан В.Н. Путь народов Севера к социализму...-с.140-141

84. Там же, -с.142-143

85. Там же, -с.201-202

86. См. в частности - Эвенки бассейна Енисея. -Новосибирск,1992; Бойко В.И., Васильев Н.В. Социальная и профессиональная мобильность эвенков Якутии. -Новосибирск,1981; Карелов А.М. Традиционный северный комплекс отраслей БАМа. -Иркутск,1979; Крючков В.В. Север: природа и человек. Перспективы освоения. -Л.,1979; Лашов Б.В., Литовка О.П. Социально-экономические проблемы развития народностей Крайнего Севера. -Л.,1982

87. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. -М.,1981, -с.207; Соколова Э.П.,Новикова Н.И.,Ссорин-Чайков Н.В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы. //ЭО.,1995. -№1, -с.81

88. Тойнби А.Дж. Постигание истории. -М.,1991, -с.25

89. Копия обращения коренного и старожильского населения с.Наканно отправлена из Президиума ВС СССР в Иркутский облисполком, получена 29 марта 1990г. за входящим N 108-1541

90. Соколова Э.П. и др. Этнографы пишут закон... -с.75

91. Там же, -с.78

92. Там же, -с.75

93. Там же, -с.80

94. Документы о переходе на коллективный подряд.//Гос. архив Эвенкийского нац.округа(ГАЭНО). -ф.7,оп.1,д.1078; Основные показатели производственной программы на 1986-90 годы.//ГАЭНО. -ф.7, оп.1, д.1079; Итоги выполнения плана развития народного хозяйства и культуры округа.//ГАЭНО. -ф.5,оп.1, д.469; Годовые отчеты по оленеводству за 1987г.//ГАЭНО7 -ф.6, оп.1, д.585; О переходе на изгородное содержание оленей в совхозе "Тутончанский".//ГАЭНО. -ф.94, оп.1, д.78

95. Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX - начале XX века (принципы освоения угодий). -Иркутск, 1990

96. Эвенки бассейна Енисея. -Новосиб.,1992, -с.45-57,126-157,189-195

97. Стракач Ю.Б. Народные традиции и подготовка современных сельскохозяйственных кадров.Таежные и тундровые районы Сибири. -Новосиб., 1966

98. Федеральный закон "О животном мире". Принят Государственной думой РФ 22 марта 1995г. Опубликован в газете Известия 4 мая 1995 г.

99. См. в частности - Коренное население Северной Америки в современном мире. -М.,1990

100.Соколова Э.П. и др. Этнографы пишут закон...-с.83

101.Тропой слез и надежд.Книга о современных индейцах США и Канады. -М., 1990

102.См. в частности - Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. //Тезисы./Междунар.конфер.

-тт. 1-2, -Новосиб., 1995

103. Крючкова Т.Б. Диалектная дифференциация языка и проблема создания письменности. //Язык в контексте общественного развития. -М., 1994, -с.67-72; Казакевич О.А. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Туруханского района: кеты и селькупы. //Там же, -с.110-123; Кожемякина В.А. Решение языковых проблем в многонациональной стране (на материале Канады). //Там же, -с.260-278

Село (малыяны) — шатры с малам
— палатки (малыяны, малам) — шатры с малам
1976. 1. Кочевники селькупов и кетов

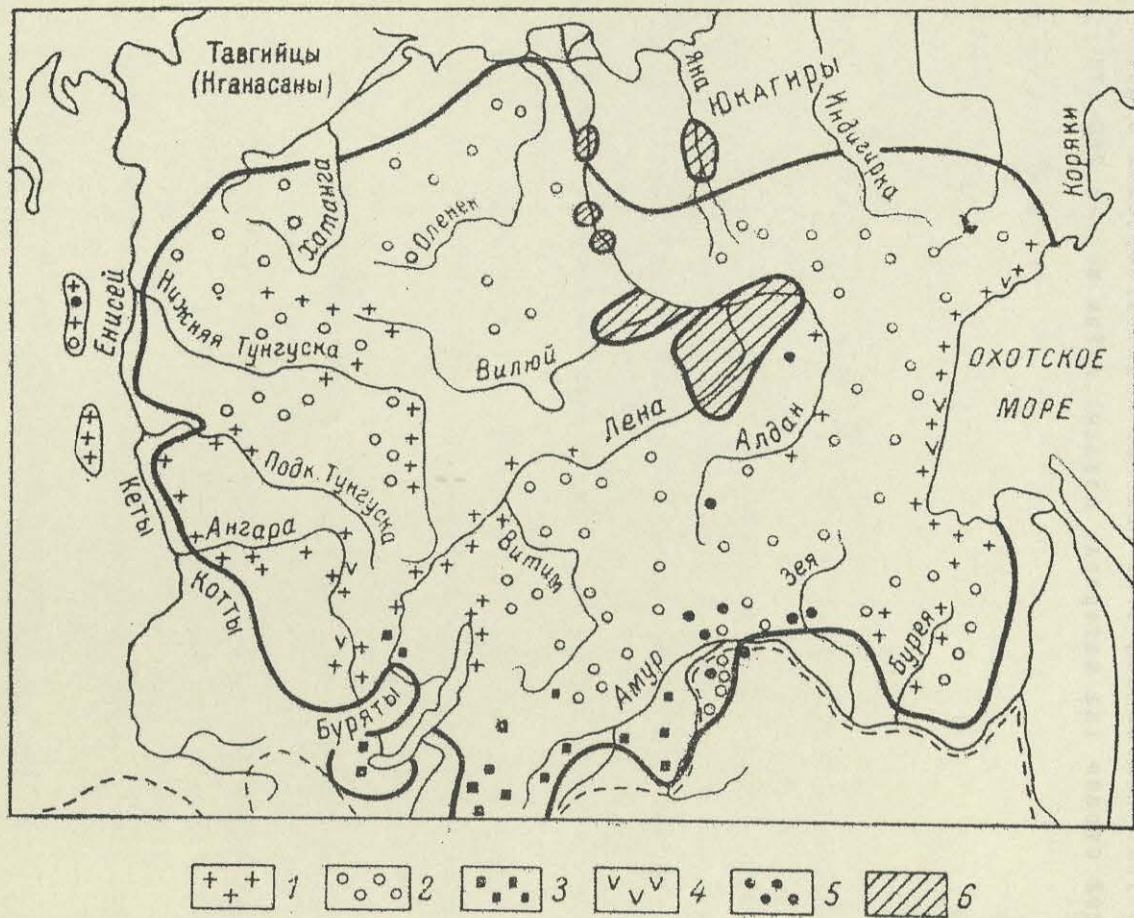
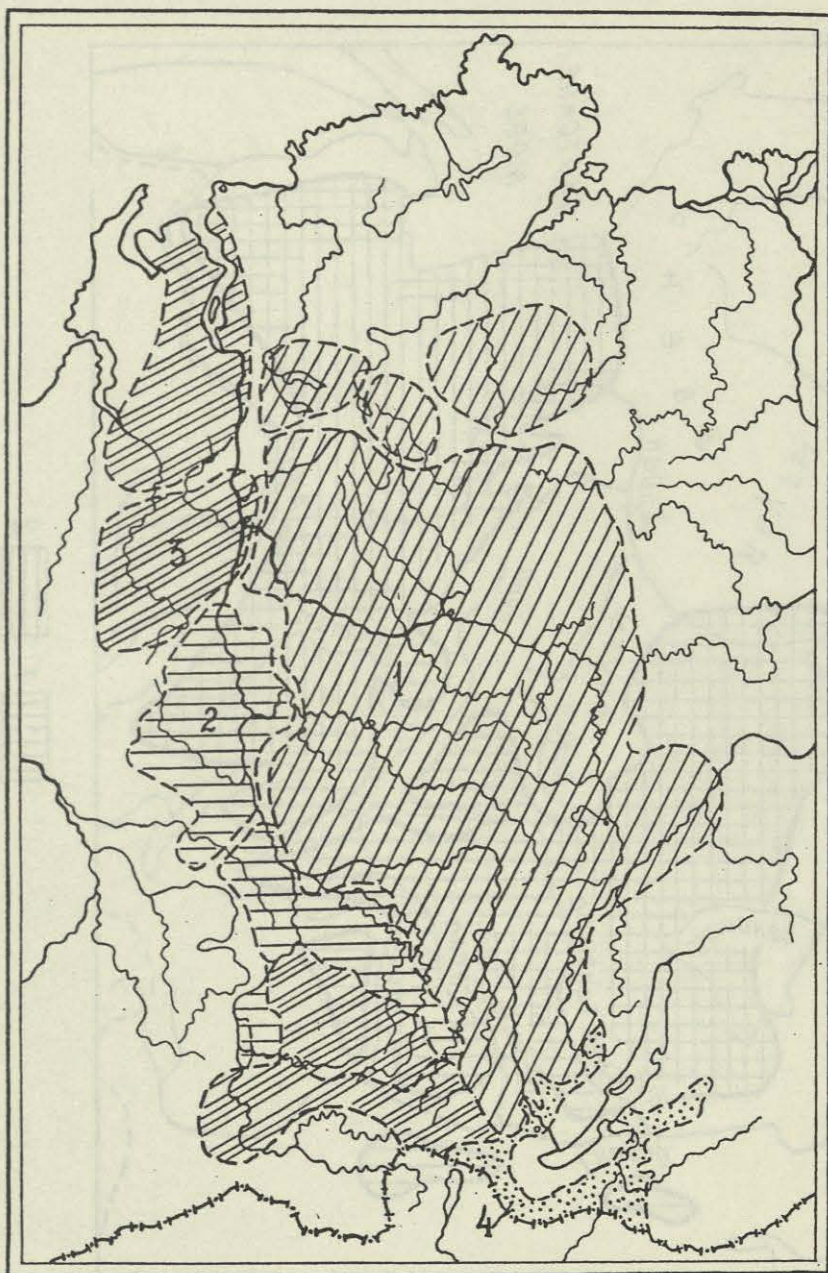

Рис. 1. Расселение тунгусов в XVII в.

1 — пещи («сидячие», «лодошные»); 2 — оленные; 3 — скотные; 4 — ламские («сидячие»); 5 — конные; 6 — якуты.

Карта расселения эвенков в 17-м веке
 1. эвенки 2. кеты 3. энцы 4. буряты
 (по данным В.О. Долгих, 1970 г.)

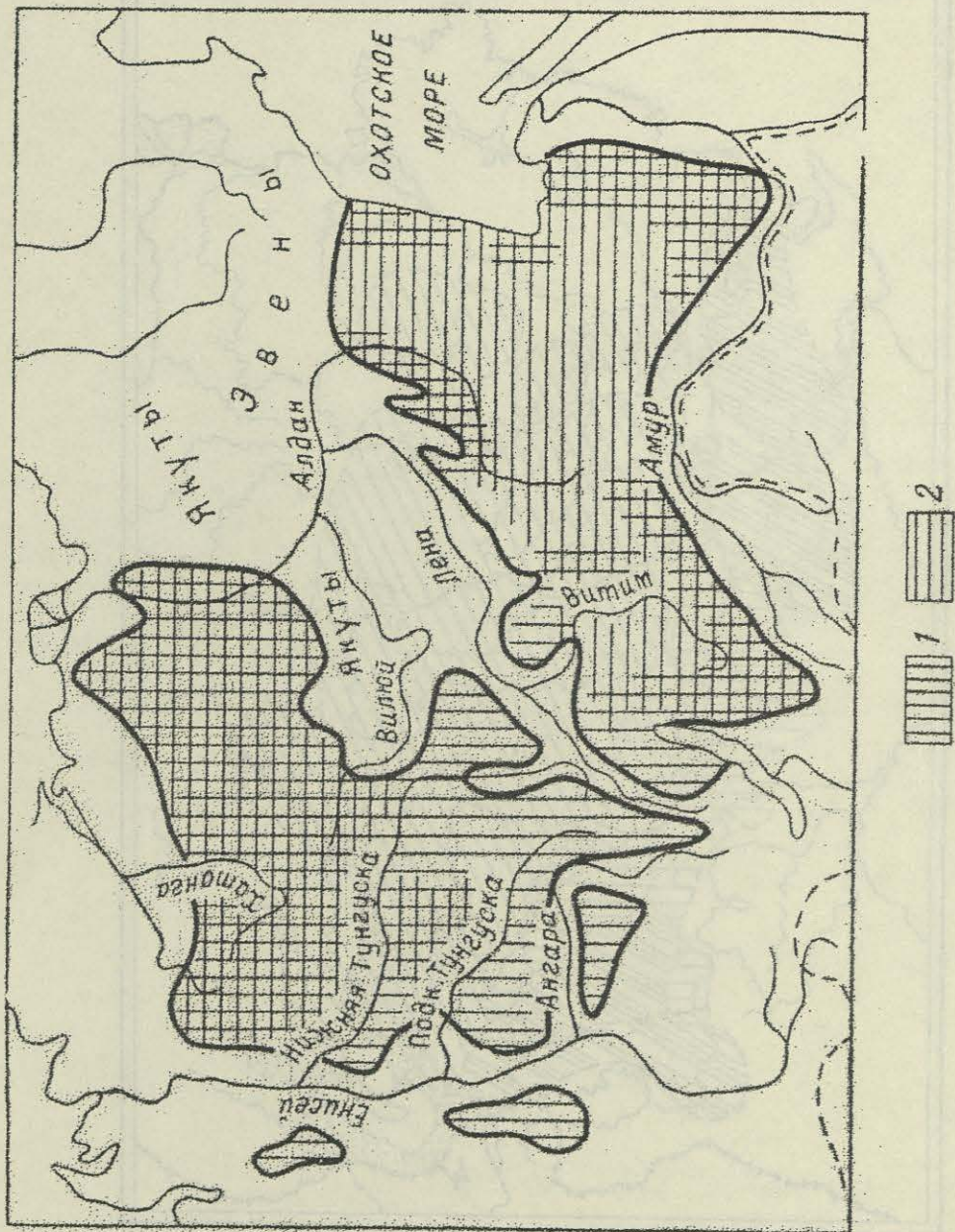

Рис. 3. Расселение тунгусов (эвенков) в конце XIX в. и тшиы оленеводства.

1 — эвенкийский; 2 — ороchonский.

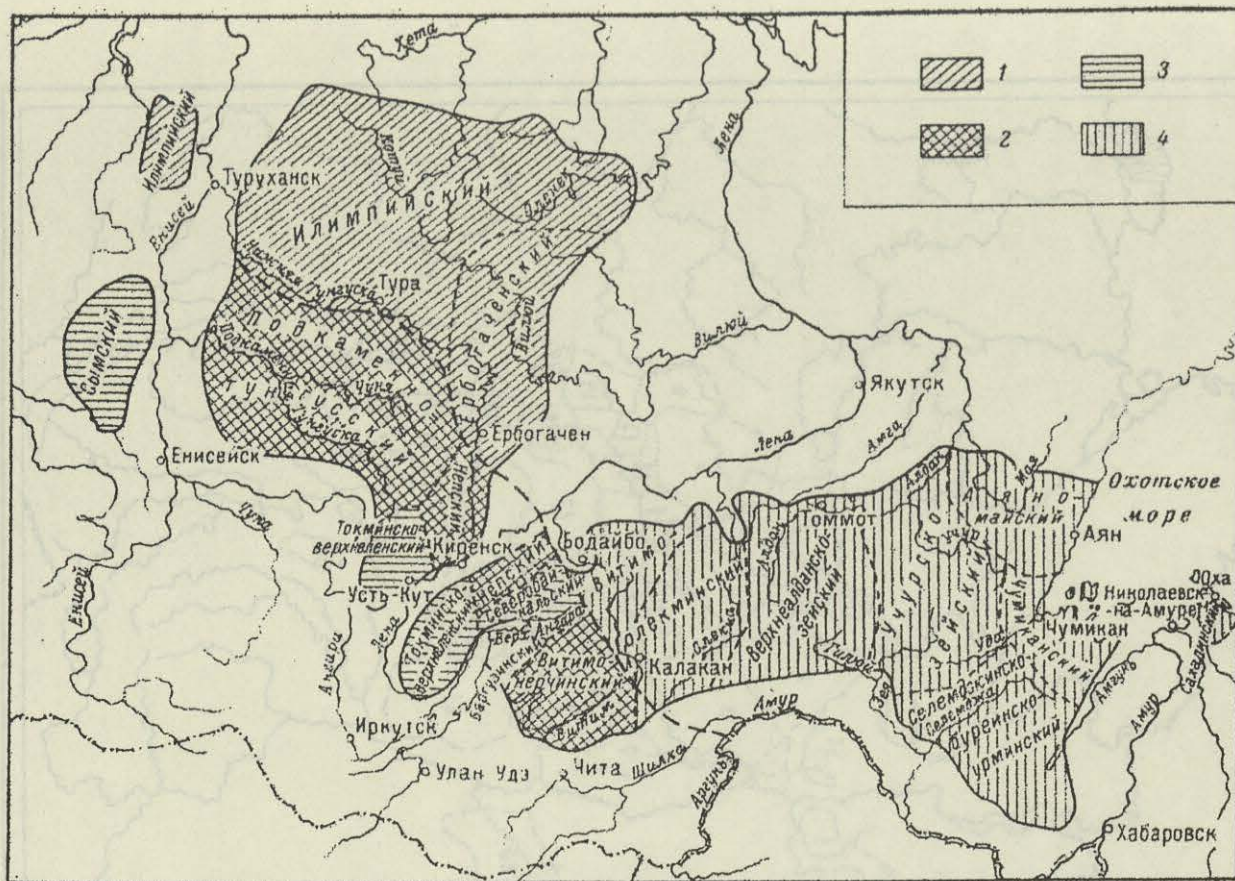
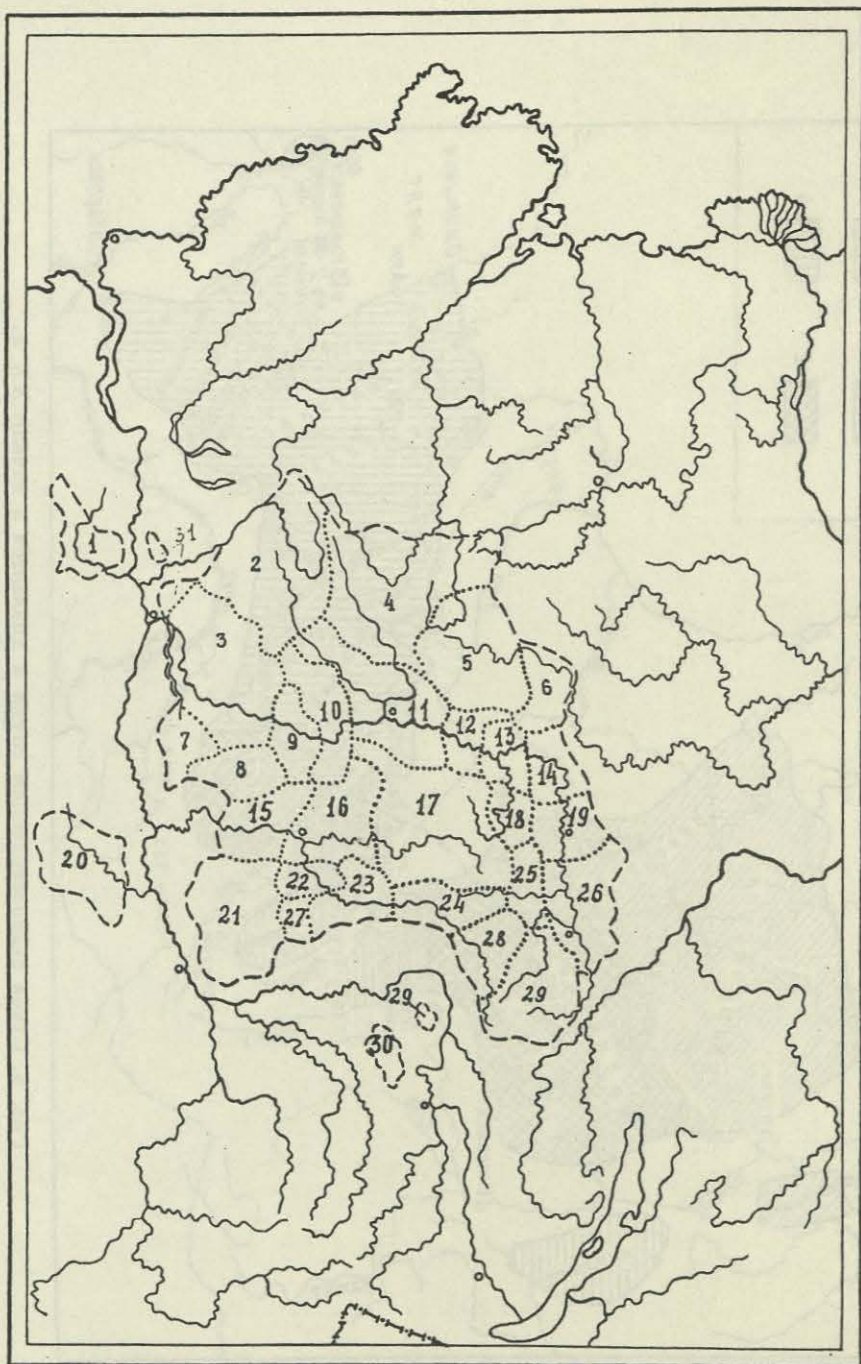

Рис. 4. Схема распространения групп и диалектов в начале XX в.

1 — северные спирантные (хакающие); 2 — южные сибиллянтные свистящие (секающие); 3 — южные сибиллянтные шипящие (пекающие); 4 — восточные сибиллянто-спирантные (секающе-хакающие).

Карта расселения эвенков по данным
переписи 1926-27 гг.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1. Административно-территориальная структура эвенков
Средней Сибири в начале XX в. (по материалам Б. О. Долгих)

№ п/п	Территориальная группа	Народность	Число хозяйств	Кол-во населения
1.	Норильская	долгане	44	220
		эвенки	19	85
		энцы	2	12
2.	Больше-Хетская	эвенки	14	63
3.	Лантакайская	- " -	13	69
4.	Хантайская	- " -	47	215
5.	Дудыптско-Пясинская	долгане	30	161
		эвенки	28	148
		энцы	3	10
6.	Дудыптская	русские	42	202
		эвенки	20	104
		долгане	8	38
		якуты	6	33
7.	Боганидская	якуты	26	148
		долгане	19	83
		эвенки	17	81
		русские	14	69
8.	Аякли-Аянская	эвенки	36	149
		якуты	17	100
9.	Боярско-Хетская	эвенки	19	101
		долгане	6	24
		якуты	16	85

	русские	1	7
10. Хетско-Нововская	якуты	92	483
	долгане	27	137
	эвенки	9	42
	энцы	2	7
11. Ессейская	якуты	95	503
	эвенки	8	44
12. Агатская	эвенки	58	300
13. Чиримдинская	—"	79	418
14. Эконгдинская	—"	43	233
15. Кочумдекская	—"	36	164
16. Вивинская	—"	28	156
17. Кочечумо-Тембенчинская	—"	36	220
18. Амовская	—"	27	126
19. Учамская	—"	10	129
20. Бахтинско-Учамская	—"	35	269
21. Полигусовская	—"	45	272
22. Байкитская	—"	85	484
23. Куюмбинская	—"	28	148
24. Тамибинская	—"	45	229
25. Комовская	—"	30	154
26. Чунско-Таймурская	—"	86	179
27. Вановарская	—"	32	159
28. Верхнекатангская	—"	39	210
29. Мундуйско-Сухарихинская	эвенки	13	59
30. Верхне-Туруханская	—"	27	165
31. Черноостровская	кеты	22	131
	эвенки	2	10
32. Елогуйская	кеты	66	333
	эвенки	2	7
33. Фатьянихо-Бахтинская	эвенки	14	81

34. Питско-Вельминская	эвенки	48	194
35. Нарымская	" "	37	162
36. Вилюйско-Вивинская	эвенки	16	77
37. Усть-Илимпейская	" "	21	94
38. Верхне-Илимпейская	" "	19	117
39. Наканновская	эвенки	23	114
	якуты	10	26
	русские	10	63
40. Ербогаченская	эвенки	38	199
	якуты	12	54
	русские	42	254
41. Еромо-Титейская	эвенки	36	168
42. Преображенская	эвенки	59	237
	русские	464	2920
43. Токминская	эвенки	86	397
	русские	62	398
44. Мамско-Чуйская	эвенки	19	72
	якуты	12	26
	русские	4	30
45. Хандинско-Орленгская	эвенки	16	104
46. Карамская	эвенки	25	127
	русские	150	966
47. Верхне-Тутурская	эвенки	38	140
48. Верхне-Киренгская	эвенки	20	80
	русские	57	375
49. Верхнеленская	эвенки	20	75
	русские	21	113
50. Байкальская	эвенки	25	92

русские	176	856
буряты	115	458

* Сплошной линией в таблице отделены административно-территориальные группы постоянного населения Средней Сибири

Reindeer Breedings in Yakutia

Shinji SAITO
Nagoya City University

In Sakha Republic an important traditional means of subsistence is reindeer breeding. One of our research goals was to investigate the seasonal activities of reindeer breeding done by the Northern minority peoples. For the past three years, however, our gathering of data had to be limited to a few research sites. I will explain in this paper the present conditions of reindeer breeding throughout the entire Yakutia, using a map published during the final years of the USSR. This report may be useful for future large-scale studies on this topic.

This practice of reindeer breeding is divided into four regions (Fig. 1), each differing in the kind of reindeer and in the method of pasturing. Region I is a tundra region located along the coast of the Arctic Ocean, where——unlike the other three regions——a long-distance move for pasturing is possible. Region II is the forest tundra region in the West; Region III is situated in the mountain taiga region in the Northeast; and Region IV is the mountain taiga region in the South. In the last three regions, people graze reindeer every year, moving among three areas: mountains, plain fields, and valleys.

Figure 2 shows the distribution of herds of wild reindeer inhabiting Yakutia, and the black dots indicate the estimated number. Although this time we were unable to investigate the relationship between the wild reindeer and the domesticated ones, the topic is extremely interesting when we consider it along with the issue of natural environment and protection.

ヤクーチアのトナカイ飼育

齋藤 晨二
(名古屋市立大学)

サハ共和国内における伝統的な生業であり、現在も重要な産業部門の一つであると考えられるものにトナカイ飼育があげられよう。我々の調査においてもこのトナカイ飼育の地域・民族による相違、季節的な生業活動の推移を追うことにメインテーマが絞られた。ただ、この3年間では調査の範囲は極めて限定されたものになったことは否めない。

そこで、本稿ではソビエト時代の終わりに近い時期の旧ヤクート自治共和国におけるトナカイ飼

育の全体を概観した「ヤクート自治共和国農業アトラス」

(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ ЯКУТСКОЙ АССР, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ЯКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ АТЛАС СЕЛЬСКО - ХОЗЯЙСТВА ЯКУТСКОЙ АССР ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕОДЕЗИИ И КАРТОГРАФИИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР, МОСКВА 1989)

より該当部分の内容を紹介して、今後の調査の参考資料に供したい。

1. トナカイ飼育の概要

ヤクーチアはロシア最大のトナカイ飼育地域のひとつであり、飼育頭数の割合で見るとマガダン州、チュメニ州、ヨーロッパ・ロシアについて第4位である。

ヤクーチアでトナカイ飼育を行なっているのは北方民族のチュクチ、エヴェン、エヴェンキである。安い食肉のほか、皮革、角製品、薬品（ランタリンに似た袋角からとれるパンタクリンが強壯剤などとして優れた薬効があるとされている—後述）などが得られ、役畜としては交通運輸手段として貴重である。旧ソ連の食肉の10～12%に当る6000～8000 tがトナカイ肉で、トナカイ飼育・狩猟ソホーズの収入の80%がトナカイ肉であった。

生態的にトナカイは、きわめて厳しい気候環境に適応しており、周年、天然牧草地で飼育でき、他の家畜には利用不可能な広大な地域がこの家畜の放牧地として利用できる。飼料の備蓄、畜舎の建設などの必要がなく、必要労働力に比して利益率が高い。そのため、ロシア革命後、トナカイ飼育数は3倍増し、極北で最も発展した産業となった。

1986年1月当時、ヤクーチアのトナカイ飼育従業者数は班長と牧夫を合せて2117人、その他に353人の畜産技師、獣医などがいた。

ひとつの集団経営体の飼育頭数は戦前は北氷洋沿岸ツンドラでは平均400～1800頭、北東山岳タイガ地域では平均100～300頭であったが、1986年当時はそれぞれ4000～19000頭、500～22000頭となった。この間、新たな集落が形成された。トポリヌイ、アンドリュウシキノ、タイムィルイなどがその例である。牧畜班の新しい装備として車両による運搬、航空サービス、無線通信、テレビ、発電機、ガス暖房などが普及した。

しかし、他方でさまざまな問題が明らかになってきた。トナカイ群による草地の踏み荒らしや火災による放牧地におけるトナカイ受容頭数の減少がおこった。過放牧、火災その他の原因で牧地の荒廃が引きおこされ、各地でヤーゲリの量が年々2～5%ずつ減少し、20～30年間に15～30%減っている。多頭飼育化と牧夫の不足がその大きな原因とされたが、草地の利用計画にも問題があった。植物地理学的調査ではヤクーチアには1億9600万haのトナカイ牧地があるとされながら、その5分の1が利用されているに過ぎなかった。家畜トナカイに周年、良好な牧地を確保する必要があり、そのためには6000万ha余りが必要でありながら、実際には4000万haほどが割当てられ、その他の草地は他の産業部門のためなどとして利用を保留されたということもある。1頭当たり108haの牧地が必要とされ、その説に従うと、ソホーズに確保されていた牧地4000万haで飼育可能な総トナカイ頭数は37万頭余りという計算になり、下記「2. トナカイの種類と分布」にあげた数字からみると、ほとんど限界に達していることになる。その上、トナカイの牧地にされている草地は広大な未利用地の中に塊状あるいは島状に設けられたために、また別の問題もあった。

すなわち、牧地周辺の未利用地に家畜トナカイが逃亡して見失ってしまうことがしばしばおこり、そうした未利用地は、野生トナカイの生息地なのである。野生トナカイの数はヤクーチア全土で27万3000頭といわれ、地域によって異なるが、これがトナカイ飼育にとって大きな障害になっている。野生トナカイの侵入によって、牧地が荒らされること、家畜トナカイの逃亡の原因になること、家畜トナカイの防疫、寄生虫駆除の妨げになることなどが指摘されている。とくに、北氷洋沿岸ツンドラ地域で野生トナカイによってヤーゲリの著しい減少が生じ、家畜トナカイの出産地の牧地がだめになるケースが急速にひろがっている。

野生トナカイへの対策では、これの多い沿岸ツンドラ帯では狩猟によってその数をコントロールする一方、山岳タイガ地域では、むしろ野生種の増加をはかり、全体としてトナカイ狩猟の組織化によって食肉の確保に努めるべきだともいわれている。

ソ連時代には、科学的根拠にもとづいての、さまざまな合理的な牧地利用によるトナカイ飼育の発展計画が提案されている。机上論に終わったと考えられるのでその紹介は差し控えるが、極北の破壊されやすい自然環境の保全ということが決して無視されていたのではないことは確かである。

2. トナカイの種類と分布

(1) ロシア領内の家畜トナカイの総頭数についての具体的な記載はこのアトラスにはないが、1986年における地域別の飼育頭数割合がつぎのようになっている。

マガダン州	27.3%
チュメニ州	21.4%
ヨーロッパ部北部	17.4%
ヤクーチア	16.7% (この実数は1981年に380,000頭、86年には369,500頭である)
カムチャツカ州	8.0%
クラスノヤルクス州	4.9%
その他	4.3%

(2) 旧ソ連内のトナカイ牧地の面積率については1986年1月現在として、つぎのような数値がある。

ヤクーチア	20.6%
マガダン州	20.1%
チュメニ州	18.2%
カムチャツカ州	10.7%
クラスノヤルスク州	10.4%
北ロシア部	10.2%
その他	9.8%

(3) 家畜トナカイの種類

ヤクーチア領内の家畜トナカイの種類としてアトラスではつぎのような種類分けを行なっている。

A. チュコト種

① チュコト・トナカイ (ハルギン)

B. エヴェン種

- ② ツンドラ・エヴェン・トナカイ
- ③ 森林ツンドラおよび山岳タイガ・エヴェン・トナカイ
- ④ 山岳ツンドラ・エヴェン・トナカイ

C. エヴェンキ種

- ⑤ トファラル・トナカイ
- ⑥ ツンドラ・エヴェンキ・トナカイ
- ⑦ 森林ツンドラ・エヴェンキ・トナカイ
- ⑧ タイガ・エヴェンキ・トナカイ
- ⑨ アヤノ・マイ・トナカイ

(4) そして、ヤクーチアにおけるトナカイ飼育地域は、fig 1 のように4つに区分され、上記の1986年の総頭数369,500頭がその4地域につきのような割合で飼育されている。

I. 北氷洋沿岸ツンドラ地域	38.5%
II. 西部森林ツンドラ地域	10%弱
III. 北東山岳タイガ地域	43.8%
IV. 南部山岳タイガ地域	7%強
その他	約8%

(5) ヤクーチアの総面積のうちトナカイ牧地とされている面積はその13%とされ、上記4地域の牧地面積比はつぎのようになっている。

I. 北氷洋沿岸ツンドラ地域	約42%弱
II. 西部森林ツンドラ地域	約12%弱
III. 北東山岳タイガ地域	約37.8%
IV. 南部山岳タイガ地域	約8.4%

一方、ヤクーチア内に生息する野生トナカイについては、fig 2 のとおりである。ヤクーチアにどれほどの野生トナカイが生息するかは必ずしもその推定数が一致しない。27万頭から46万頭までの推計がある。この野生トナカイが家畜トナカイの飼育に及ぼしている影響、ないしは野生、家畜両種の相互の関係は生態学的に、あるいは、環境論的に非常に重要である。もちろん、狩猟資源としてもこの野生トナカイは貴重である。また、野生種と家畜種の生物学的な種関係の研究はトナカイ飼育、ひいては北方民族の歴史にもかかわる興味のあるテーマである。

3. トナカイ飼育の4地域 (後掲のfig 1を参照)

I. 北氷洋沿岸ツンドラ地域

主要な飼育種は上記①のチュコト (ハルギン) 種と②のツンドラ・エヴェン種である。シベリアの大陸部分最北部の北極ツンドラ帯とその南に隣接する沿ツンドラ帯、および、さらにその南のタイガ帯の北部がこの地域にはいつている。北極ツンドラ帯は広く草類の生えた沼沢地がひろがり、所々に小さな丘があってそこは雑草をとまなう灌木ツンドラになっている。これらのツンドラにはヤーゲリ (トナカイゴケ) などの地衣類はほとんどない。ここは良好な夏のトナカイ放牧地である。そのやや南の亜北極ツンドラはポリゴン (多角形土) の湖沼、ヤチ坊主と小丘のつづく地帯で、矮小なヤナギやカバの木も生え、所々に小さなヤーゲリもみられる。

この地域は春と秋のトナカイ放牧地になる。さらに南は疎林のまじる沿ツンドラ帯になり、豊富なヤーゲリが生えた冬の放牧地である。

この地域では放牧地のトナカイ受容量の80~90%が使用されており、その範囲外では野生トナカイが生息しているため、さらに放牧地を拡大できる余地はほとんどないとされる。若干の余裕があるのは夏と初秋の放牧地であるが、早春と冬の放牧地は過放牧による踏み荒らしがみられ、森林ないし森林ツンドラのヤーゲリなど植生の回復策が必要になっている。

この地域のトナカイ飼育は長距離の季節移動を行っており、夏はツンドラ、冬は森林地帯であることは下記4.の事例によってよくわかる。

II. 西部森林ツンドラ地域

主要飼育種は③の森林ツンドラ・エヴェン種である。

ここは自然植生では、北部タイガ帯に属する。この地域の植生はヤーゲリ、矮小な樹木、灌木をとまなうカラマツの疎林である。低地にはカンバなどの灌木ツンドラと草類の生えた沼沢地帯があり、北西部には山岳ツンドラの地域がある。

放牧地は飼料が豊富で、いずれの場所も到達が容易であり、飼育のための季節遊牧は沿岸ツンドラ地域よりは、はるかに短い。しかし、放牧地の利用は完全とはいえず、とくに冬の牧地においてトナカイ受容量に余裕がある。

III. 北東山岳タイガ地域

主要飼育種は③の森林ツンドラ・エヴェン種、④の山岳ツンドラ・エヴェン種および⑤のトファラル種である。

この地域はトナカイの飼育頭数においても食肉の生産量においてもヤクーチア最大である。

植生がきわめて多様であることに特徴があり、山麓はカラマツ林帯、その上がハイマツ帯、さらに上が山岳ツンドラ帯、そして、最高部の山頂附近はガレ場で植生がない。

トナカイ飼育にとっては山岳ツンドラが豊富な草類と灌木の葉に恵まれ、冷涼な気候もあいまって、良好な夏の放牧地である。谷間と山麓の丘陵には豊富なヤーゲリと草類のある疎林地帯が優良な冬の放牧地になっている。ここでも季節的な遊牧距離は短い。初秋と夏の放牧地は、かなりまだ余裕があり、飼料が多様で豊富なことではトナカイ飼育は保障されているといえる。

IV. 南部山岳タイガ地域

主要飼育種は⑧のタイガ・エヴェンキ種のほか、一部に⑨のアヤノ・マイ種もいる。

アルダン高原とウドカン山脈の一帯で、山岳のカラマツ林にマツ、エゾマツ、シベリアマツ、モミ、シラカバが混じったタイガ地帯である。この森林ないし疎林には豊富な草類があるほか、マツの林にはヤーゲリも多い。豊富な植生と広い放牧地に恵まれ、トナカイの受容量が大きく、かなりの飼育頭数の増加が可能とされる。

その他の地域

中央ヤクーチアとヴィリュイ川流域は、かつて多くのトナカイ飼育がみられた地域であり、第Vの地域ともいえる。1950年代にはここに約5万頭のトナカイが飼育されていた。主にタイガ・エヴェンキ種が飼育されている。

中部タイガ地帯に属し、灌木、草類をとまなうカラマツ林、ヤーゲリの多いマツの生えた丘陵がみられるほか、未利用の多種類の草の生えたアラス（凍土が融解してできたくぼ地の草原）が多く、草類やミズゴケの浅い谷や沼沢地もある。しかし、ヤーゲリの生えた広い牧地がこの地域にはなく、300~500頭単位の小群のトナカイが飼育されていたが、トナカイ飼育業と

しては成立しなかった。いくつかのソホーズで少数のトナカイを飼っている程度である。

以上の各地域毎については不明であるが、ヤクーチア全域について家畜トナカイの構成はつぎのとおりである。メスの割合を高める必要があるという説については後述する。

(なお、これに類似した統計は集中的に調査したエヴェノ・ブイタンスキー地区で詳しい資料を入手しているので、別の機会に報告する。)

メス	49.1%
1歳未満	27.4%
2歳以上の去勢オス	10.5%
1歳～2歳未満のオス	7.8%
種オス	5.3%

4. 遊牧の事例

後に掲げたfig 1のうち、IとⅢの地域については季節毎の放牧地を示した別の地図があり、各放牧地における放牧日数等の一覧表がある。地図の方は等高線入りの原図がカラー印刷のため本稿では残念ながら紹介できないが、表の方は表1のようにになっている。

Iの地域の例はアラゼヤ川の西を流れるスドゥルン川右岸流域を夏は下流の北氷洋（東シベリア海）沿岸近くへ、冬は上流の森林ツンドラ地帯へと年に総延長距離700km余りを移動しており、夏と冬の放牧地の中間には海拔100～200mの丘陵地に春の出産が行なわれる地域、秋の種付けの行なわれる地域が示されている。

Ⅲの地域の例はスタル・ハヤタ山脈北麓、オイミヤコンの西方でインジギルカ川最上流域の支流ブリュンギャジェ川とそのさらに支流セイキムニャン川一帯を移動しているグループである。夏は西方の海拔1200m前後のセイキムニャン川上流域、冬は東方の海拔1000m前後のブリュンギャジェ川のやや広い谷の一帯を放牧地としている。ここでは春の出産地域は冬の放牧地の西隣りのセイキムニャン川流域にあり、そこから河谷をさかのぼって夏の放牧地に至る。初秋には1600mほどの山地にのぼり、晩秋に種付け地を経て、冬の放牧地へもどるルートになっている。

表1. I、Ⅲ地域における年間遊牧スケジュールの例

	放牧期間		放牧日数		宿营地数		平均宿营地数		総移動距離(km)		牧夫1人当り飼育頭数	
	I	Ⅲ	I	Ⅲ	I	Ⅲ	I	Ⅲ	I	Ⅲ	I	Ⅲ
	冬	11月15日～4月10日	11月16日～4月24日	148	161	10-15	5	10-15	32			
早春	4月11日～6月1日	4月25日～6月10日	52	47	4	3	13	15				
晩春	6月2日～7月1日	6月11日～6月30日	30	20	5	3	6	7				
夏	7月2日～8月25日	7月1日～8月31日	55	62	13	5	4	12				
初秋	8月26日～10月5日	9月1日～10月15日	41	45	5	5	8	9				
晩秋	10月6日～11月14日	10月16日～11月15日	40	31	3	4	13	7				
計			366	366	45	25			700	400	250	200

注 IはNo.1 СВХ. Огёлинский、ⅢはNo.5 СВХ. томпонский各トナカイ飼育班の場合。

5. まとめ 一地域による相違とトナカイの品種一

北氷洋沿岸ツンドラ地域には飼育トナカイの38.5%が集まっているが、食肉の生産量では26.7%にとどまるのに対して、北東山岳タイガ地域では頭数が43.8%、食肉生産量は63.5%になっている。また、100頭当りの食肉生産量は北氷洋ツンドラ地域は4.7~16.3ツェントネル、北東山岳タイガ地域が6.3~32.4ツェントネル、南部山岳タイガ地域では3.0~15.8ツェントネルとなっている。ちなみに、最も豊かな放牧地はこの南部タイガ地域に集中しており、反対に最も損傷の大きな牧地は北氷洋ツンドラ地域である。

総じて、ヤクーチアは飼料に恵まれ、トナカイ飼育のための需要を十分まかなえるはずである。地域による生産性の差は、北氷洋沿岸ツンドラ地域のように野生トナカイによる放牧地への負荷が大きいことなどの自然環境上の問題の他に経営システムあるいは飼育管理方法の水準の違いが大きい。

また、トナカイ飼育の生産性では、トナカイの種類とその各地域の環境への適応性もかわっている。ヤクーチアには前記2.(3)のように3種9亜種のトナカイが飼育されている。

このうち最も注目されているのが前記の①チュコト（ハルギン）種と⑧タイガ・エヴェンキ種である。

ハルギン種は主に肉用で、黒い毛色が特徴であり、②のツンドラ・エヴェン種より小型だが、より優れた頑丈な体格である。太く短い丈夫な四肢をしており、ツンドラの冬の固く凍った雪の下から容易に餌を掘り出して食べることができるという。ツンドラ・エヴェン種にくらべて出産期が早く、仔獣の成長、成熟がはやく、春から夏への牧地の移動に有利な上、有害昆虫の発生前に仔にも十分な耐久力がつくために夏を越しやすいとか、群れをつくる本能が強いこと、冬の牧地での食性でエヴェン種は不足がちなヤーゲリが餌の76.3%を占めるのに対し、ハルギン種はヤーゲリは47%余りで、草を52%ほど食べるなど飼育が容易であることがあげられている。さらにハルギン種はツンドラ・エヴェン種より肉が2.4~2.5%多く肉質もよいとされる。

元来、ヤクーチアではこの種はニジネコリムスキー地区で多数飼育されていたが、1937年以後、北氷洋沿岸ツンドラ一帯に導入され、また、ツンドラ・エヴェン種との交配も行なわれている。

タイガ・エヴェンキ種は最大型のトナカイであるトファラル種の系統である。ヤクーチアでは西部のゴールヌイ地区で飼育されてきた種類である。これは生産性が高い上に他の地域にもよく適応できるといわれている。ただ、その頭数が1200頭ほどしかなく、増殖計画が考えられている段階である。

こうした優良種の増殖のほかに交配によって、より優れた品種をつくりだそうという試みや近親交配をさける方策として毎年3600頭の雄を地域間で交換するとか、ひとつの群れの中の性別、年齢別の構成をより合理的なものにするなどの試みがある。

ヤクーチアではその群れの構成の問題では、雌の割合が低すぎて50%に満たないことが指摘され、この割合を高める必要があるとされている。そのことは必然的に雄の仔獣の屠殺を多くすることになり、これがまた経済効果を高めることになる。

すなわち、雄の仔の成長は、生後5~6か月がはやく生体が55~60kgになり、以後は成長がおそくなる。この5~6か月は夏・秋の草類の餌で飼育でき、その飼料つまり草の量はヤーゲリよりかなり多い。また、秋に多数の雄の仔獣を屠殺することによって不足する冬・春の牧地の負荷を軽減できる。さらに、仔トナカイの肉はやわらかく美味であり、市場価値が高いということもいえる。

肉の質を高めるために肥育の有利さということがありながら、50年代までそれは行なわれていなかったが、肥育したもののみを屠殺するという方式をとるところがでてきたようである。

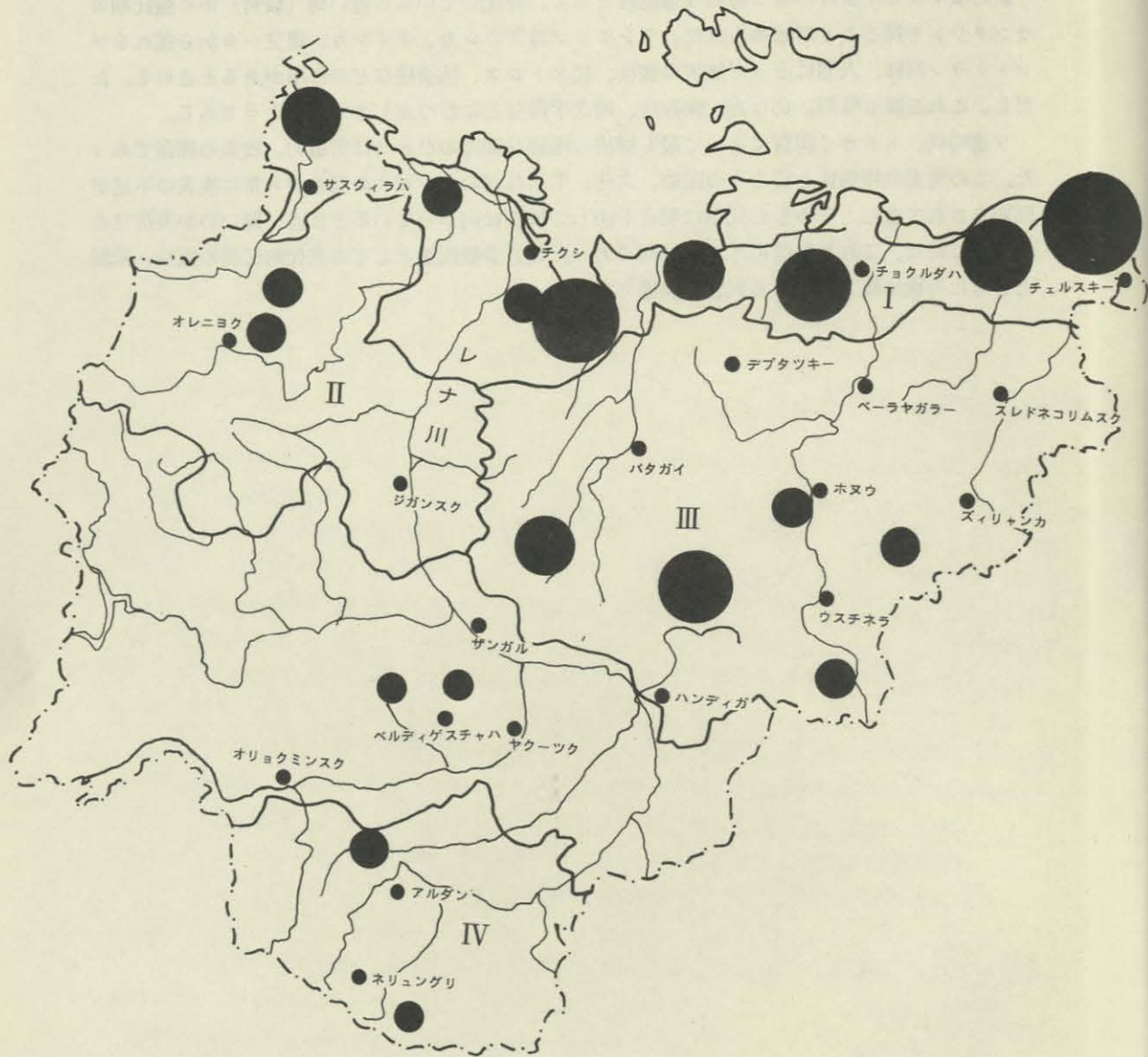
新たなトナカイ飼育のもつ有利な可能性として、骨化していない若い角（袋角）から強壯剤のランタリンを採ることが始められた。ランタリンはアカシカ、オオシカ、斑文シカから採れるパントリン同様、人間にとって無害な強壯、抗ストレス、抗炎症などの作用があるとされる。ただし、これを採る時期、切り方、保存法、輸送手段などにむつきさがあるようである。

ソ連時代、トナカイ飼育にとって最も解決の困難な問題のひとつは労働力、牧夫の確保であった。この労働の特殊性と彼らへの医療、文化、生活などのサービスの低さから常に牧夫の不足が問題とされてきた。そうした問題は現在も決して解決に向かっていとは言い難いのが実情である。そこには、これまで無視される傾向のあった北方少数民族としての文化的伝統の維持、発展とともに今後に残されている大きな課題である。

（赤野白）氏（著88頁）養殖トナカイ飼育限大一本

10000.1 000.5-000.7 000.8-001.1 000.01-001.4 10000.01

fig. 1 ヤクーチアにおけるトナカイ飼育の4地域（前記アトラスにより作図）

ソホーズ別飼育トナカイ頭数（1986年1月1日現在）

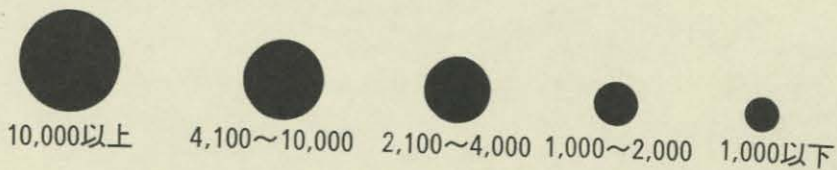
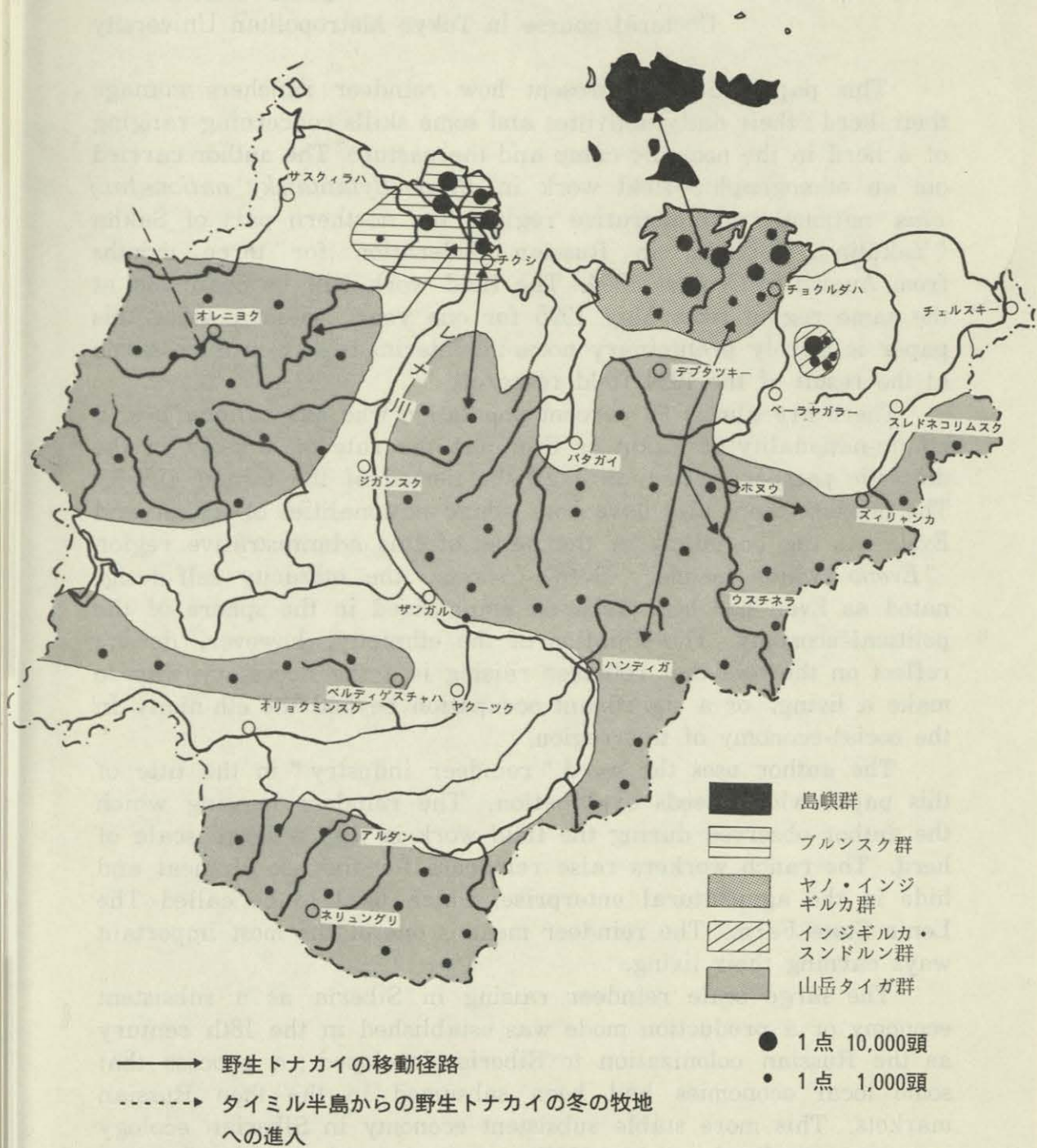

fig. 2 ヤクーチアにおける野生トナカイの分布 (前記アトラスにより作図)

Preliminary Notes on Herding Activity and Skills of a Reindeer Industry in Eastern Siberia : A Study of Northern Yakutia.

Hiroki TAKAKURA

Doctoral course in Tokyo Metropolitan University

This paper aims to present how reindeer ranchers manage their herd ; their daily activities and some skills concerning ranging of a herd in the nomadic camp and the pasture. The author carried out an ethnographic field work in *Eveno-Bytantaisky nationaliniy ulus*, national-administrative region, the northern part of Sakha (Yakutia) Republic in Russian Federation for three months from August to October 1994. The field work will be continued at the same region from May 1995 for one year, so in a sense this paper is merely preliminary notes ; a interim report on a research at the result of the 1994 field research.

There are almost 90 percent population who has *national'nost'*; ethnic-nationality of Yakut or Even (at the rate of 3 : 2) in the domestic passport system through the period of the former USSR. The herders there also have both ethnic nationalities of Yakut and Even. As the beginning of the name of this administrative region "*Eveno*" which means "Even's" shows, the ethnicity self-designated as Even has been recently emphasized in the sphere of the political-economy. The situation of the ethnicity, however, doesn't reflect on the fact that reindeer raising is a the necessary way to make a living, or a significant occupation beyond the ethnicity in the social-economy of this region.

The author uses the word "reindeer industry" in the title of this paper which needs explanation. The reindeer herding which the author observed during the field work is with a large scale of herd. The ranch workers raise reindeers for the use of meat and hide in the agricultural enterprise, which used to be called The Lenin State Farm. The reindeer meat is one of the most important ways earning their living.

The large scale reindeer raising in Siberia as a subsistent economy or a production mode was established in the 18th century as the Russian colonization to Siberia developed ; a process that some local economies had been subsumed in the then Russian markets. This more stable subsistent economy in Siberian ecology was conceptualized as "nomidism as a way of life" by Russian

ethnographers. On the other hand, the reindeer industry in this paper is close to the concept of "production nomadism".

The term "reindeer industry" here means a kind of ranching after the 1930's collectivization in the former USSR and the post-Soviet Era. As the Russian ethnographers often pointed out, collectivization has strongly affected Siberian reindeer nomadic societies. The village for sedentary life was introduced, then some social centers, such as elementary schools, hospitals and cultural centers, etc. were formed. What is appreciated as one of the "important branch of the national economy in the (former) Soviet Far North" is the reindeer industry in this paper. When the author gets to understand daily activities of herders more accurately, it would be very difficult to grasp them without the proposition of the reindeer industry; it is an indispensable idea for perceiving their work organization, the social composition of the nomadic camp, the possession of reindeers and daily employment of riding or draft reindeers.

The composition of this paper is as follows. The first chapter is an introduction. In the second chapter it is explained on the proposition of the fore-mentioned reindeer industry and the analytical concept of herding activity compared with a husbandry one. The third chapter is on the social composition of the nomadic camp where herders and some of their families live together. The people who engage in herding activity consist of employed herders, employed hunters and domestic servers for herders with the agricultural enterprise and pensioners. The nomadic camp is an elementary unit of both daily work and seasonal transportation. The seasonal transportation and the working circle in a year are referred to in the fourth chapter. The fifth chapter is on daily herding activity, which is the most important topic of this paper. The author, therefore, further discusses about it in following paragraphs.

A way of herding in Siberia reindeer ranching is accounted for in the term "free ranging herding". It is explained that a herd of reindeers is left to freely range. Herders follow them through 24 hours and a year and gather and drive some of their reindeers for their employment. Things, however, are not so simple. What the author emphasizes in this paper is the herders' management of their herd concerning nomadic feeding, how they supervise and drive the herd in actuality, in other word to say, the relationship

among herders, the herd and the pasture. The herding activity is varied depending on both season and ecological-geographical features of pastures. Here is a report on the condition in autumn and the pasture pictured in Map 1 and Fig. 2 : the flat tundra with low bush, a river flowing from west to east, mountains surrounding from north and south.

The herd is approximately numbered 2000 heads of reindeers which don't always range together. It is usually on the situation of plural nomadic-unboundarized sub-groups . None of the herders always manage their herd all together, nor literally supervise these sub-groups under a 24 hours system. Basically herders drive only one particular sub-group from the pasture to the nomadic camp in the morning, then relieve them in the evening. The other sub-groups range freely. There are two conceptional distinctions inside the herd ; one is a relatively member-boundarised sub-group which is an object for regular driving from the pasture to nomadic camp. It consists of many private reindeers and transport reindeers. Another is the rest of member-unboundarised sub-groups which mostly belongs to the agricultural enterprise and ranges freely.

See Fig. 2 which is a conceptional map of the pasture and nomadic camp. The former particular sub-group is supervised between the Space A and B. Almost every morning herders drive the sub-group to Space Y inside the Space A and catch some of transport reindeers. After catching, this sub-group is also relieved to the Space B. This is the most elementary work in daily herding there. With these captured transport reindeers, herders can work seasonal workings. Seasonal workings in autumn, such as cutting antlers, counting numbers of reindeers, castration and making calve's ear are at the corral in Space X for mainly the latter sub-groups, which range freely in Space C. Herders at first gather and drive the latter sub-groups into Space A with the use of riding reindeers which are caught in the daily elementary working. The conceptional distinctions of their herd corresponds to both how herders place the herd divided into sub-groups in pastures and relationships between daily and seasonal working.

Then the author describes the skills of driving herd needed in these workings. A way of driving a herd to advance is explained in Fig. 3. Another skill for driving in a herd to corral with leading reindeers is shown in Fig. 4. Herders excise these skills with usage of ecological-geographical features in the working place.

The author finally summarizes and advances a proposal on the next field work in the last chapter.

東シベリア・トナカイ飼育業における放牧活動 及びその技術に関する予備的考察：北部ヤクーチアの一事例

高倉 浩樹

(東京都立大学大学院生)

1. 序

筆者は1994年8月から約3ヶ月間、ロシア連邦サハ共和国内でトナカイ飼育業に従事する住民に対する民族誌的調査を行った。調査地の一つエヴェノブリタンタイスキー民族地区では、同地区内に本拠地をもつ旧ソフホーズが事業主体となってトナカイ飼育業が営まれている¹。筆者がこの事業体の管轄下にある放牧キャンプ地に到着して、最初に驚いたのは、放牧地にトナカイの群が全くみえないことだった。通常放牧という場合、家畜の寝る場所は人間のそばで監視下であり、朝そこから牧草地へ誘導される—こうしたイメージであろう。だが、ここでは（夜間放牧が行われるというわけではなく）夜にこそトナカイの群は牧夫の管理から放たれてしまうのであった。そういう意味で筆者にとって最も強い関心は、彼等がどのように群と関係し、その行動を管理しているかという点にあった。本稿はこうした観点に基づく、トナカイの群管理のありかた、とりわけハーディングとよばれる群の行動統御に関わる諸活動とその技術的側面に関する予備的報告である。

以下の2章で本稿が扱うトナカイ飼育の学説史上の位置づけをおこなう。続く3章で放牧キャンプ地の社会構成について、さらに4章で当該地域のトナカイ飼育がどのような年間労働サイクルなのかについて言及する。その上、5章では日常行われる作業での群管理の在り方及び技術の諸相を提示する。

2. 旧ソ連・ロシアにおけるトナカイ飼育

2-1 近代産業としてのトナカイ飼育業

本論に入る前に、本稿で対象とするトナカイ飼育について触れておきたい。通常シベリアのトナカイ飼育reindeer breeding/raising研究といった場合、ソビエト政権による1930年代の「集団化」以前の在り方が対象になってきた。この場合のトナカイ飼育は二つのレベルで分けて考えることができる。第一に、主にタイガにおける狩猟・漁撈を生業とし、トナカイ利用は騎乗・駄載用等の交通手段の場合。第二に主にツンドラ地帯で展開されるトナカイの肉・毛皮利用を中心とする牧畜(INGOLD 1980: 25) 経済の研究である。後者は18世紀帝政ロシアのシベリア植民地化に伴い、現地の経済がロシア市場へ包摂されていく過程の中で成立した「大規模飼養業」=「生産経済」と考えられている(ARUTIUNOV 1988: 37, 佐々木1984a; 1984b)。そしてこれは「生産手段としての牧畜bytovoe kochevanie」と概念化されるものである(LEVIN & VASIL'EV 1956: 774)²。

これに対し筆者の対象とするトナカイ飼育は、この「生活手段としての牧畜」に対峙される「生産的牧畜proizvodstvennoe kochevanie」の概念(ibid)に近い。これは旧ソ連下の集団化以降の「トナカイ飼育」、つまり「社会主義的経済再建」(SERGE'EV 1956: 563)を経たトナ

カイ飼育を指している。その特徴は住民は定住化し、成年男子を中心とする牧夫による職業的牧畜として言及されるものである。ロシアの民族学では、この生産的牧畜がどのように行われているかについての具体的な分析はほとんど行われておらず、そのため概念として明確なものではない。この概念をより精緻にしていくことは重要であろう。だが本稿の直接の目的から外れること、また字数の都合上もあって今後の課題としたい。

ただ本稿で扱うトナカイ飼育の位置づけを明確にするため、暫定的な意味で、筆者がこの生産的牧畜を分析する上で必要だと思われる3つの側面を指摘しておきたい。第一に家畜の大規模な群管理に関わる技術的な側面である。これはある意味では、先に区別した「生活手段としての牧畜」における群管理技術との連続性によって理解されうる領域である。第二に家畜飼養の社会的側面である。これは帝政ロシア下の資本主義市場に包摂されたトナカイ飼育業に対し、社会主義経済体制で再包摂された後のトナカイ飼育業reindeer industry、すなわち制度的、実体的レベルで外部市場の在り方が異なっていることを前提にし、特定社会におけるトナカイ飼育業の経済的位置づけ、またその生産物の流通といった領域を意味する³。再包摂されたトナカイ飼育業は、例えばその経営主体はいわゆる家族経営からコルホーズないソフホーズによる経営へと移行する。第三の側面はそうした家畜飼養の経営的側面である。

したがって本稿の「トナカイ飼育」は以下のように定義される。旧「ソ連極北地帯における農業の重要な一部門」(MIRONOV 1975: 1100; ZHIGUNOV 1968 [1961]: 1)と位置づけられる近代産業の一つであること。つまり旧ソ連下の1930年代の集団化を起点とし、様々な農業政策の影響を受けながら、ペレストロイカを経て現在に至る「経済的事情economical enterprise (PAINE 1972: 86)」なのである。現在筆者の調査地では、トナカイ飼育業は「レーニン農業企業体Agrofirma "Leninskij"」とよばれる事業主体によって営まれている。この事業体は当該地域の旧ソフホーズが1992年に分裂して成立した。そこでは肉、毛皮及び袋角を商品化するトナカイ飼育業の他に、狩猟業や馬・牛飼育及び毛皮用の狐飼育も同時に営まれている。冒頭に述べたトナカイ群の行動をどのように牧夫が統御するかという問題は、以上のように位置づけたトナカイ飼育業の第一の側面に関わるものである。

2-2 トナカイ飼育における群管理の諸相

牧夫によって行われる家畜の群管理については二つの活動、ハーディングとハズバンドリーに分けて考えることが指摘されている(PAINE 1964; 1971; 1972)。前者は畜群の喫食行動に関わる日毎の作業であり(PAINE 1964: 83)、いわば放牧に関わる群の行動管理のことである(谷1990: 26)。これに対し、ハズバンドリーとは交尾・出産・保育・搾乳といった生殖管理を中心とした活動である(谷1987: 153)。本稿は、牧夫達による群の行動管理の状態を明らかにすることを第一の目的としている。そのため、前者のハーディングに関わる諸活動を中心に記述したい⁴。

シベリアのトナカイ飼育におけるハーディングについては、「生産的牧畜」概念レベルは当然のこと、「生活手段としての牧畜」概念レベルでも体系的に解明されているわけではない。そもそもハーディングを理解する上で基本となる一日を単位とする放牧作業(=以下「日周放牧作業dairy herding」)が明確にされていない。羊や牛といった畜群管理における日周放牧作業の基本は、放牧キャンプ地から牧草地への往復運動であり、いわゆる「日帰り放牧」にあたる。日本語における「放牧」の語感が畜群を放つことを前提にするため、ややわかりにくい

のだが、むしろトナカイ飼育の日周放牧作業は、畜群を「放つ」よりもむしろ「寄せ集め」る(松井1989: 48)と表現した方が適切である。群は牧夫が居を構える放牧キャンプ地及びその周辺或いは牧夫の直接・恒常的な監督下にはない。ただ完全に群を放っておいては牧夫自身も畜群を見失ってしまうため、適宜畜群を寄せ集めることが求められるのである。こうした放牧は「自由放牧free ranging herding」(KRUPNIK 1993: 88)ともよばれ、年間を通して24時間体制でトナカイの群の後を追いかけて、必要に応じて群を寄せ集めるという管理の方法がとられることが指摘されている(PREOBRAZHASKIJ 1968 [1961]: 78)。

だが、畜群に対するハーディングのありかたは年間を通じて同じレベルではありえない。季節毎の作業内容がトナカイの生理的リズムをベースにしながらかわること、また放牧キャンプ地の地理的生態的環境の違いによって、「寄せ集め」の方法自体も変化せざるをえないからである⁵。以下の議論を通して明らかにしたいのは、筆者が参与観察を行なった8月下旬から10月上旬の秋における日周放牧作業の具体的諸相とそれに関連する群の行動管理の技術的側面についてである。

3. 放牧キャンプ地の概要

3-1 放牧キャンプ地における社会構成

当該地域のトナカイ飼育を営む「レーニン農業企業体」はトナカイを約11000頭程所有し、これらのトナカイは全部で6つの「作業集団stado」に分けて管理されている。したがって一つの単位あたり、1800頭強が割り振られている。さらに事業体の所有する公的なトナカイの他に個人所有のトナカイも存在する。後者の頭数を含めた合計は2000頭程になるという。

ところでいま述べた「作業集団」とは旧ソ連下の集団化以降用いられてきた労働組織である。これは事業体がトナカイ群の管理を行う上で必要と考える人数の賃金労働者で構成される。筆者の調査地の場合、作業集団の責任者である「作業班長brigadir」1人、実際に放牧作業に従事する「牧夫olenevod」(=以下「契約牧夫」)7人、牧夫の食事の世話等を行う「給仕労働者chumn'i rabotij」2人で構成されている。彼等はトナカイ群の管理に従事する賃金労働者で、事業体事務所のある定住地バタガイアリタBatagai-Alitaに自らの住宅を持ち、そこから放牧キャンプ地に長期滞在しながら群管理に従事する。

放牧キャンプ地はこの作業集団だけによって居住されるわけではない。彼等の家族や年金生活者そして同じ事業体に属すが狩猟者として雇用されている者(=「契約狩猟者」)等も共に居住している。畜群管理は基本的には作業集団の作業班長や契約牧夫を中心としながら、放牧キャンプ地を構成する他の住民が協力して行われる。「契約狩猟者」や年金生活者といった職業的牧夫以外の人々による協業が必要なのである。だが彼等の作業が賃労働として、雇用者である事業体から認められるわけではない。一方、契約狩猟者は泊まりがけで自らの賃労働にあたる狩猟に出かけたりして、契約牧夫とは行動を共にしないことも見受けられた。

このほか放牧キャンプ地では、こうした構成員が常に一定の状態でも恒常的に居住しているわけでもない。人々はだいたい一ヶ月に一度ほどの割合で、少なくとも1週間前後は休暇として定住地へ戻る。また畜群はいわば「自由放牧」状態におかれているため、一つの作業集団の管理する畜群の中に、他の作業集団に属するトナカイが通常混じっている。そのため、他の作業集団に属する牧夫が訪ねてくることもしばしば見受けられた。

放牧キャンプの社会構成はこのような形で流動的要素も含みながらも、一つのまとまりとし

て成立している。この単位は日常的に群管理に従事する協業単位だけでなく、ある放牧キャンプ地から別のへ移動するに際しても、原則的には行動を共にする移動の単位でもある。このような形で作業集団を中心として放牧キャンプ地を構成する集団を、以下では遊動放牧集団として議論を進めることにしたい。

3-2 放牧キャンプ地の社会空間

ここでは放牧キャンプ地の社会空間の在り方を述べる。以下提示する放牧キャンプ地は、定住地であるバタガイアリタからおおよそ西方に55キロメートル程離れたニャンカNyankaとよばれる四方を山で囲まれた川筋沿いに広がる平地である。川筋は東西に広がっており、その川筋を挟むようにそびているのは南北側にひろがる山である。したがって放牧キャンプ地は、東西に細長い形で展開する。牧夫達の寝食の場である天幕とトナカイ用の囲い柵は東西に1キロメートル以上離れた距離にあった。畜群の管理において、この囲い柵も用いるが、通常の作業は両脇を山で囲まれたなかで、囲い柵と天幕の間の東西に広がる空間で行われていた。

放牧キャンプ地には、寝食を行うためのいわば家屋に相当する天幕が全部で7張りあった。天幕はいわゆる円錐形の伝統的なヤランガとよばれる型が1張り、それと三角屋根を持つ長方体のソ連式天幕が6張りである。いずれの天幕も、その内部にペチカと呼ばれる鉄製のストーブを備え、天幕の側面にはストーブ用の煙突がついている。お茶や食事、暖をとるといった寝食の上で必要な行動は、基本的にはこの天幕内部で行われる。ヤランガ型の天幕は直径が約5メートル程で、3人が寝られるように内部の空間が整えてあった。またソ連式の天幕の場合、多少大きさの違いがあるが、内部の大きさは約6畳程の広さだった。

これら全部で七張りの天幕が3つに分かれて設置されていた(地図1°参考)。一つは地図1の中央部の三張りの天幕で、寝食を共にする契約牧夫と年金生活者からなる成人男性牧夫集団、残り二つは地図1の両端部にそれぞれ分布する家族を中心とする集団である。家族を中心とする集団の一方はヤランガ型の天幕1張りとはソ連式1張りからなる一世帯(A世帯)で、年金生活者の世帯主とその妻及びその子から成り立っている。ちなみにこの妻は給仕労働者であり、その子どもも契約牧夫であった。だが彼等も定住地には住居を持っており、そこではこの夫婦の他の子ども達が住んでいる。もう一方はソ連式天幕2張りにそれぞれ二つの世帯からなる集団である。世帯主の契約狩猟者とその妻、子どもからなるV世帯とこの妻の母と未婚の兄弟からなるE世帯である。これら3つの集団は先に記したように寝食の単位となり、それぞれ50メートル以上離れて天幕を建てていた。

4. トナカイ飼育の年間作業サイクル

4-1 年間放牧ルート

今回筆者の滞在した遊動放牧集団の管理するトナカイの数はおおよそ2000頭だった。これらは作業集団が事業体より管理を依頼された旧ソフホーズのトナカイ(以下「公トナカイ」とする)と個人所有トナカイから構成されている。このような群を管理するため遊動放牧集団はそれぞれ放牧ルートをもっているという。図1は、筆者が滞在した遊動放牧集団の年間放牧ルートである。図に示されているように、彼等は3つのルートを持っている。一つのルートを二年連続で用い、その後変更する。畜群を引き連れて遊動放牧集団全体が移動する際には、基本的に川筋を利用しているようだった。

この遊動放牧集団が1993年及び1994年に用いたルートは<1>である。ただし、今年の場合にはニャンカの後のクバガイには滞在せずにモンゴルに移動したらしい。ニャンカから移動するため、彼等の管理すべき公トナカイを集めなければならないが、この作業が彼等の予想以上に時間がかかりすぎて、クバガイに立ち寄る時間的余裕がなくなってしまったためだという。これに見られるように、ルートは定まっているが、畜群の状況によって、ルートの変更はしばしば起こることだった。

4-2 年間作業サイクル

冬の間、トナカイの群は冬営地で管理されている。ここから、出発するのは3月中旬～下旬である。定住地から牧夫達が冬営地に集まり、それぞれの放牧ルートに沿って畜群を引き連れていく。筆者の調査した遊動放牧集団の場合は図1にあるように、冬営地を出発し最初の放牧キャンプ地はモンゴルとよばれる場所である。そこで自分たちの管理するトナカイの数を把握する。特に春には新生仔が誕生するため、その数の把握は秋の公トナカイ屠殺の数に影響し、重要な作業である。夏から秋にかけては定まった放牧ルートを辿りながら、放牧を行っていく。秋になると、雄トナカイを中心に角切りを行い、再びトナカイの頭数を数え、また放牧の際に混じった他の遊動放牧集団の管理するトナカイを選別する。さらに去勢も行われる。これらを経て11月下旬から12月初旬になると畜群を引き連れて、冬営地であるチャユリヤに集まる。そこで公トナカイを屠殺し、食肉用として出荷する。これがある意味で一年の最後の労働となるわけである。一部の牧夫を除いて、基本的に遊動放牧集団の構成員は定住地に戻り、冬を過ごす。冬営地での作業は各遊動放牧集団から数人づつ参加して行われるという。そのメンバーは遊動放牧集団毎に交代制でおこなわれるらしい。

以上が年間の作業サイクルを単純化してまとめたものである。筆者が滞在したのは、この年間サイクルの内ちょうど秋の部分にあたる。

5. 日周放牧作業とハーディングの諸相

5-1 トナカイ群の状態と放牧キャンプ地

まず当該遊動放牧集団の管理下のトナカイ群の状態について概観したい。その管理下におかれるトナカイ群は、先に記したとおり公トナカイ・個人所有トナカイをあわせて2000頭近くになるという。牧夫達はこのような大まかな数字でしか答えられないわけだが、実際のところ、本当に正確に数えているのか、そして牧夫自身どのような方法でこの数を把握しているのかは今回の調査でわからなかった。

こうした困難さの理由の一つに、畜群の状態が関係していることはいうまでもない。既に4章でトナカイ放牧上の年間放牧ルートを提示した。これは、いわば季節毎の大規模な移動ということになるだろう。その際には牧夫自身の移動と共に、畜群全体の移動が遂行される。

こうした畜群全体の移動は季節的であるのに対し、日常的にも畜群の「放牧」＝「寄せ集め」が行われている。だが、この場合日常的に放牧キャンプ地に寄せ集められるトナカイの群は一元的にまとまっているわけではない。遊動放牧集団が管理下におく約2000頭の一部だけが寄せ集められるのである。2000頭のトナカイはいくつものサブグループに分かれて行動している。このサブグループ化は人為的なものではなく、トナカイ自身によっておこなわれ、さらにそのサブグループ自体固定的なものではなく、その構成も逐次変化している。

複数サブグループからなる畜群全体が恒常的に放牧キャンプ地ないし牧夫の管理・監視下におかれているわけではないのである。こうした諸サブグループは、頻繁に放牧キャンプ地へと寄せ集められ、比較的群の構成の流動性が低くまとまりがある一つのサブグループ（以下「サブグループ1」）と、これに対して牧夫による介入がなかなか行なわれない、それ以外のサブグループ（以下「サブグループN」）に分けることができる。

こうした群構成と放牧キャンプ地との関係を理解するために、図式的になるが図2を用いて説明する。一つの遊動放牧集団が管理する約2000頭のトナカイはニャンカ放牧キャンプ地につれてくると、次のように配置される。牧夫達の寝食用天幕地を含む放牧キャンプ地（A空間）を中心にして、同心円を書き、中心に近い円帯上（B空間）にはサブグループ1がおかれる。これは多くの個人所有トナカイを含み、B空間からA空間へと一日のほぼ決まった時間帯に寄せ集められる。これに対し外側の円帯上（C空間）に配置され、殆ど放置されているのが、公トナカイがほとんどをしめるサブグループNである。サブグループ1を内側の円上にとどまらせることができるのは、日頃から頻繁にこの下位集団に接近し、これをまとめ放牧キャンプ地へ誘導するからである。この作業を本稿では基本的な日周放牧作業とよびたい。

5-2 朝のトナカイ誘導と群れ管理

上で規定した日周放牧作業は具体的には、以下のような手順でおこなわれる。まず朝早く遊動放牧集団の中から一人の牧夫が、図2のB空間にいるサブグループ1に赴き、それらをA空間内のY空間（＝以下「ニャンカ作業地」）へと誘導する。

このときの様子は中規模畜群の行動統御の基本となるため、図3-1を用いて図式的に説明したい。つまり200～300頭程の中規模畜群の平静状態での行進では、牧夫は群の進行方向に対して後ろ側につき、見守る形で行進を誘導する。トナカイの群は他の有蹄動物の群と同様に高い密着性と追従性がみらるが、この性質が利用される。群が牧夫の意図しない方向に行進した場合、或いは牧夫が進行方向を変えようとする場合も、牧夫は群の後ろ側についているが、牧夫の意図する進行方向の対角線上の群の後方に過度に近づくと、この接近を嫌う個体を引き金にして群れ全体が方向を変える。図3-1でいえば、A方向に進行を変える場合、牧夫はaの位置に移動し、群に接近すればよい。

また群が牧夫の意図とは関係なしに、途中で喫食・飲水行動をはじめ、群の動きがとまる等して行動相が変わった場合、口笛や犬の鳴き真似などのかけ声をかけて群を元の行進行動の相に戻そうとする。特に訓練済みの去勢トナカイがいる場合、その個体を投げ縄で捕まえ、これを引っ張る形で群の進行方向に対して前方に出て、行進させる。するとこれにつられて他の個体も行進を開始する。こうした際には、基本的に連続的にかけ声が掛けられ、それは群が動き出しても、その行進が一定のペースにのるまでは継続される。

牧夫によるトナカイの追い立ては、Y空間のニャンカ作業地に着いた時点で終了する。平均して200～300頭のトナカイがサブグループ1の頭数だが、これを一か所につなぎ止めたりすることのような介入は行わない。サブグループ1はY空間全体に拡がり、休んだり、餌を食べたり、水を飲んだり、とそれぞれの個体が自由に行動しはじめる。この時点でまわりの山側へと逃げようとする個体はほとんどいない。

そうしている間に放牧キャンプ地から、牧夫やその家族達がニャンカ作業地へでてきて、トナカイの捕獲作業を開始する。この捕獲作業は、基本的に遊動放牧集団の構成員のほとんどで

行われる。目的は毎日の生活の中で行われる薪や飲料水（＝飲料水）の運搬に用いる櫛曳き用のトナカイ、狩猟やトナカイ探しや囲い柵へトナカイを誘導するといったその日に応じた作業のために必要な騎乗トナカイ、さらに搾乳用の雌トナカイを放牧キャンプ地内に一時的に確保するためである。そうしたトナカイは、ニャンカ作業地で捕獲され、彼等の寝食用天幕がある空間（図2のZ空間）までつれてこられるのである。捕獲されるのは全部で20～30頭ぐらいのトナカイである。この作業におおよそ一時間はかかる。

トナカイの捕獲は、先に述べた放牧キャンプ地内の3つの社会空間を作業単位として、契約牧夫を中心とする一単位と家族を中心にする二つの単位としておこなわれる。その作業はトナカイの捕獲とこれを自分達の天幕付近（Z空間）までつれていくことである。捕獲にあたっては男性が中心になり協力し騎乗用や駄載用のトナカイを投げ縄を用いて捕らえる。これに対し捕獲したトナカイをつれていく作業は、それぞれの単位から人がでて行われた。こうした作業の他にA世帯の世帯主の妻は搾乳を行っていた。彼女は娘をつれニャンカ作業地の畜群の中に入り、「メェッ、メェッ、メェッ……」を繰り返す独特のかけ声をあげながら、主に雌トナカイを捕獲していた。これらの雌トナカイは、彼女の天幕の前でつながれた後、搾乳されるのだった。またV家の世帯主の妻の場合は、彼女の夫が契約狩猟者であるため、彼が狩猟に出かけるのに、牧夫達とは別に騎乗トナカイなどを必要とした。彼女の夫も、他の牧夫と協力して捕獲作業にあたる一方で、自分がその日使用するトナカイを捕獲し妻に預けた。これを彼女は、寝食用天幕の場所につれていったのである。

このようにして、捕獲作業が終わると牧夫達は、つれてきたサブグループ1をそのまま放置する。畜群はゆっくりと全体に移動しながら、例えば北側の山の斜面を登り、ニャンカ作業地から去っていく。こうした畜群の行動は、朝トナカイを誘導した牧夫によって観察されているが、サブグループ1の行動に対しての働きかけは、全く行われない。ニャンカ作業地へサブグループ1が誘導されてくるのが、朝の9時から11時にかけてで、この捕獲作業が終わるとだいたい正午をすぎるという通常であった。これが午前中行われる基本的な日周放牧作業の状況である。

5-3 囲い柵内での作業

サブグループ1を対象とする誘導・捕獲という作業を基本とすると、サブグループNに対する管理行動はそれを基本にした応用作業である。なぜならこの基本作業によって、騎乗用をはじめとする訓練が終わった去勢トナカイの個体が確保され、これを用いなければ次の作業は不可能だからである。そうした基本作業の中で確保される騎乗用などの個体ですらも一日のおわりには解放され、居住用天幕付近に恒常的につなぎ止められることはない。その意味で基本作業は、牧夫及びその家族にとって群れ管理を行う上で必須の作業といえよう。これを踏まえておこなわれる応用作業は秋の時期の場合、二つに分けられる。一つはトナカイ探しであり、もう一つは囲い柵内での作業である。

トナカイ探しとはサブグループNの所在を確定し、放牧キャンプ地周辺に寄せ集めることである。これらのサブグループNは一塊にまとまっているわけではない。牧夫はサブグループN1、N2……Nnを見つけだし、順次合流させ放牧キャンプ地へと向かう。可能ならば、最後にはサブグループ1と合流させ、その上で囲い柵に入れる。この作業は朝の日周作業が終わった後に行われもするが、見つけれない場合、牧夫が何人かで組を作り、泊まりがけで探すこ

ともあった。筆者はこうした際の行動群の統御方法については実際に観察していない。それゆえに以下では囲い柵内での作業を概観しながら、そこで見られる行動統御方法について述べたい。

囲い柵の中では角切り・トナカイ数え・選別作業・去勢・耳印刻み等が行われるが、これらは別個に実施されるわけではない。ちなみに角切りは雄獣に対するもので、交尾を巡る雄どおしの戦いや交尾の際の雌への怪我を避けるためにある。また耳印刻みは個人所有を示すためである。選別は、既に記したようにサブグループNは基本的に自由な状態におかれるため、他の作業集団が管轄するトナカイと混じってしまう。このため、隣接する作業集団の契約牧夫がやってきて、囲い柵内に追い込んだ後、それを選別する作業をいう。

こうした囲い柵内作業がある場合は、朝の日帰り放牧で集められたサブグループ1の捕獲作業後の放置の仕方も変わってくる。通常の場合の誘導・捕獲作業が終わると、ニャンカ作業地に放置された畜群に、次の朝まで牧夫が介入することはない。ところがサブグループNnが誘導され、囲い柵内での作業が行われる場合、必要に応じて牧夫がサブグループ1の行動に介入する。その結果牧夫が好ましいと考える場所へとサブグループ1は誘導されたり、或いは夕方になって、その日誘導されてきたサブグループNnと合流させられ、再び放牧キャンプ地に誘導されることもある。

5-4 囲い柵へのトナカイの追い込み方法

畜群を囲い柵に追い込む作業は、牧夫達の緊密な連係プレーと彼等の家族などの手伝いがなければうまくいかないものである。今回の調査で筆者が観察した限り、最も難しい技術の一つといえるだろう。

最初にサブグループNnが放牧キャンプ地へ寄せ集められる状況について記したい。基本的な群の行動統御法は既に説明した方法と同じであるが、群の頭数が増えるにしたがって、行動群の統御に必要な牧夫の数は比例することである。といっても、筆者の観察する限り、2000頭近くの行動群に対しても平静状態の行進誘導の場合、2人いれば十分のようである。これは図3-2に示してある。群を一定の大きさに保つため、図3-1と比べ矢印をつけたように持続的に動き、群へ介入することで、群の密着性を一定に保っている。

こうして図2の山側からニャンカ作業地(図2のY空間)へ導かれたトナカイは、さらに囲い柵の近辺(図2のX空間)まで誘導される。これ自体はそれ程、大変な作業ではない。これは朝の誘導と同様にして行われる。トナカイの群は、個別行動するのをさけ、密集して行動しようとするので、たとえ群の数が増えても、その習性を利用すれば、一人の牧夫の誘導で十分である。牧夫の側が突発的に群に介入しない限り、群は分散したり、急激な行動はせず、平静状態を保ちながら一定方向に行進するのである。

図4は図2のX空間をより具体的に記したものである。この中の<1>の位置に群をつなぎ止めるのが最初の仕事である。そのため、図2のY空間からX空間に群をゆっくりと行進させると同時に、何人かのトナカイもしくは馬に騎乗した牧夫達が事前<a>の空間に赴き、円弧を作るように分散して待機する。これによって平静方向で行進する限り、群は<1>の空間にとどまらざるをえなくなる。群が<1>に近づくころには、徒歩の牧夫達もその後に配置しており、結局牧夫達によって群は囲まれてしまう。すると行き場を失った群全体は次第に時計回りに回転をし始める。この回転を利用して囲い柵の中に追い込んでいく。

畜群を囲い柵に追い込むときには、基本的には畜群全部と一緒に追い込むため、全体が一方向に向かって走るように、周りから追い立てる。大切なのは集められた畜群全体を一塊にして誘導することである。途中で何頭かが山側に逃げるなどの個別行動にでると、作業は中断する。畜群から離れた個体がでると、一時的に畜群全体がその個体の方向に注意を注いでしまう。そのため、牧夫が追い立てる方向と別な方向を向き、回転も部分的或いは全体にとまってしまうからである。ただし1頭から5頭ぐらいで離れた場合、最初は逃げ回るが、馬等で追わなくても、しばらくするとそれらの離別した個体は再び畜群の中に戻って来ようとする。

こうした際には囲い柵周辺の地形の特徴が利用されている。図5の囲い柵と山の間は200～300メートルの距離があり、さらに山の麓はなだらかではなく、切り立った地形になっている。そのため逃げ出した個体は図2のY空間まで戻って山に登るか或いは囲い柵の西側に逃げ込まないと、牧夫達と一定の距離は保てない。それゆえ中途半端な距離におかれた個体は、自ずから囲い柵付近におい込まれた群に戻ってこようとするのである。逆にある時には、わずかな数の離散したトナカイが引き金になって、群全体がバラバラになったり、2・3の小集団へと分裂することもある。そうすると、牧夫達ははじめからやり直さなければならない。ある程度囲い柵の入り口付近までトナカイを追い込むと、一人の牧夫が数頭の首に紐のついた雌トナカイを引っ張る形で、ゆっくりと囲い柵の内部に導くようにして引っ張っていく。これらの個体はサブグループ1に属し、搾乳がほどこされる個体でもある。いわば先導個体を利用した行動介入である。ただし、群全体の動きはあくまでこれを囲む牧夫を中心にして促進させること記しておく。

群が図5の<1>から<2>の状態になると、騎乗牧夫は<a>から<c>に移り、トナカイを囲むようにして円弧をつくるというよりも、むしろ、一直線に並んでいる様相になる。騎乗牧夫は犬の鳴き真似、口笛、前口蓋音を出し、ゆっくりと群に近づいていく。また投げ縄を持った徒歩の牧夫の場合、同様に声を上げながら、捕獲するつもりではなく、投げ縄を群の方に投げる。さらに他の徒歩の牧夫は、両手を左右に大きく降り、それに併せて、ちょうどヒンズースクワットをやるような動作を続ける。こうした牧夫達によるいづれの行動もトナカイに対して威嚇となり、群を一定方向に向かせ、進行させる効果をもっている。また口笛はとくに群から突然逃げ出した個体の注意を引きつけるのに効果的で、その結果その個体は自ら再び群へと戻っていく。

こうして徐々に畜群全体を囲い柵の入り口付近に近づけていき、囲い柵の入り口と群の距離が十分縮まると、それぞれ声を上げ、手を大きく振りまわしながら、一気にまくしたてるという感じで最後は一気に追い込んでしまう。おとりに用いたトナカイは群れ全体が囲い柵に入れられる直前でコースを外され、囲い柵には入れられないか、或いは一緒に入れられた後、すぐに囲い柵から出されてしまう。これが山から放牧キャンプ地に誘導されてから短いときでおおよそ30分、長いときには2時間近くかかる、囲い柵への追い込み作業の方法である。

6：おわりにかえて

以上冒頭の問題設定にしたがい、放牧キャンプ地で筆者が知りえたトナカイ群の行動管理の在り方に焦点を当て、その具体的状況を記述してきた。これをふまえ秋の日常的な放牧風景における牧夫と群そして牧草地との関係は次のようにまとめることができるだろう。第一に一つの遊動

放牧集団が管理する群れは二つのレベルのサブグループに分けられ、それぞれ行動介入されていることである。それは構成メンバーが比較的固定的で、牧夫個人によって所有され、交通手段として訓練済みの個体がメインのサブグループと、主に旧ソフホーズのトナカイを中心とし、複数のサブグループから成り立ち、各サブグループ間の構成メンバーが流動的であるものである。この違いは日周レベルの基本作業と季節レベルの応用作業に対応する。原則的には前者（サブグループ1）が日周放牧作業の対象であり、後者（サブグループN）が囲い柵での季節作業の対象となる。第二に先の群の構成に関連するが空間利用についてで、牧草地は図2に示したように牧夫によって二つのレベル（B・C）で設定され、群の配置そして介入が行われる。また放牧キャンプ地内（A）も3つの機能的な空間に分けられ利用されることである。第三にこれらの作業でみられた群の行動統御の技術は、契約牧夫を中心にするが遊動放牧集団の男性構成員全員によって共有されていることである。

ただ群の管理におけるハズバンドリー活動や牧夫によるトナカイの認識・所有といった群管理の社会的側面については殆ど触れておらず、その意味ではトナカイ群管理の技術的側面に関する十分な内容だとはいえない。今回は特に字数上の制限もあって、これらには言及しないことにした。次年度の調査では、こうした観点を中心にしてより緻密な牧畜技術に関する理解を深めつもりでいる。

以上の牧畜技術論的記述を行う上で必要なのが、現在おこなわれているトナカイ飼育を学説史的にどのように位置づけるかという問題である。2章で簡単ながらそのことに触れたのも、トナカイ飼育を行う牧夫の行動や放牧キャンプそして畜群自体等の記述を行う上で、これが「レーニン農業企業体」の事業の一部門であるという前提なしに、その実態を細かなレベルで把握することは不可能だからである。いわば旧ソ連の集団化以降の近代産業としての位置づけなしに、現在のトナカイ飼育業を理解することはできない。その意味で2-1で提示した三つの研究側面の残りの二つ社会経済的側面と経営的側面からのアプローチは1995年度における調査の大きな課題である。

註

- 1) 当該地区では人口の9割はヤクートとエヴェンの民族籍保有者（割合は3：2）がしめる。とりわけ最近では「エヴェン」民族籍保有者を中心に、社会・政治的なレベルで「エヴェン」という名のエスニシティが強調されている。だが、トナカイ飼育業における群れ管理活動のレベルでは、そうしたエスニシティの問題は顕在化しない。そのため、本稿ではエスニシティの問題には言及しない。なお、トナカイ飼育とエスニシティの問題については、註4を参照のこと。
- 2) シベリアのトナカイ飼育についてはロシアの民族学を中心にこれまで研究がすすめられてきた。その研究の中心テーマは、トナカイ飼育の起源および分類ないし極北環境への適応という観点からの生態人類学的な研究であった。こうした研究史についてはKRUPNIK (1993) の2章および4章が参考になる。
- 3) トナカイ飼育業における外部市場の在り方を考える上で、インゴールド (INGOLD 1980) の議論が参考になった。彼は人類によるトナカイ利用と生産経済の関係を考える上で、狩猟・牧畜pastoralism・畜産ranchingモデルを提示した。そのひとつ畜産は、貨幣を媒体とする生産物の交換に基づく資本の蓄積と位置付け、他の生産経済と弁別する指標の一つとして、外部の資本主義市場との結びつきを指摘している。ただ、このモデル自体の有効性については疑問な

点が多いが、ここでは特に問題にしない。

- 4) 筆者の調査地ではペレストロイカ以降、西側の人類学者ヴィテブスキーによる現地調査が行なわれ、それに基づく成果はすでに出版されている。その一連の研究は、トナカイ飼育に焦点をあてながら、当該地区を含む地域の概説的な紹介 (VITEBSKY 1989 a : 1989 b) と、ペレストロイカ以降の政治状況、具体的には当該地域のエヴェンによる自治権要求運動と「伝統文化」との関連性についての論考 (VITEBSKY 1990 ; 1992) にわけることができる。彼の議論ではトナカイ飼育は、そうした文化=政治運動のなかで機能する言説としての側面が強調され、「『エヴェン文化』の(表層的な)パッケージ」(VITEBSKY 1990 : 353) と指摘されている。こうした分析は、ペレストロイカ以降の旧ソ連の「北方少数民族」の政治運動 (cf : IWGIA 1990 ; VAKHTIN 1994) の活発化と平行する現象であるといえよう。これに対し、本稿ではトナカイ飼育が、ある特定のエスニシティをこえて、地域経済をささえる一産業として機能する側面に注目している。そういう前提の下での「ハーディング」活動である。
- 5) 例えばチュクチャやドルガンの間のトナカイ飼育では、夏の間、いくつかの小規模なトナカイ群れを合同させて大規模な群れをつくること、そしてそれに応じて遊動放牧集団の構成自体が変化し、群れの行動管理の度合いも強化されることが報告されている (BOGORAS 1904-09 : 82-83 ; POPOV 1935 : 184-185)。
- 6) この地図 (GOULD 1994) は筆者と共に三カ月にわたって調査に従事したラッセル・グールド氏によって作成されたものである。
- 7) なお冬営地チャユリヤは定住地からそれほど離れていないこともあり、図1の放牧ルートには載せていない。

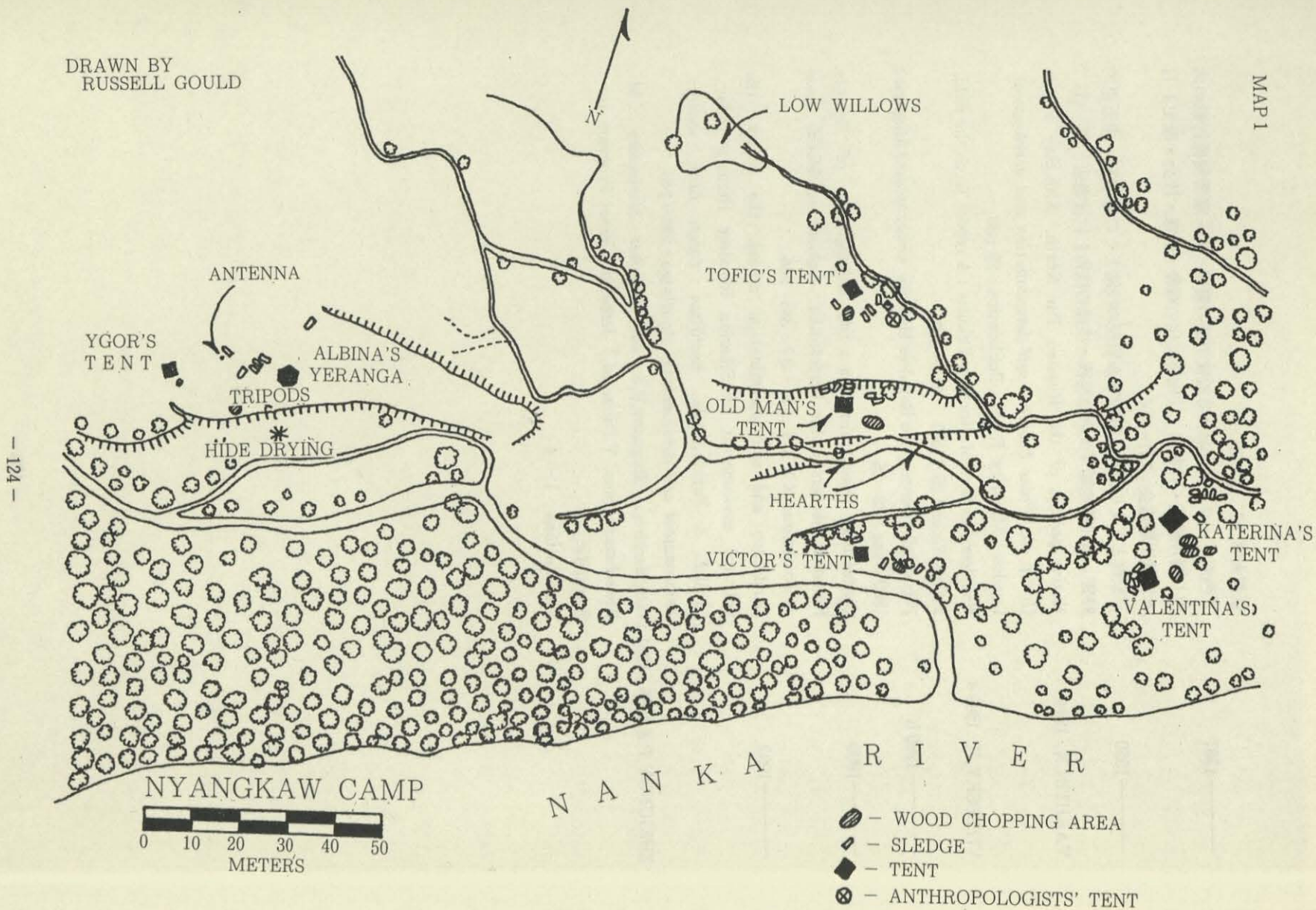
★引用文献

- ARUTIUNOV, S.A. 1988 Even : Reindeer Herders of Eastern Siberia. Fitzhugh, W. W. & Crowell, A. eds. *Crossroads of Continents : Culture of Siberia and Alaska*. Washington, D. C. & London : Smithsonian Institution Press : 35-38
- BOGORAS, W. 1904-1909 *The Chukchee*. Boaz, F. ed. The Jusup North Pacific Expedition Vol. VII. Leiden & New York : E. J. Brill Ltd. & G. E. Stechert
- GOULD, R. 1994 *MAP OF NYANGKAW CAMP*. unpublished
- INGOLD, T. 1980 *Hunters, Pastoralists and Ranchers : Reindeer Economies and their Transformations* Cambridge : Cambridge University Press
- IWGIA (International Work group for Indigenous Affairs) 1990 *Indigenous Peoples of the Soviet North*. (Document 67 IWGIA) Copenhagen : IWGIA
- KRUPNIK, I. 1993 *Arctic Adaptations : Native Whalers & Reindeer Herders of Northern Eurasia* (Levenson, M. trans. & ed.) Hanover & London : Dartmouth College
- LEVIN, M.G. & VASIL'EV, B.A. 1956 Eveny. Levin, M.G. i Potapov, L.P. red. *Narody Sibiri* Moskva : AN SSSR : 760-775
- 松井 健 1989 『セミドメスティケーション : 農耕と遊牧の起源再考』海鳴社
- MIRONOV, P.E. 1975 Severnoe olenevodstvo. *Bol'shaia sovetskaia enchiklopediia*. Moskva : Izdatel'stvo "Sovetskaia enchiklopediia" : 1100-1101
- PAINE, R. 1964 Herding and Husbandry : Two basic distinctions in the analysis of reindeer management. *FOLK* 6-1 : 83-88
- 1971 Animals as Capitals : Comparisons among Northern Nomadic Herders and Hunters. *Anthropological Quarterly* 44-3 : 157-172
- 1972 The Herd Management of Lapp Reindeer Pastoralists. *Journal of Asian and African Studies* 7 : 76-87
- POPOV, A.A. 1935 Olenevodstvo u dolgan. *Sovetskaia Etnografiia* 1935 : 184-205
- PREBRAZHENSKIJ, S.V. 1968 [1961] Management and Breeding of Reindeer. Zhigunov, P. S. ed. *Reindeer Husbandry* (M. Fleischmann trans. Y. Dinur ed.) Jerusalem : Israel Program for Scientific Translations : 78-128
- 佐々木史郎 1994 a 「ネネツ族の社会 : トナカイ飼育の発展とその影響」『民族学研究』49-3 : 203-232
- 1984 b 「シベリアのトナカイ遊牧 : 西シベリア・ネネツ族の事例とその経済的意義の考察」『季刊人類学』15-3 : 114-180
- SERGE'EV, M. A. 1956 Sotsialisticheskoe stroitel'stvo u narodnostej severnoj sibirii i dal'nego vostoka. Levin, M. G. i Potapov, L.P. red. *Narody Sibiri* Moskva : AN SSSR : 543-569
- 谷 泰 1976 「牧畜文化考 : 牧夫一家畜関係行動とそのメタファ」『人文学報』

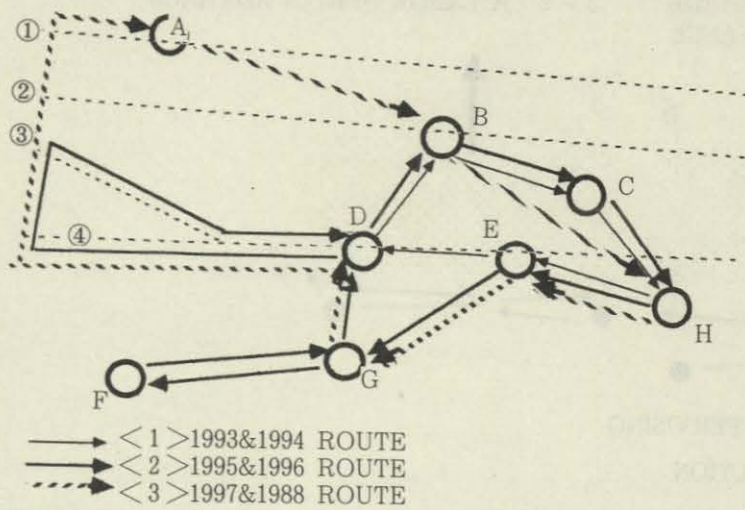
- 京都大学 42 : 1 - 58
- 1987 「西南ユーラシアにおける放牧羊群の管理：人—家畜関係行動の諸相」福井勝義・谷泰編 『牧畜文化の原像：生態・社会・歴史』日本放送出版協会：147-206
- 1990 「家僕としての家畜：放牧家畜管理の技法とその地中海・中近東的特質」川北稔他編『生活の技術・生産の技術』岩波書店：17-45
- VAKHTIN, N. 1994 Native peoples of the Russian Far North. Minority Rights Group ed. *Polar Peoples : self-determination and development*. London : Minority Rights Publication : 29-80
- VITEBSKY, P. 1989 a Reindeer Herders of Northern Yakutia : A report from the field. *Polar Record* 25 (154) : 213-218
- 1989 b Perestroika among the Reindeer Herders. *Geographical Magazine* 1989 June : 22-25
- 1990 Centralized Decentralization : the Ethnography of Remote Reindeer Herders under Perestroika. *Cahiers du Monde russe et soviétique* XXX I (2-3) : 345-356
- 1992 Landscape and self-determination among the Eveny : the political environment of Siberian Reindeer Herders today. Croll, E. & Parkin, D. eds. *BushBase : forest farm : culture, environment and development*. Routledge : 222-246
- ZHIGUNOV, P.S. 1968 [1961] Introduction. Zhigunov, P.S. ed. *Reindeer Husbandry* (M. Fleischman trans. Y. Dinur ed.) Jerusalem : Israel Program for Scientific Translations : 1-4

DRAWN BY
RUSSELL GOULD

MAP 1

★FIG. 1 : ANNUAL HERDING ROUTES

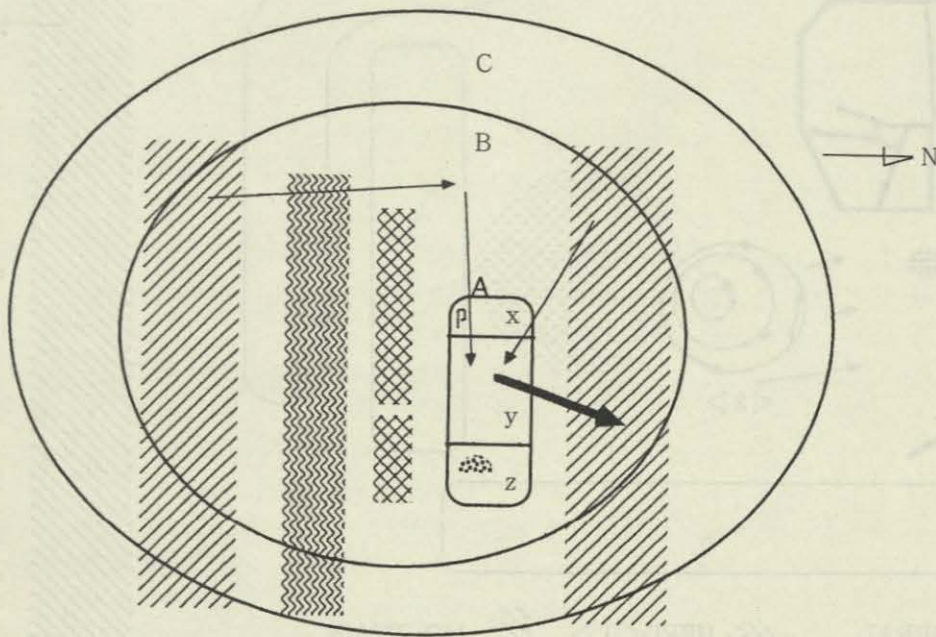

①INTENGA RIVER ②NYANKA RIVER ③KRESTKHIKH RIVER ④MAS-SALA RIVER

A : INTENGA B : NYANKA C : KUBAGAJ

D : MAS-SALA E : ELGES F : SYALANNAKH G : EGEKIJ H : MONGOL

★FIG. 2 : DAILY HERDING IN NYANKA

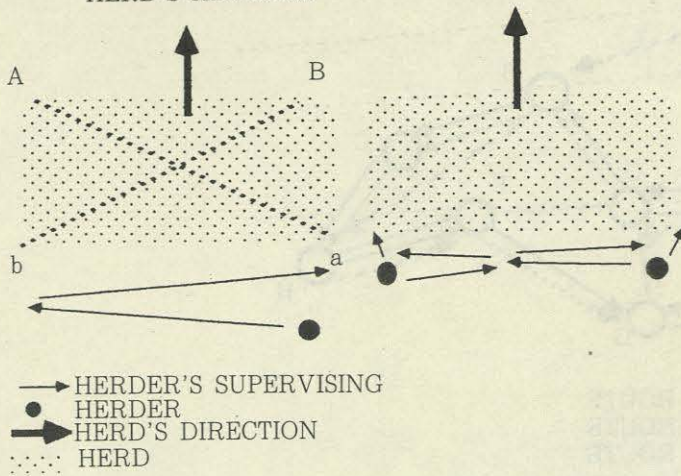

→	DRIVING IN A HERD		RIVER
→	HERD'S OWN DIRECTION	////	MOUNTAIN
●	HERDER'S CAMP	⊗	BIRCH BUSH
⊔	CORRAL		

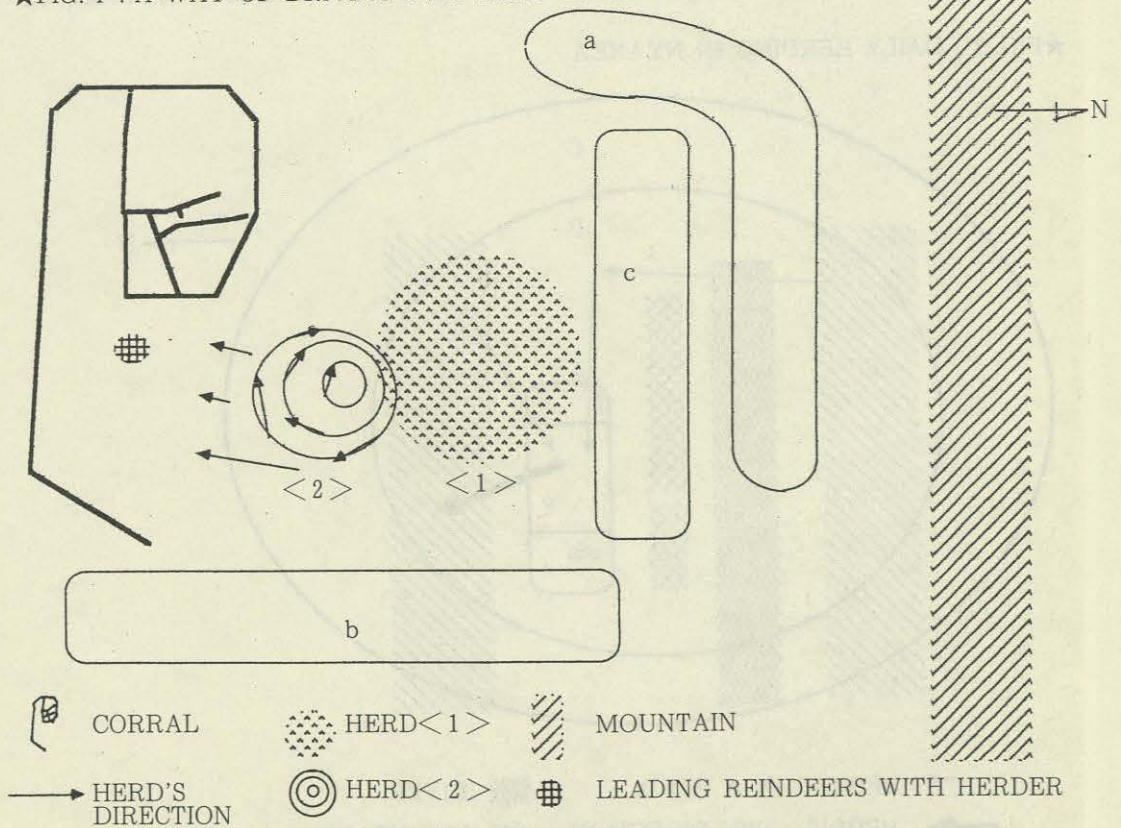
★FIG 3 : HERDER'S SUPERVISING A CALMED HERD AND ITS RESPONSE

3-1 : A MIDDLE LARGE HERD'S ADVANCE

3-2 : A LARGE HERD'S ADVANCE

★FIG. 4 : A WAY OF DRIVING IN A HERD TO CORRAL

The Furbearer Hunting and the Game Management in Eveno-Bytantaiskiy Region, Sakha Republic

Tohru IKEDA
Hokkaido University

The furbearer hunting and the game management were studied in Eveno-Bytantaiskiy region, Sakha Republic.

In this region, Even and Yakut people keep their traditional furbearer hunting based on their accurate knowledge of land and animals. Under the control of Soviet Union, the hunting activity was strictly controlled and protected by government operation. But recently the fur market price in Yakutuk has fallen down in price by the worldwide decreasing demand of furs and the inflow of cheap furs from foreign country (U.S.A., Italy, China, etc.) after economic liberalization. As a matter of fact, it is difficult for hunters to keep their living conditions only by the furbearer hunting.

As for the game management in this area, rare species, specified in the "Red Data Book in Yatutia", are protected and the hunting regulation is conducted by "САХА БУЛТ" which is a racial hunting enterprise built in 1993 for the purpose of the national management of the fur trade. Hunters must buy the hunting license for every game from "САХА БУЛТ", and sell furs to "Sakha Burt". This enterprise also manages the sale of hunting equipment (rifle, bullet, knife, etc.).

In spite of the effort of Sakha government to protect the fur trade, the number of hunters is on the decrease and village enterprises in this area can't keep professional hunting group. The absence of sables, the most valuable fur bearer in Siberia and once transplanted in this region but not naturalized successfully, also promote the declining of hunting activity. Current furbearer hunting is carried out barely by amateur hunters for stoats, hares and squirrels, and some big game hunters come to earn income by the hunting guide for the foreign sports-hunters recently. Traditional furbearer hunting in Siberia is facing a big turning point.

サハ共和国エヴェノ・ブイタンスキー 地区における毛皮獣狩猟と猟獣管理

池田 透
(北海道大学)

はじめに

本稿は、1993-1995年度文部省科学研究費補助金〈国際学術研究〉「シベリア牧畜民の民族学的研究」(課題番号05041013 研究代表者:齋藤晨二名古屋市立大学教授)の一環として行った、シベリア北部における毛皮獣狩猟の実態調査に関する調査報告である。

本プロジェクトでは、調査地をロシア連邦サハ共和国(旧ヤクート自治共和国)のエヴェノ・ブイタンスキー地区に設定し、エヴェンとヤクートのトナカイ飼育を中心とした民族調査を行ってきたが、1995年の調査においては、シベリアの少数民族において牧畜とともに重要な生活手段のひとつである狩猟活動についての調査を実施した。シベリアは野生動物の宝庫として知られており、その厳しい自然条件のため、狩猟獣の肉や防寒・撥水作用の優れた毛皮の利用も人々の生活には欠くことのできないものとなっている。また、調査地においては野生動物狩猟は、トナカイ放牧生活の経験によって得た地形等に関する自然環境知識の裏付けによって支えられている生業活動であり、狩猟活動の実態調査によってシベリア牧畜民の生活をより鮮明に把握することを目的に調査を計画した。調査は、1995年10月16日~11月20日の期間に実施された。なお今回の狩猟調査は、肉・毛皮利用の主要対象となる陸生哺乳類を対象を限定して行った。

1. 調査地概要

本調査は、ロシア連邦サハ共和国エヴェノ・ブイタンスキー地区のバタガイ・アリタおよびクストゥールという集落において行った。エヴェノ・ブイタンスキー地区は総面積約52,300km²で、その中にバタガイ・アリタ、クストゥール、ジャルガラハ、アリーの4つの主要集落がある。今回調査を実施したバタガイ・アリタはエヴェノ・ブイタンスキー地区の中心地で、居住地面積199ha、人口1719人(1992年統計)、「レーニンスキー」農業企業体の中心集落となっており、クストゥールはバタガイ・アリタ北東110kmに位置する居住地面積72ha、人口975人の「ブイタンスキー」ソホーズの中心集落である。エヴェン人の人口は、バタガイ・アリタで372人、クストゥールで414人であり、他はほとんどがヤクート人である。大まかにはヤクート人が牛馬の牧畜に従事し、エヴェン人がトナカイ放牧に従事するという傾向はあるものの、厳密な区別はなく、調査地のトナカイ放牧や狩猟においても両民族が共同で作業を行っていた。

エヴェノ・ブイタンスキー地区の地形はヴェルホヤンスキー山脈と支脈からなる高原と河谷地域で、ヤナ川の支流ブイタンスキー川が南北に流れている。気候は典型的な大陸性気候であり、最低気温は零下50度以下となる。東シベリア永久凍土帯に属し、ダウリア・カラマツの山岳タイガと低木・地衣類の山岳ツンドラが広がっている。

2. サハ共和国内に生息する陸生哺乳類とレッド・データブック掲載種

サハ共和国に生息する陸生哺乳類は、МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ЯКУТИИ (1971) および РУССКО-ЯКУТСКИЙ СЛОВАРЬ БИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (1993) によると、

○食虫目

アルタイモグラ・オオトガリネズミ・ホッキョクトガリネズミ・ヒラタトガリネズミ・バイカルトガリネズミ・ヨーロッパヒメトガリネズミ・チビトガリネズミ・ミズトガリネズミ・その他 *Sorex* 属の1種

○翼手目

ドーベントコウモリ・ウサギコウモリ・ヒメホリカワコウモリ

○兔目

ユキウサギ・シベリアナキウサギ

○げっ歯目

タイリクモモンガ・キタリス・シベリアシマリス・ズグロマーモット・オナガジリス・ドブネズミ・ハツカネズミ・アカネズミ・カヤネズミ・マスカラット・ヒメヤチネズミ・モリレミング・クビワレミング・アムールレミング・オオミミコウザンネズミ・ミズハタネズミ・パラスハタネズミ・ミッドンドルフハタネズミ・キタハタネズミ・ツンドラハタネズミ・ヨーロッパビーバー・その他 *Lemmus* 属の1種と *Microtus* 属の1種

○食肉目

タイリクオオカミ・アカギツネ・ホッキョクギツネ・ヒグマ・ホッキョクグマ・オコジョ・イイズナ・タイリクイタチ・アメリカンミンク・クロテン・クズリ・ユーラシアカワウソ・ヨーロッパオオヤマネコ

○偶蹄目

シベリアジャコウジカ・ノロジカ・アカシカ・ヘラジカ・トナカイ・シベリアビッグホーン (ユキヒツジ)

となっている。

上記の哺乳類の中には外来種も含まれているが、これは旧ソ連が毛皮利用を目的として計画的に導入したもので、マスカラット・アメリカンミンクなどがこれに該当する (旧ソ連全体では、その他タヌキ・アライグマ・カナディアンビーバーなども放逐した)。また高級毛皮獣としてクロテンも国内で生息地から非生息地への移動放逐を実施した記録が残っている。

野生動物の保護管理については、1987年に КРАСНАЯ КНИГА ЯКУТСКОЙ АСССР というヤクーチア版レッド・データブックが発行され、要注意種として19種類の哺乳類が指定されている。その中に陸生哺乳類では、アルタイモグラ・ヨーロッパトガリネズミ・ミズトガリネズミ・ウサギコウモリ・ズグロマーモットの2亜種・アムールレミング・ヨーロッパビーバー・ホッキョクグマ・ユーラシアカワウソ・ヨーロッパオオヤマネコ・ノロジカ・アカシカ・シベリアビッグホーンの2亜種が含まれている。

3. サハ共和国における狩猟制度

現在のサハ共和国における毛皮獣の狩猟規制は、環境省とともに民族狩猟コンツェルン「サハ・ブルト」という独占企業体が管轄している (肉に関しては農業省が管轄)。この「サハ・ブルト」は本部をヤクーツクに置き、1993年に毛皮交易の国家管理 (ヤミ市場の排除) を目的に創立された企業体であり、狩猟免許を発行するとともに毛皮の買い取り、販売を独占している。サハ共和国において、毛皮交易は重要な産業という認識があり、現在ではこの「サハ・ブルト」と契約を交わして毛皮を納入しないと、銃・弾丸・罟などが個人では入手できないことになっている。従来は、狩

猟者はソフホーズ・コルホーズを通じて狩猟具や弾丸の入手、毛皮の買い取りを行っていたが、旧ソ連の崩壊に伴う経済の自由化によって旧体制では毛皮市場価格の低下と狩猟装備の高騰化には対応できず、組織内での狩猟の縮小化が進んできた。必然的に狩猟者の組織離れと毛皮のヤミ市場への流出が頻繁になり、その打開策としてサハ共和国政府は「サハ・ブルト」による毛皮管理と資源保護・狩猟者保護によって毛皮獣狩猟の再興を計画している。

「サハ・ブルト」が扱う毛皮は、キタリス・オコジョ・タイリクイタチ・マスクラット・クロテン・ユキウサギ・アカギツネ・ホッキョクギツネ・ヨーロッパオオヤマネコ・クズリ・ヒグマ・ホッキョクグマ・タイリクオオカミなどであり（ズグロマーモットは禁猟）、それぞれにつき毛皮納入者に支払う際の買い取り価格が決められている。1994年の第4四半期（サハ・ブルト公文書）および95年の調査時（バタガイ・アリタの担当官より聞き取り）における買い付け価格は以下の通りである。

種名	94年	95年
キタリス	3000(ルーブル)	6000
オコジョ	4200	8000
タイリクイタチ	4800	—
マスクラット	7000	—
クロテン	130000	900000
ユキウサギ	800	2000
ホッキョクギツネ	50000~150000	90000
アカギツネ	160000~200000	140000
オオヤマネコ	150000	300000
クズリ	90000	—
クマ	150000	500000
オオカミ	130000	150000

注) 94年12月1日のドル交換レート
1ドル=3427ルーブル
(COMMERSANT:DEC. 21 1994)
95年調査時のドル交換レート
1ドル=4470ルーブル
(現地交換レート:NOV.14 1995)

狩猟免許に関しては、日本のように狩猟行為に対して与えられる免許ではなく、獲物1頭ごとに指定の金額を支払うことによって免許が与えられる。例外は、少数民族に対して与えられる無料免許であり、これはサハ共和国民族省北方少数民族協会が発行するもので、この免許によってシベリアビッグホーン・クマ・ヘラジカ・野生トナカイ各1頭が無料で捕獲できる。エヴェノ・ブイタン・タイスキー地区では、民族籍がエヴェンの者についてのみ発行される。

狩猟許可の価格に関しては、サハ共和国の「野生動物・魚の捕獲許可料および生物資源が受けた損害の賠償額算出のための公定率に関する政令」で指定されており、捕獲目的毎の基準が設定されている。スポーツハンティングと産業目的では、それぞれ1頭につきサハ共和国最低月収の何倍という形で設定され、外国人狩猟者には別途米ドル立てで1頭の許可料が種毎に定められている。バタガイ・アリタのサハ・ブルト担当官によれば、95年調査時では、野生トナカイについては1頭につき専門狩猟者（組織に属する狩猟者）では28000（ルーブル）、その他アマチュア狩猟者では88000、シベリアビッグホーン（食肉用）については180000という価格で免許が交付されている。ただし、全種について免許が必要なわけではなく、なぜかレッド・データに掲載されているヨーロッパオオヤマネコなどは狩猟免許が必要ではない。この点は、野生動物資源の保護の観点からも今後改正すべきであろう。また、規制に違反して生物資源に与えた損害については、先の「野生動物・魚の捕獲許可料および生物資源が受けた損害の賠償額算出のための公定率に関する政令」によって

1頭あたりサハ共和国最低月収の何倍という形で損害賠償額が設定されている。

狩猟期と捕獲割り当てはサハ共和国の年度毎の「狩猟期における野生動物の捕獲割当量・期間設定に関する政令」で指定される。1995年における狩猟期は、

野生トナカイ（ツンドラ種）	95. 8. 1 ~ 12. 15
野生トナカイ（森林種）	95. 9. 10 ~ 12. 1
シベリアビッグホーン	95. 9. 10 ~ 11. 15
ヒグマ	95. 9. 10 ~ 12. 31
クロテン	95. 9. 20 ~ 96. 2. 15
ヘラジカ（一部別期間）	95. 9. 15 ~ 11. 15

などと設定されており、狩猟期は主に秋から冬にかけて設定されている。

捕獲量もサハ共和国全体で

シベリアビッグホーン	500頭
ヒグマ	450
クロテン	25000
野生トナカイ	37000

という種について決められている。算出基準の詳細は今回の調査では同定できなかったが、科学アカデミー生物学研究所がヘリコプターでカウント調査を行い、それをもとに算出しているという情報が得られた。

最後に「サハ・ブルト」による毛皮獣管理の特徴としてクロテンに関する特別処置を記す。クロテンは古来より上質毛皮獣として珍重されてきた動物であり、高価な毛皮獣であるが、サハ共和国においても国家の重要な資源として厳重管理をめざしており、特殊な措置がとられている。クロテンについては1頭につき15000ルーブルで免許を取得することは前述の通りだが、地区によって厳しい捕獲量制限があり（エヴェノ・ブイタンタイスキー地区では年間50頭）、かつ取得免許と同量の毛皮を「サハ・ブルト」に納入できなかった場合は罰金が課せられることになる。

4. 調査地における狩猟獣とその利用

調査地では、あらかじめ用意しておいた動物図版をインフォーマントに提示して、その動物の狩猟の有無と利用法を質問した。

バタガイ・アリタにおいては、1993年の予備調査の段階で、トナカイ放牧キャンプの牧夫たちに質問調査を行った。食用には主にシベリアビッグホーン（レッド・データ指定種だが狩猟免許を取れば狩猟可）・ヘラジカ・ユキウサギが狩られ、毛皮獣としては主にキタリス・オコジョ・キツネ類・ユキウサギ・タイリクオオカミ・ヘラジカ・ヨーロッパオオヤマネコが狩られていた。野生トナカイはバタガイ・アリタ周辺にはほとんどいないようである。オオカミは飼育トナカイを襲うので害獣として狩猟するが毛皮はそれほど価値がなく、他に毛皮が何も無いときに利用する程度である。その他、シベリアナキウサギは皮を炙って傷にあてて薬用に用いること、クズリも毛皮を帽子や服の襟に用いること、カワウソはジガン川に生息しており獲れば毛皮を利用するなどの情報を得ることができた。タイリクモモンガとシベリアシマリスは数も少なく毛皮の需要もないので、昔は獲ったが現在は獲ってはいない。ズグローマーモットは肉もおいしく、油を薬に使うが、レッド・データに指定されていることを認識しており、捕獲してはいないようである。また、クマに関してはホッキョクグマはほとんど見かけず（過去3回捕獲）、ヒグマについても、クマを殺すことは罪

悪だという意識があり、被害にあったとき以外は捕獲しないようである。クマ崇拜は不完全ではあるがわずかに残っているようで、頭骨は木にかけて肉は埋めるという処理をし、クマに対する畏敬の念は強い。クロテンについては、前述のように元来は生息してはいなかったが、バタガイ・アリタ近辺では1952・53・54年と他地域から移入し、数量は多くはないものの毛皮は高値で売られているという情報が得られた。マスクラットについても1967年に15頭と20頭の導入を試みたが定着には至らなかったようである。

クストゥールでは1995年の調査でトナカイ牧夫と狩猟者に同様の動物図版を用いた質問を行った。ここでも同様に食用には主に野生トナカイ・ヘラジカ・シベリアビッグホーン・ユキウサギが狩られ、毛皮獣としては主にキタリス・オコジョ・キツネ類・ユキウサギ・タイリクオオカミ・ヨーロッパオオヤマネコ・ヘラジカ・野生トナカイが狩られていた。クストゥールに特徴的なことは、野生トナカイの狩猟である。特に近年は北方のツンドラからトナカイが多く移動してきており、クストゥールの飼育トナカイ数が6～7000であるのに対して、野生トナカイ数は1万頭にのぼるようである。野生トナカイは、放牧中の飼育トナカイを群に吸収してしまい、そのまま連れ去ってしまうために、トナカイ放牧民にとっては害獣となっている。この野生トナカイ狩猟は、トナカイ飼育民にとっては有害獣駆除作業と位置づけることができる。また、クストゥール周辺にはジャコウジカも生息しており、麝香をとるのに利用している。クロテンとマスクラットはバタガイ・アリタ同様に移入されたという情報はあったが、詳細は不明で定着もできなかったようである。ただし、クロテンはわずかだが生息しているという情報もあった。アナグマも生息しているとの情報もあったが、由来等は不明である。ナキウサギ・シマリス・モモンガといった小型獣は毛皮には小さすぎてあまり捕獲されないが、モモンガの油は凍傷になったときの薬として用いられることもあるという。この地域ではクマ猟は比較的行われており、クマの胆は薬として利用されている。ホッキョクグマも南下したものは捕獲されている。クマの捕獲に際して儀式的なことは一切行われていないようであるが、クマの頭骨と前足は木にかけるといふ習慣が残っている。一般に獣の骨(頭骨)は地面に捨ててはいけないと信じられており、必ず木にかけておく習慣があるという。実際に筆者もトナカイ飼育キャンプの周辺を踏査中に木の枝にかけられたホッキョクギツネの白骨を発見したこともある。しかし、インフォーマントによると、この習慣の意味するところはもはやわからず、昔からのしきたりに従っているだけであって現在ではあまり気にせず捨ててしまうものもいるとのことであった。同様の習慣はバタガイ・アリタ周辺やサハ共和国の他の地域においても残っており、集落はずれの特定の木に大量の獣の頭骨などが下げられているのを現在でもみかけることができる。また、クストゥールの場合、狩猟に出かける際に必ず立ち寄り猟の豊作と安全を祈願する聖木が村はずれにあり、狩猟者は自分の持ち物の一つをこの木に捧げて祈るといふ行為が続けられている。

5. 調査地における近年の狩猟活動の変化

調査地においては、狩猟専門の狩獲者とその他の職につきながら余暇を利用して狩猟を行う者がいる。成年男子は兵役を経験しているために銃の扱いには手慣れており、多くの者が銃を使った狩猟を行う。また、地域の重要産業であるトナカイ放牧の従事者は、トナカイ放牧で培われた土地や地形に関する知識をもとに優れた狩獲者でもある。厳しい自然環境のために農作物の育成ができない地域では、毛皮利用のみならず、食用としても獲物は生活に重要な位置を占めている。

銃を用いる狩獲者の年間の行動は、以下のスケジュールに従っている。5～6月にはカモなどの鳥を撃ち、7月は休んで夏の後半から冬の間はシベリアビッグホーン・野生トナカイ・ヘラジカな

どの狩猟を行う。毛皮獣の狩猟は9月頃から盛んになるが、毛皮の状態がよくなってから頻りに狩を行うようである。

肉用の狩猟は適宜必要に応じて、休暇を利用しながら出かけることが多いようである。

罾狩も並行して行われており、近年ではトラバサミが主に用いられているが、伝統的な手製の仕掛け罾や仕掛け弓を改良した圧殺罾、針金を輪にして獲物の通り道に仕掛けるくくり罾なども未だに利用されている。ベテランの狩猟者の話では、伝統的な罾の方が毛皮を痛めずに獲物がとれるという。ただし、この罾狩には動物の生態や行動に関する知識が必要であり、効果的に狩を行うには経験が必要とされる。以前は子供は毎日のようにウサギ罾などを仕掛けて罾狩の経験を積んでいたようであるが、近年は生活の変化や動物資源量の変動によってそのような遊びをする子供も少なくなっているようである。

小型獣の罾は動物の生息地に多数仕掛けられる。オコジョ用の罾などはオコジョの好む川沿いに300個ほどの罾を広範囲にわたって仕掛けている。罾は使用しないときも放置してあるようで、必要な時期に必要な場所の罾をセットするようである。この罾は何人かで共同で用いることもあり、トナカイの放牧キャンプと連動して狩猟を行っているものもある。

近年では銃を用いた近代狩猟が盛んになってきているが、この罾狩には伝統的に培われた動物に対する知識の蓄積や環境に対する工夫がみられ、伝統的な狩猟の一部を現在でもかいま見ることができる。例えば、獲物が餌に食いつくと支えがはずれて上から重石が落ちてくる形の罾などでは、通常は木を使うが冬期間には罾全体を氷で作るという工夫もなされるようで、これなどは地域の特性を合理的に用いた好例といえよう。

このように地域の生活に密着して行われてきた狩猟活動であるが、近年の旧ソ連崩壊に伴う経済状態の悪化や環境の変化によって、狩猟活動自体も大きな転換を迫られてきている。

調査地の毛皮の出荷先は主にヤクーツクであるが、近年のルーブルの暴落によって競争力が低下したことや、経済の自由化に伴ってアメリカやイタリア（ミンクの養殖が盛ん）、中国（犬毛皮）などの諸外国から安値で良質の毛皮が入ってくるようになり、国内の毛皮に対する需要も激減しており、毛皮の市場価格が暴落してきている。また、世界的な毛皮需要の低下もこの事態に拍車をかけている。表1と表2は、調査地であるバタガイ・アリタの狩猟数の変遷とクストゥールにおける毛皮買い取り価格を示したものである。表2において若干の単価の値上がりはみられるものの、比較的需要があって価格のよい小型獣でも、米ドル換算で1枚1ドルにも満たない価格では、狩猟具の整備や手間暇を考慮すると非常に効率の悪い仕事となっている。このような経済状況の下で狩猟者の数もまた減少してきている。従来は、ソホーズ・コルホーズにおいて狩猟専門の班を組織して狩猟管理が行われてきたが、現在では狩猟班はバタガイ・アリタ、クストゥールともに形骸化し、形としては残っているものの、実質は専門狩猟者はいないという事態に陥っている。毛皮の価格暴落に伴い、銃などの狩猟具や弾丸の購入もままならない状況にある。表2はクストゥールの年間の毛皮取り扱い量であるが、1992年で狩猟者12名に対して買い取り総額がわずか350ドル程度で、94年でも狩猟者4名に対して300ドル足らずでは生活の維持は困難である。現在の狩猟活動は、昔の専門狩猟者が年金生活がてら狩猟を楽しむ程度のものでしかなく、生活手段としては成立するものではない。バタガイ・アリタにおいても同様の事態が進行しており、表1においても1988年をピークに狩猟数が減少している。また、表1からは狩猟者の減少を上回る捕獲数の減少も読みとることができ、狩猟獣自体の生息数減数も危惧される。残念ながら調査地周辺では、野生動物の生息数調査などは行われていないために実際の動物個体群の動態は不明だが、価格暴落に伴う狩猟努力の減

少もひとつの要因として考えられるものの、需要も多く高価で取り引きされるオコジョにおいても捕獲数が激減していることは注目に値する。広大な地区に主要集落がわずか4つしかないことを考慮すると、エヴェノ・ブイタンスキー地区全体で動物資源量が減少しているとは一概には決めかねるが、少なくとも集落周辺の動物保護と環境保全には今後留意する必要がある。

6. 毛皮獣狩猟の今後

上述のように現在の狩猟活動は、もはや生業としては成り立たない状況にきている。現時点での狩猟は毛皮を生産するためのものではなく、日常の食糧の確保および衣料の入手手段としての狩猟が主体となってきている。その自家消費用の狩猟においても、狩猟装備の費用を別途捻出する必要がある。現状では今後の狩猟活動は自家消費用の狩猟までもが窮地に陥る可能性がある。世界的な毛皮の不人気はあるものの、シベリアの住民にとってはやはり毛皮は生活に不可欠なものである。新素材の開発によって暖かい衣料も登場してはいるが、現地の人間にとってそのような製品の入手は困難であり、また質的にも極寒の地では耐性・撥水性などの点で毛皮が最適である。少なくとも現地の人間にとっては狩猟活動によって狩猟用具の維持ができる程度の状態を保つことは必要不可欠なことである。「サハ・ブルト」が毛皮交易の再興に着手し、毛皮の質の向上・狩猟に対する興味呼び興しを企画しているが、世界的な毛皮需要の低迷、価格暴落と狩猟者の生活悪化という悪循環に陥っている状態では、毛皮獣狩猟の衰退に歯止めをかけることは難題であろう。調査中に聞き取りを行ったインフォーマントも口々に今後の狩猟活動に対する否定的な見解を述べていた。1000年続いてきた少数民族の毛皮獣狩猟が消滅するという危機を訴えるものもいた。

しかし、近年の狩猟活動において新しい試みも行われるようになってきた。外国人の旅行自由化に伴い、狩猟者の中には外国（主にアメリカ）からの狩猟者の案内などで収入を得るものも増えつつある。確かにこの試みは、現在の国際経済情勢では外国人狩猟者は安価でスポーツハンティングを楽しむことが可能であり、かつ地元の狩猟者は現金収入に加えて獲物の肉などが入手できるという合理的な試みではある。このような試みも始まったばかりであり、外国からの需要の確保と外国人狩猟者を受け入れる体制が整えられるかが今後の展開を左右すると思われる。

現代社会では世界的に自然保護活動が盛んとなり、狩猟という行為自体への賛否両論も叫ばれている。旧ソ連の体制によって支えられてきたシベリアの狩猟活動は今新たな転換期を迎えつつあることは紛れもない事実である。社会変動によって翻弄されたシベリア毛皮獣狩猟がどのように変貌するのか、今後の展開に注目したい。

表1. バダガイ・アリタ「レーニンスキー」農業企業体における
狩猟者及び毛皮獣狩猟数の変遷

年	狩猟班数	狩猟者数	ウサギ	オゴジョ	リス	クロテン	アカギツネ	ホッキョク ギツネ	オオヤマネコ	アナグマ	オオカミ
1985	1	26	97	1385	2791	10	1	4	0	0	0
1987	1	18	4087	1127	3179	8	1	35	0	0	0
1988	?	?	9329	3434	5711	19	1	1	2	3	0
1990	1	27	5857	595	3501	41	0	10	0	0	0
1991	1	29	6751	259	3462	9	0	0	0	0	0
1993	1	15	1156	60	1012	0	0	0	0	0	3
1994	1	?	1843	66	1021	0	0	0	0	0	6

年	班数	人数	ウサギ	オゴジョ	リス	クロテン	アカギツネ	ホッキョク ギツネ	オオヤマネコ	アナグマ	オオカミ
1985	1	26	97	1385	2791	10	1	4	0	0	0
1987	1	18	4087	1127	3179	8	1	35	0	0	0
1988	?	?	9329	3434	5711	19	1	1	2	3	0
1990	1	27	5857	595	3501	41	0	10	0	0	0
1991	1	29	6751	259	3462	9	0	0	0	0	0
1993	1	15	1156	60	1012	0	0	0	0	0	3
1994	1	?	1843	66	1021	0	0	0	0	0	6

表2. クストゥール「ブイタンタイスキー」ソホーズにおける
狩猟者からの毛皮買い取り価格

◎1992年12月 狩猟者数：12（狩猟班所属：9、その他：3）

種名	大きさ	品質	傷具合	単価 (ルーブル)	単価 (ドル)	数量	総額	総額 (ドル)
ウサギ	—	I	なし	60	0.14	594	35640	85.88
	—	I	小	54	0.13	610	31940	79.37
	—	I	中	45	0.11	712	32040	77.20
オコジョ	大	I	なし	426	1.03	36	15336	36.95
	大	I	小	383.4	0.92	27	10351.8	24.94
	大	I	中	319.5	0.77	10	(3088.5)	(7.44)
	中	I	なし	319.5	0.77	16	5112	12.32
	中	I	小	287.55	0.69	13	3738.15	9.01
	中	I	中	239.55	0.58	3	(814.25)	(1.96)
リス	—	I	なし	123	0.30	47	5781	13.93
	—	I	小	110.7	0.27	34	3763.8	9.07
	—	I	中	92.25	0.22	14	(1278)	(3.08)

買い取り総額：148,883.5ルーブル（358.76ドル）

*1992年12月のドル交換レート：1ドル=415ルーブル（IMF：ECONOMIC REVIEW 1993）
単価は「基準単価」であり、総額欄で（）で記された数値は、同規格内で異なった単価で買い取られた商品を含む。

◎1994年12月 狩猟者数：4（狩猟班所属：0、その他：4）

種名	大きさ	品質	傷具合	単価 (ルーブル)	単価 (ドル)	数量	総額 (ルーブル)	総額 (ドル)
ウサギ	—	I	なし	800	0.23	128	102400	29.88
	—	I	小	640	0.18	66	42240	12.33
	—	I	中	480	0.14	57	27360	7.98
オコジョ	大	I	小	3780	1.10	1	3780	1.10
	大	I	中	3150	0.92	3	9450	2.76
	中	I	小	3150	0.92	3	9450	2.76
	小	I	なし	2100	0.61	2	4200	1.23
リス	—	I	なし	3000	0.88	167	501000	146.19
	—	I	小	2700	0.79	74	199800	58.30
	—	I	中	2250	0.66	20	45000	13.13
	—	II	小	2460	0.72	9	22140	6.46

買い取り総額：966820ルーブル（282.12ドル）

*1994年12月のドル交換レート：1ドル=3427ルーブル（COMMERSANT：DEC. 21 1994）

Mountain Sheep Hunting at the Kustur Village

Shiro SASAKI

National Museum of Ethnology

This paper is a report of the scientific research on the hunting activities of the hunter-reindeer breeders in Kustur village, Eveno-Bytantaiskii ulus, Republic of Sakha.

The people who are engaged in the hunting and the breeding in this ulus are nowadays confronted with the largest difficulties of their history. Since the collapse of the Soviet Union, changes of the political and economic circumstances have been so quickly that they have not been able to catch up with them. Especially, the decline of the price of fur products in the Yakutsk market is the greatest difficulties of the hunter-reindeer breeders of the Republic of Sakha. Because though the fur have been one of the main products of hunter-reindeer breeders which brought the monetary income, the rivalry with foreign fur traders makes them not raise the price.

In these conditions, functions of the hunting activities in the economic system of the hunter-reindeer breeders are now changing. Recently the fur animal hunting is less important and, on the contrary, the large mammal hunting becomes more important. It is no longer possible to get more income from the fur animal hunting, but it is necessary to get supplementary food by large animal hunting. The shortage of monetary income must be supplied by food of hunted animals. In the Kustur village, which is located in the northern part of Eveno-Bytantaiskii ulus and which is the field of our research from 16 October to 20 November 1995, the main food supplying animals are the wild reindeer and the mountain sheep. We made a detail observation of the mountain sheep hunting.

The mountain sheep hunting is a wonderful spectacle. All the hunters that showed us their activities are also reindeer herders. They can drive reindeer slays and also ride on their skill of shooting is on a very high level. We looked at them shoot a squirrel on his small head.

Usually the mountain sheep dwell on the tops of the rocky mountains. Rocks and steep precipice prevent them from attacks of wolves. The hunters which want to hunt them must climb such mountains and precipices. But they must not waste their power on the climbing only. When they catch animals in a rifle range, they

aim at the animals and shoot them. Our informants said that usually shoot from a distance of 200 or 300m. When several hunters make a corporate team, one of them drive the animals away to the other hunters. We could also see such corporate hunting in our research.

Mountain sheep and wild reindeer supply people with much meat. But it is, of course, impossible to live only on the food of hunted animals. More than 300 years has passed since the Russian conquest of Yakutia. The hunter-reindeer breeders have included in the monetary economy of Russia. Not only their daily life, but their culture and society as a whole, would no longer exist without the Russian monetary economic system. However, the hunter-reindeer breeders cannot get enough money from the fur animal hunting. Now they have to urgently find a new strategy to survive in this difficult economic circumstances.

クストゥールにおける野生羊猟の過程

佐々木 史 郎

(国立民族学博物館)

はじめに

本稿はシベリア北部のトナカイ飼育を伴う狩猟民の狩猟活動の実態に関する調査報告である。その調査は1993年から1995年までの3ヶ年にわたって行われた文部省科研国際学術研究「シベリア牧畜民の民族学的研究」(課題番号0504101、研究代表者斉藤農二名古屋市立大学教授)というプロジェクトの一環で、調査地はロシア連邦サハ共和国(旧ヤクート自治共和国)エヴェノ・フィタンタイ地区(ウルス)、1995年10月16日~11月20日の日程で実施された。この調査にはこの地域にすむエヴェンとヤクートのトナカイ飼育・狩猟民の協力を得た。

本プロジェクトの目的はその課題名にあるように、シベリアの牧畜文化を調査することにあつた。とすとなぜ、この調査プロジェクトの中で、狩猟活動が調査されたのかという疑問は当然出てくる。

そのような疑問に対しては、次ぎのように答えておきたい。シベリアの牧畜文化は、牛や馬、羊などのいわゆる「牧畜」だけでなく、トナカイ飼育という、他の家畜飼育とは性格を異にする活動が、重要な要素として含まれている。そしてそのトナカイ飼育は狩猟活動と密接に結びついて行われているのである。今回の調査地域であるサハ共和国のエヴェノ・フィタンタイ地区でも、牛馬の牧畜とトナカイ飼育、そして狩猟活動が基幹産業として位置づけられている。

確かに、牛馬の牧畜とトナカイ飼育の間には接点を見いだすことは難しい、活動場所も従事する人も異なり、一つの村の領域の中で完全にすみ分けがなされている。しかし、狩猟活動と牛、馬、トナカイも含めた牧畜活動とは重なる部分が少なくない。牛や馬の世話を主な仕事にしている人でも、森に狩に出かけることは稀ではない。さらに、トナカイ飼育と狩猟は、活動の場が大きく重なり、それに従事する人がほとんど一致しているケース

が多い。この地域のトナカイ飼育民は程度の差はあれ、ほとんどが狩猟にも従事する。

シベリアの森林地帯ではトナカイ飼育と狩猟活動は不可分の関係にある。これから詳しく述べていくエヴェノ・ブイタンタイ地区のクストゥールという村でも、その狩猟活動はトナカイ飼育が行われていることを前提としたものであり、両者を切り放して語ることはできない。狩猟の過程を記述するにも、ここの狩はトナカイ飼育によって裏から支えられたものであるということを常に念頭においておく必要がある。

本稿ではまた、ソ連が崩壊して、社会経済情勢が流動化している中で、狩猟活動がどのように情勢の変化に対応したのかについても注目していきたい。

なお、ここではあまり「民族」にはこだわらない。このエヴェノ・ブイタンタイ地区では、サハ共和国の多数派民族の一つであるヤクート（自称サハ、チュルク系の言語を話す）が牛馬の牧畜に従事し、少数派の一つであるエヴェン（北方ツングース系の言語を話す）がトナカイ飼育に従事するという傾向にあるが、エヴェンにも牛や馬を飼い、トナカイ飼育にはかかわらない者、ヤクートでもトナカイを飼う者がいるために、その境界は厳密なものではない。両者は社会経済的に密接な関係を持ち、相互に補完しあって一つの社会経済システムを作り上げており、婚姻関係でも深く結びついている。またこの地域のエヴェンがヤクート語を母語としているために、両者の間には言語コミュニケーションの上でなら支障はない。ヤクートの方でも、ここの人々は「北部方言」を話すヤクートであり、南部（ヤクーツク周辺やその西のいわゆる典型的なヤクートが居住する地域）のヤクートからは北の民として区別され、自らも彼らとは一線を画し、社会的、心理的にエヴェンの方に親近感を持っている。したがって、エヴェノ・ブイタンタイ地区での狩猟やトナカイ飼育といった経済活動の実態を語る際には、ヤクート、エヴェンといった民族的な区別はあまり意味がない。

1. クストゥール村概要

本年度（平成7年度）の調査が行われたのは、ロシア連邦サハ共和国エヴェノ・ブイタンタイ地区（ウルス）のクストゥールという村である。これはエヴェノ・ブイタンタイ地区にある4つの主要村落（バタガイ・アルィタ、クストゥール、ジャルガラフ、アリイ）の1つで、人口規模からいえば、中心地バタガイ・アルィタ（サックィルィル）に次ぐ大きさの村である。エヴェノ・ブイタンタイスキー地区全体の概要については既に齊藤晨二氏の論文があるので〔齊藤 1994〕、それにゆだねることにして、ここではクストゥール村に絞ってその概略を紹介することにする。

クストゥール村はバタガイ・アルィタの北東約110kmのところの位置する、人口1000人程度の集落である。1992年の資料によれば、総人口975人、そのうちエヴェンが414人で、あとはほとんどがヤクートで、ロシア人はわずかである。大体の傾向としてはヤクートが牛、馬を中心とした牧畜業に従事するのに対して、エヴェンがトナカイ飼育に従事するという状況であるが、必ずしもそれは固定的ではなく、エヴェンでももっぱら牛や馬の牧畜に従事するものもいれば、ヤクートでもトナカイ飼育に参加しているものもいる。また、狩猟や漁撈に関しては、ほとんどの者が時間があれば、従事している。

地理的には地区の中でも北に位置するために（村の中心地は北緯68度）、中心地バタガイ・アルィタに比べて村の領域内の動物相、植物相がより北方的性格を示している。例え

ば、森はほとんどカラマツで占められ、川岸にヤナギの類が育っているだけで、白樺はほとんど見られない。また、動物も北極ギツネが多くなるのに対して、クロテンはほとんどいない。また、ごく稀ではあるが北極海沿岸から北極グマが南下することがあり、より極地に近いことを示唆している。しかし、野生トナカイ、野生の羊、オオカミ、ヒグマなどの大型獣やキツネ、ヤマネコなどの中型獣、ウサギ、オコジョ、ネズミなどの小型獣などは地区全体で共通している。

村の中心地はヤナ川の大きな支流の一つであるフィタントイ川の沿岸に位置し、川ではハリウス（キュウリウオに似た魚）、レノック（マス的一种）、タイメニ（イトウ）などがとれる。調査時期の11月には既に川面のほとんどが凍結しているために、既に氷上漁が行われていた。

村が地区の東よりに位置するため、村の主要企業であるソフホーズ「フィタントイスキー」（当地ではまだソ連時代のソフホーズが改組できずに生き残っている）に所属する放牧地や猟場は村の南側から西側にかけて広がる。フィタントイ川にそった河谷平野は主に馬や牛の放牧場と草刈り場として使われ、西にそびえる山岳地帯がトナカイの放牧地と猟場となっている。我々の今回の調査の目的が現代の狩猟の実態を観察することにあつたため、調査ももっぱら村の西側の山岳地帯で行われた。

2. 調査行程概要

我々が参与観察できた狩猟活動は、クストゥール村の南南西約90kmの山岳地帯にあるエルチェンと呼ばれる場所を中心に行われた。エルチェンとはそこに高くそびえる山の名前である。今回の調査は日本側2名（筆者と北海道大学文学部助手で動物行動学が専門の池田透氏）、地元の狩人が2名の合計4名で行われた。狩人の一人はクストゥール在住のエヴェンで、名前はワーシャ（ワシーリー・イーゴルヴィチ・コルィツォフ）、40歳。20年間トナカイ牧夫としてソフホーズ「フィタントイスキー」で働いた後、現在のはもっぱら狩と外国人ハンターのガイドで生計を立てている。もう一人はバタガイ・アルィタの役場の助役の一人で、ヤクート、名前はケンチャ（イノケンチー・アレクセイエヴィチ・アモソフ）、42歳。しかし、彼も出身はクストゥール村である。彼らは若い頃友人で、ともに海軍で軍役を務めた。実は我々の調査は、ケンチャが休暇をとって友達のワーシャと狩に出かけるところを、特に頼んで同行させてもらって実現したものである。

途中寄り道をしたせいもあるが、狩場のエルチェンまでは村からはトナカイぞりで3日ばかりであった。

10月29日にクストゥール村を出る。道は村から西に延び、峠を一つ越えると、マンディヤというフィタントイ川の支流の一つに出る。途中はダウリヤ・カラマツを中心にしたタイガ地帯で、道はそのタイガの中をぬうように続いている。峠には聖別化された木が1本あり、枝や幹には色とりどりの布きれや紙切れが下がり、タバコが多数つけられている。地面にはウオッカの瓶のほか、その部品などが散乱している。また、古くなった銃や弾薬なども供えられている。そこは狩猟民が村から出るときに森や動物の守護霊に道の安全と狩の幸運を祈るための場所である。我々もタバコを捧げて祈ったが、そのような行為はソ連時代を経てもなお根強く生き延びている。

初日はマンディヤ川沿いの山小屋（北緯68度15分、東経131度33分）に一泊する。村から

は15kmほどしか離れていない。

翌10月30日、午前11時出発。朝7時には起床しているが、昨晚放したそり用のトナカイを駆り集めてそりにつなぐ作業があるため、どうしても出発は10時から11時頃となる。マンディヤ川を遡るように北に向かう。山小屋を出ると次第に森が薄くなり、疎林地帯となる。この辺りはタイガと森林ツンドラ地帯との境目で、少し南下すると森が濃くなるが、北上するとたちまち疎林となり、河谷はツンドラ状である。途中マッサガダ（ヤクート語で森のおわりという意味）というところに狩猟者のテントがあり、そこでは4人の狩人が野生トナカイをねらっていた。そこはほとんど木のないツンドラ状の土地で、野生トナカイは10頭前後の群をつくって、徘徊している。狩人たちは灌木や草の茂み、あるいは窪地に身を潜ませて、様子をうかがい、風下からにじり寄り、群を射程距離に捕らえたところで、発砲、という「忍び猟」的な方法でトナカイを倒していた。倒したトナカイはスノーバイクやトナカイそりでテントまで運び、解体され、一部はその場で消費されるが、肉は村に運ばれる。

午後3時半頃狩人のテントを立つ。道を変更したため、再び同じ道を途中まで引き返し、マンディヤ川の支流沿いに西に向かう。かなり深い森を抜け、午後7時頃イッキ・アンバルと呼ばれるところに出る（北緯68度17分、東経131度17分）。名前の意味はヤクート語で2つの物置小屋というものであり、近くに実際に物置小屋が2つ並んで建っている。そこはソフホーズ「フィタンスキー」に所属するトナカイ飼育民の冬営地である。前日泊まったマンディヤの小屋からは直線距離では15km程だが、その日走った道のりはその倍以上にはなっていたらう。その晩はそこの山小屋に泊まる。夜オーロラが全天を覆った。

10月31日、やはり午前11時頃出発。西に向かい、疎林に覆われた峠を越えると、眼下にオモロイ川の広大な河谷平野が広がる。そこは既に森林限界を越え、完全なツンドラ状の平原と台地が広がっていた。オモロイ川は独立した川で、直接北極海に注ぐ。我々が狩を観察したエルチェンはこの川の支流の支流であるアルティグリュフという川の流域にある。

夕日を受けながら、オモロイ川の河谷平野のツンドラを横切る。途中野生トナカイの小さな群がこちらを窺っているのに気づく。しかし、大量の荷物を持ち、さらに不慣れた外国人が2人もいるために、機動性が乏しく、忍び寄れない。狩人たちは1km弱の距離から狙って発砲してはみたが、いずれもはずれてしまった。その後も延々とツンドラ状の平原を走り、さらに一木一草もない丘陵を登り始める。そのころには日も既に落ち、月が背後から照らし始める。月明かりの中、視界には真っ白な丘しか見えないツンドラ状の丘陵地帯を横切り、再び森林が現れる場所まで降りる。そこにはトナカイ牧民がテントを張っていた。そこでしばらく休憩した後、当時ソフホーズ「フィタンスキー」のトナカイ飼育民が家畜の選別のために集合していたチェリヤフ・タフの小屋まで突っ走る。そこで、さらに小一時間休憩した後、さらにチェリヤフ・タフから4km程西のベルリヤフ湖湖畔の小屋（北緯68度23分、東経130度15分）まで真っ暗な中をひた走り、小屋についたのは既に午後9時を回っていた。この日走行した距離は60kmほどで、途中休憩が何度かあったが、10時間に及ぶトナカイそりでの旅だった。

このベルリヤフ湖の小屋には3日間滞在して、トナカイの選別作業やトナカイの駆り集め作業を見学したが、それは本稿の主題からははずれるので、ここでは触れない。

11月3日、午前中そり牽引用のトナカイを選別してから、出発する。選別に手間取ったこ

とから出発は午後2時半過ぎになる。そこからさらに西へ20km程進んだところが、今回の狩場のエルチェンであった。エルチェンの位置は北緯68度22分、東経129度52分である。

ベルリャフ湖周辺からエルチェンにかけては森林ツンドラ地帯といえるだろう。基本的にはツンドラ状で、コケと草本とせいぜい灌木程度しか生えないような土地ではあるが、所々パッチワーク状にダウリヤ・カラマツを中心とした木の群落が見られる。また、山の麓から中腹にかけては一応森になっている。しかし、一定の高度を越えると、ガレ場となり、もはや草も木も生えていない。しばしば指摘したように、野生のトナカイは河谷平野のツンドラ状の場所を徘徊しているが、今回観察した野生の羊は山の高いところのガレ場をすみかとしている。また、山の麓から中腹にかけての森には、リス、キツネ、ヒグマ、クズリ、ヤマネコなどが生息している。そして、トナカイを狙うように、ツンドラには大型のシベリアオオカミが徘徊するが、彼らは森にも足跡を残している。

狩猟地での観察は3日間に渡って行われ、11月7日にはクストゥール村に帰還した。復路は往路と大体同じ道をたどったが、スノーバイクを使ったために、約10時間の走行で村に到着した。調査の間、気温は例年になく高めであると地元の人々はいっていたが、記録を見ると、毎日の朝の気温は表の通りで、クストゥールに帰還する11月7日の朝には-35℃、そして11月8日のクストゥールの朝は-40℃に達していた。しかしこの厳寒にもかかわらず、ベルリャフ湖からエルチェンに向かう沿線の川の一部が開いており（凍結していない）、トナカイぞり、あるいはスノーバイクの走行に支障をきたすことがあった。

表 狩猟調査中の朝の気温

日付	気温	場所
10/30	-25℃	マンディヤ川の小屋
10/31	-25℃	イッキ・アンバルの小屋
11/ 1	-22℃	ベルリャフ湖湖畔の小屋
11/ 2	-22℃	ベルリャフ湖湖畔の小屋
11/ 3	-22℃	ベルリャフ湖湖畔の小屋
11/ 4	-18℃	エルチェンの小屋
11/ 5	-25℃	エルチェンの小屋
11/ 6	-30℃	エルチェンの小屋
11/ 7	-35℃	エルチェンの小屋
11/ 8	-40℃	クストゥール
11/ 9	-34℃	バタガイ・アルィタ

3. 野生羊の装備

シベリアでも獲物に応じて装備は異なる。リスなどの小型の毛皮獣を捕るときは装備と野生羊やトナカイなどの比較的大型の獲物を狙うときでは装備が異なるのは当然である。前者の場合には、銃は小型軽量のもが使われる。頭をぼんと撃ち抜けばいいだけなので、それほど威力のある銃はいらない。また犬は必須である。犬が樹上のリスを発見し、人間

に知らせるとともに、一カ所に釘付けにする役目を果たすからである。今回の調査ではケンチャがリス用にとゾフカと呼ばれる小型の小銃を持参してきた。

しかし、野生羊猟や野生トナカイ猟となると、銃もそのような小さいものでは、意味がない。射程距離が長く、命中精度が高く、威力も大きいライフルが必要になる。ケンチャとワーシャがそのために持ってきたのはSKS（自動装填式カービン銃シーモノフ）とサイガと呼ばれる小銃である。前者は旧ソ連軍で最も普及していた銃で、20口径、最大射程距離は1000m。10連発で、1回のボルトアクションで、10発まで自動的に装填される。サイガは1945年、つまり第二次世界大戦末期につくられた年代物である。口径や最大射程距離はSKSと同じだが、込めることができる弾は6発までで、一回撃つごとにボルトアクションを必要とする。しかし、命中精度は高い。また、SVT（自動装填式ライフル銃トカレフ）とよばれる戦時中の狙撃銃も狩猟銃として使われている。今回の羊狩で使われたSVTはなんと1941年製で、実際にヨーロッパ戦線で使われていたものだった。これはまさに博物館もので、実際にハバロフスクにある軍事博物館には第二次大戦の時の兵器として同じ型の銃が陳列されている。SKSに比べると型が古いために、大型で、重い。しかし、SVTはさすがに長距離狙撃銃らしく、最大射程距離は1500mだった。

旧ソ連も含めて、ロシアはアメリカとは異なり、まだそれほど銃社会とはなっていない。銃の所持は日本と同様に登録制となっていて、猟銃といえどもその対象である。そして、猟銃の購入には、銃を使って狩猟する獲物の狩猟免許（一般的な免許はなく、獲物ごとに金を払って取得するようになっているようである）が必要である。かつては狩猟免許の取得もソフホーズやソフホーズ単位だったので、自ずと銃の管理もそれらが果たすことになっていたが、ソ連が崩壊した現在ではほとんど個人管理である。したがって、個人で金を払い、狩猟免許を取り、警察に登録すれば、猟銃を持つことができる。しかも、猟銃は基本的に軍の銃と同じ型のもが使われる。したがって、ソ連時代に比べると銃の規制はかなり個人の良識にかかっており、それだけ銃の使用が野放しになる危険も格段に高まっている。

銃と並んで、狩人の装備に不可欠なのは、狩猟用ナイフである。堅い柄に刃渡り15cmほどの鋼鉄製の刃がつけられていて、そのキレ味は鋭くしかも容易に刃こぼれしない。それは万能ナイフで、切る、削る、砕くという動作には常に登場する。狩猟ナイフであるから、捕れた獲物を解体するとき、あるいは食事で出される茹で肉を切るときなどに使うのは当然であるが、そのほかにも、薪づくりやその修復に必要な材木を削るのもこのナイフであり、飲み水とするための氷を砕くときにもアイスピック代わりに使われる。また、細かい細工も可能で、爪を切ったり（削るといった方が適切だが）、髭を剃るのもこのナイフである。現在ヤクーチャでは高品質の鋼を鍛えることができる鍛冶職人が減っており、いずれこの地方の狩人たちが持っているようなナイフは貴重品となるだろう。

ナイフとともに刃物としては、手斧も必需品である。それは薪づくりに欠かせない道具だが、冬場には飲料水としての氷を切り出すときにも必要である。また、意外と細かい細工にも使え、細い軸をつくるときにナイフが手近にないと、斧で削ることもある。

かつて、繊維製品がそれほど普及していなかった時代には、冬の狩りに赴くときの服装は毛皮と決まっていた。しかし、綿入れなど、毛皮に代わる軽量の防寒服が普及してきた今日では、全身を毛皮で包むことはない。綿入れの上衣やズボンの方が、軽くて活動的

であることは事実である。しかし、手足や頭など体の末端部分を守るのは毛皮である。ワーシャにしてもケンチャにしても、帽子、手袋、靴は毛皮であった。特に靴は重要で、寒さは足から忍び寄る。彼らの足周りは、まず、普通の靴下をはき、そのうえに糸の厚手の靴下を重ね、そのうえに羊やトナカイあるいはウサギの毛皮でつくった「ケンチ」と呼ばれるアンダーシューズをはき（時にはそれを二種類重ねる）さらにそのうえにゴム長をはくという具合である。旧ソ連製のゴム長が-30℃の寒気に長期間耐えられるのかどうかは確認できなかったが、当の狩人たちにいわせると、これが滑りにくく、山登りにも最適だとのことであった。ゴム長自身には防寒性はないが、その下のケンチが優れた防寒性を持っている。

また、手袋はミトン形式（親指が分かれているだけの手袋）で、表にトナカイか羊の毛皮、内側にウサギの毛皮を使っている。それをしていると、そりやスノーバイクなどに乗り、風を切って走っていても、全く手に寒さを感じさせない。そして、帽子はもちろんキツネやヤマネコの毛皮でつくられたロシア風の帽子である。

狩人自身は基本的に寒さに強い体を持っている。ワーシャなどはしばしば朝の最も寒い時間に裸で-30℃の戸外に出て薪を拾ってきていた。しかし、彼らはこの土地の寒さの恐ろしさと快適さを熟知しており、衣類には常に予備を持っていて、戸外に出るときには十分に着込んでいることも事実である。また、寝具あるいはそのクッションとして、トナカイや羊のなめしただけの毛皮を数枚常備している。

そのほか、我々のそりに積まれていた装備を列挙しておく、料理用の鍋、水をためておくバケツ、食器（皿、スプーン、フォーク）、やかん、食料としてはパン、ビスケット、若干の冷凍肉、お茶、砂糖、バターなどがあつた。また、夜の燈火として蠟燭、火付け具としてのマッチ、そして遠方の獲物を探るための双眼鏡も必需品であつた。

装備の最後に、毎晩泊まった狩小屋に触れておこう。

かつて飼育するトナカイの群や狩の獲物を追って家族単位で移動していた時代には、住居は基本的にはテントだった。しかし、1930年代にはじまる集団化と漂泊民の定住化政策が推し進められた結果、今や常時テントに寝泊まりするものはなく、ほとんどが定住村に木造家屋を持っている。また、狩やトナカイの群を追跡するために村を出たときでも、要所所に設けられた木造の狩小屋（あるいは仮小屋）に寝泊まりすることになる。我々も常にそのような狩小屋に泊まりながら、旅と狩を続けた。

その小屋は基本的にはロシア風のログハウスである。つまり、丸太を横に積み上げた、方形の家屋で、屋根は片流れである。出入口は東か南を向いていて、入ったすぐ右側には鉄性のストーブがあつて、そこで薪を燃やしながら暖をとり、また湯を沸かし、炊事をする。中央部には机がおかれ、出入口のない三方の壁際には寝台がしつらえてある。寝るときにはそこに持参の毛皮のシートを敷き、やはり持参の毛皮や布団に潜り込むことになる。

家の外には腰ぐらいの高さの台がつけられていて、そこには持参したパンや川で切り出してきた飲み水用の氷、さらに捕れたばかりの肉などを置いておく。我々の調査時期には気温は常に零下であるから、自然と冷凍されてしまつて、外に放置しても腐る心配はない。また、屋根から突き出た煙突から火の粉が飛び散つていて、常に人がいることを知らせているので、動物が近寄ることもない。小屋のすぐそばに人の肩の高さほどの荷台を設置しているところもあつた。また、この地域ではトナカイぞりで乗り付けるケースが多いため、

そり用のトナカイを一時的に囲っておく柵や、放したトナカイが遠方に行かないように首の下につける1mほどの丸太などが用意されている。

丸太の隙間などは綿や毛皮で埋められているため、暖房効率は高く、薪ストーブの強い火力と相まって、室内は25℃から30℃ほどに上がり、非常に暑い。したがって、室内外の気温差に極力注意しなければならず、服の着脱をこまめにしていないと発汗による体温低下あるいは汗の凍結によって風邪をひいたり、凍傷を負ったりする危険がある。

このような狩小屋は基本的には誰が使用してもよい。我々のような外国人でも泊まることができる。管理人などはいないため当然料金などは取られないが、小屋を使うには、一定のルールあるいはエチケットとされる慣習がある。例えば、到着したときに既に小屋に備えてあった薪、飲料用の氷、食料、蠟燭、マッチなどは自由に使える。しかし、出発するときには、自分の後の人のために最低限薪は用意しておかなければならない。というのは、特に冬季の旅では小屋に着いたら、何よりもまず薪が必要だからである。また、使い差しの蠟燭なども、置いていく方がよい。どうせ、次の宿泊地にも同じように前の宿泊者が残した蠟燭などがあるからである。ことさら、掃除はしていないようだが、残飯、ごみなども自分で始末するのは当然である。

このようなルール、またはエチケットは文書化されているわけではないが、親から子へ、先輩から後輩へと受け継がれていて、小屋の維持、管理の役割を果たしている。

4. トナカイぞりで移動する狩猟民の一日

トナカイぞりを輸送手段とする狩猟活動では、狩猟そのものではなく、そりを引くトナカイの世話が一日のタイムスケジュールの中心を占める。我々の観察をまとめると、次のような一日を送ることになる。

大体朝7時起床。11月の初めともなると、7時にはまだ外は暗い。前夜部屋に取り込んでおいた薪をストーブにくべて、火をつける。時には厳寒の戸外に裸のまま薪を取りに出ることもある。この地方では火をつける際に、特別な薪を使う。それは、アイヌのイナウのようにナイフで何本も削りかけを施したもので、前夜のうちに数本つくっておく。薄くそがれた削りかけの部分には火がつきやすいため、火付け用の新聞紙などなくても薪に火をつけることができる。

ストーブに火が入ると、早速お湯を沸かし、お茶を入れる。この地方でもお茶は紅茶が好まれているが、ワーシャやケンチャは我々とのつきあいで、持参のインスタントコーヒーを入れることもあった。お茶を飲むときには必ずお茶菓子代わりに、バターを塗ったパンや、レピョーシカ（小麦粉の薄焼き、ワーシャの奥さんがつくってくれたレピョーシカは最高にうまかった）を食べるので、これが事実上の朝食（早朝食）になる。狩人たちは砂糖を茶に入れるだけでなく、スプーンですくって直接食べている。

一通りお茶を飲み終え、パンで満腹になると、朝の仕事が始まる。まず薪と水の用意。薪や小屋の周囲の立ち枯れになっているカラマツを切り倒し、適当な長さで太さにそろえておく。水は川から氷を切り出す。どちらも手斧が活躍する。トナカイの所有者であるワーシャはその間に昨夜放しておいたトナカイを駆り集めに出かける。だいたい1時間程度これにかかる。我々には一度放したトナカイがどこにいるのか、皆目見当がつかないが、トナカイ飼育に長年従事していたワーシャには、おおよその見当がついているようで、その

見当と足跡を頼りに追跡しているようである。また、遠くにはいけないように、放す前に丸太を首の下に着装する。しかし、それでも予想以上に遠方にいる場合もあるらしく、2時間近くかかって戻ってくることもある。また、ベルリヤーフではソフホーズ「フィタントイスキー」のトナカイの群と一緒にしまったために、ワーシャも自分のそり用のトナカイを見つけるのにかなり苦労していた。

トナカイは群れる性質持つが、特定の群への忠誠心はあまり強くない。したがって、どの群にでも簡単に合流してしまう。また生物学的に野生種と飼育種との差がほとんどないために、野生トナカイ群に取り込まれることしばしばある。したがって、そり用のトナカイはなるべく他の飼育トナカイの群や野生トナカイ群からは隔離するようにしないと、翌朝そりにつなげるときに、駆り集めに苦労する。特に野生トナカイの群に合流したら最後、人間の元に戻ることはまずない。

駆り集められたトナカイは一度小屋のそばの柵の中に入れられ、首の下の丸太をはずされて、しばらくそこに留め置かれる。

これらの作業の間に時刻は9時を回るが、そのころになってようやく本当の朝食の準備にとりかかる。普通狩での朝食は、前夜の残りのゆで肉を炒めなおすこともあるが、だいたいは前夜のうちに食べ尽くしているのので、新たに肉を茹でるケースの方が多い。そのために屋外の荷台にあった肉の塊を一つ斧で叩き割り、適当な大きさのものを屋内に持ち込んで若干解凍した後、ナイフと斧でさらに小さく切り、大鍋にいれ、朝のうちに氷からとがしておいた水を注いで、ストーブの上においておく。約30分ほどで茹であがり、塩を加えれば出来上がり。朝食はだいたい9時半から10時ぐらいで、ゆで肉（または炒め肉）とパン、お茶という組み合わせである。そして、移動する日でも、狩りに出かける日でも日中はほとんど何も摂らない。したがって、お茶を除けば、一日二食である。

30分ほどの朝食の後、直ちにトナカイをそりにつなぐ作業に入る。移動日でも狩りに出かける日でも、乗り物はトナカイぞりである。必要な荷造りや、そり牽引用のトナカイの選別とそりにつなぐ作業が30分から1時間程度かかるため、出発はどうしても10時半から11時になってしまう。

そりを引くトナカイは3歳に達するまでに訓練を始めなければ、そり用としては育たないといわれる。まず、先頭の乗用そりの後ろにつなぎ、荷物用のそりを引かせる。初めてそりを引かされるトナカイは、まず投げ縄で捕らえられるところから抵抗し、そりにつなされるのに抵抗し、そりに引かれるのに抵抗し、そしてそりを引くのに抵抗する。しかし、ワーシャのような達人の前では抵抗もむなしく、1時間ほどそりを引かされるとおとなしくなってしまう。私もそのような若いトナカイが引くそりに乗ったことがあるが、ただそりに座っているのにも、かなりのテクニックが必要だった。というのは、油断していると、あっという間に振り落とされてしまうからである。

先導用のトナカイにまで育て上げるのには、それなりに時間をかけて訓練する必要があるというが、私はその機会には恵まれなかった。ただ、よくしつけられた先導トナカイは、かなり人に従順であり、しかも道をよく知っている。

狩りに出た場合、小屋に帰着するのは午後の5時から7時の間である。5時をすぎれば、真っ暗になってしまうためである。しかし、移動日の場合には時として小屋に着くのに時間がかかり、暗闇の中でトナカイを駆り立てなければならぬこともある。夜の道は障害物

を見分けにくいために、なるべく暗くなる前に小屋にたどり着くことが望ましいが、10月31日には真っ暗な中で4時間ほどトナカイを走らせた。

小屋に帰着すると、トナカイぞりは小屋の前に放っておいて、すぐにストーブに火を入れ、蠟燭をともし、お茶をわかし、一服する。このときお茶と一緒に食べるパンが一時的に疲れをいやしてくれる。その間1時間近く、トナカイはそりにつながれたまま、小屋の前で座らされている。ひと休みの後、トナカイを解放する作業にとりかかる。そりをはずし、一度柵の中に追い込む。柵の中で一頭一頭に例の丸太をつけ、すべてにつけ終わると、ようやく森の中に解放する。一日中そりを引かされたトナカイは疲れ切っており、トナカイたちはほっとした表情(?)で、森の中に餌場と休息場所を求めて消えていく。この作業もやはり30分から1時間ほどかかる。その間、手の空いている者は薪と水の用意をする。

トナカイを放し終わると一日の仕事はほぼ終わりである。あとは夕食の用意(朝と同じく、外の冷凍肉を斧で割り、鍋で茹でる)にかかり、できあがるまでの間にその修理、銃の手入れなどを行っている。夕食も基本的にはゆで肉とパン、お茶である。狩りに出かけたときは、新しい獲物の新鮮な肉や内蔵がその日の夕食に上る。酒があればなおよい。

夕食には1時間程度時間をかける。お茶を飲んで、食事がすむと、後は自由時間であり、ラジオを聴いたり、銃の手入れを続けたりと各自思い思いに時間をつぶす。我々はその間に聞き取り調査を行ったり、ノートの整理をしたりしていた。

就寝時間は10時から11時の間で、持参の毛皮の敷物を寝台に広げ、毛布や寝袋にくるまる。ただし、寝入る前にストーブに薪をたっぷりくべておくことと、翌朝の火付け木(イナウのように削った薪)を用意しておくことを忘れてはならない。タイガやツンドラの夜は静かで、漆黒の闇である。ただし、月があれば昼のように雪の大地を照らす。エルチェンの猟場ではアルティグリュフ川の対岸の山並みが満月の月明かりに照らし出されて、透明な水晶のように輝いていた。また、月のない晴れた日には幻想的なオーロラが深い、時には全天を覆い尽くすこともあった。

5. 野生羊の過程

野生の羊は北方ユーラシアから北アメリカにかけての寒帯、亜寒帯気候の山岳地帯に特有の動物で、成長した雄には大きく巻いた太い角があることで知られている。合衆国やカナダでは大体保護獣とされていることが多いが、一部では狩も許可されている。他方、サハ共和国では一応保護の対象とされているが、免許を取得(ほとんどの場合は有料)すれば、申請した頭数を捕獲することができる。ソ連が崩壊し、ヤクーチヤが外国人に開放された今日では、しばしばアメリカの金持ちハンターたちが免許を購入して、野生羊狩りにやってくるらしい。我々のガイド役を勤めてくれたワーシャもそうしたアメリカ人を案内したことがあるという。

先にも述べたように、野生羊は森林限界線の上のガレ場をすみかとしている。それは、トナカイのように俊速でもなく、季節的な大移動をするわけでもない彼らが、オオカミや人などの敵から身を守るための一つの手段でもある。気温が高い夏場にはオオカミたちもかなり高くまで上ってくるため、険しい高山の山頂や稜線上にいるが、我々の調査が行われた11月は冬であるため、既にあまり高いところにはいない。比較的森林限界線に近い低

高度のガレ場で、しかも、日当たりのよい南斜面でひがな一日ひなたぼっこをしながら、ゆっくり餌を食べている。したがって、狩人たちも、夏場は馬に騎乗してかなり山を登り、さらに徒歩でよじ登って、獲物に接近するが、この季節に野生羊を狙うときには、河原をトナカイぞりでさかのぼりながら、日当たりのよい南斜面のガレ場に注意を向けている。しかし、この動物は比較的目がよいために、かなり遠方から探索しなければならない。そのために狩人たちは必ず双眼鏡を携行している。

羊の群は小さいもので4、5頭のこともあったが、大体10頭以上であり、我々が目撃した最大のもは40頭ほどもいた。10頭ほどの群では、普通一列縦隊で行動することが多く、先頭や最後尾には立派な角を頂いた大きな雄が立ち、中間には幼獣を連れた雌などがある。また、大きな群になると雄の一部が群から少し離れた見晴らしの良い場所で、あたりを窺っていることが多い。我々もトナカイぞりに乗って移動する途中、あるいは泊まっていた山小屋から、高い稜線に立って、我々を見おろしている雄の羊を目撃している。

狩人がそのような雄を発見したときには、向こうも人間に気づいているという。というのは、双眼鏡でのぞくと、こちらに顔を向け、じっとこちらの様子を見つめているのがわかるからである。しかし、雄の羊はだからといって急に動き出すということはない。彼らは自らの位置する場所に自信があるのか、それとも好奇心が強いのか、悠然としているのが普通である。また、トナカイと違い、彼らは動きの少ない動物であるため（決して敏捷でないということではない。彼らもガレ場の上をすばやく走ることができる）、狩人側も羊を発見したからといって、決してあわてた様子は見せない。狩人たちはこれから彼を殺しに行くことを悟られないように、慎重に行動し、自分が接近しているのを見られないように、山の反対側や、尾根の陰を慎重に上って、羊より高い位置に出るように努める。

野生の羊を狙うときには獲物より高い位置から撃つのがよいとされる。というのは、四つ足動物は斜面を登るのは得意だが、下るのは苦手とされる。羊たちも高いところから撃たれると、斜面を登りながら弾を避けようとするため、逆に狩人側に接近するように動くからである。

我々はエルチェンでの3日間の滞在中に、山羊猟に3回加えてもらったが、それぞれ単独猟、2人の共同猟、そして4人による巻き狩りのような追い込み猟と3つのケースを目にすることができた。

1日目（11月4日）の猟は単独猟であった。

このときはベルリャフ湖の山小屋で、ケンチャのそり牽引用のトナカイが見つからず、しばらく残ることになったため、彼の海軍時代のもう一人の友人であるコースチャ（コンスタンチン・モープロヴィチ・スレブツォフ、彼も出身民族はエヴェン）がワーシャとともに我々をガイドしていた。ワーシャが操るトナカイぞりに乗り、エルチェンの山小屋を朝の10時過ぎに出発。コースチャはトナカイぞりに一人で乗っていたが、騎乗用のトナカイも連れていた。この日の猟の過程を時間を追って整理すると次のようになる。

10:00 出発。小屋からアルティグリャフ川を遡り、途中左岸に注ぐ支流のスタニャ川に入る。途中の稜線で雄の羊が我々を見ているのを目撃する。

11:40 川からそれ、ツンドラ状の台地をいくと、前方の山の中腹の南斜面に10頭ほどの羊の群（雄2頭、雌4頭、幼獣4頭）が休んでいるのを発見する。早速コースチャが騎乗用

トナカイに乗り換えて出発。

12:00 ワーシャがより近くの北側の山の斜面に別の群を見つけ、10分後には出発する。

12:45 ワーシャの姿が山の尾根陰に現れる。

12:50 ワーシャ発砲開始。1頭はすぐに撃たれて転落し、群は斜面を登って逃げようとするも、逆にワーシャに接近する形となり、再び銃声。もう1頭が倒され、他は斜面を駆け下り、遠くの尾根を越えて逃亡。

13:00 ワーシャは2頭仕止めたことを確認した後、斜面に倒れていた1頭を下に落としてから、下山開始。

13:20 コースチャが向かった山から銃声が聞こえる。

13:40 ワーシャが我々のもとに戻ってくる。戻るとすぐに、我々とトナカイぞりを連れて、獲物を拾いに山麓に戻る。

14:20 もとの場所に獲物を引いてくる。コースチャが戻っていたが、手ぶらだった。

14:50 獲物の解体開始。

15:35 解体終了。肉をそりに積み込み、帰路につく。

17:00 山小屋帰着。途中そりが壊れその修理に手間取ったため、時間がかかった。

単独猟の場合は群が逃げ出すともはや追うことができなくなるため、いかに気づかれぬように近くまで接近できるかが成否を握ることになる。ワーシャは群とは反対側の斜面を登り、山の頂上から尾根陰づたいに群に近づき、岩陰に絶好の射撃ポジションを設定していた。群までの距離は本人のいうところでは50mほどである。そこから1頭大きな角の雄を射止め、群が動き出してから、もう1頭若干若い雄を仕止めた。しかし、それ以外は動きが早く、たちまち遠ざかっていくので、もはや弾は当たらなかった。

2日目(11月5日)の猟はコースチャとワーシャによる二人の共同猟だった。朝10:30頃これから獲物を探しに出発というところで、ワーシャが小屋の前にそびえる山塊の上に雄の羊を見つけたところから始まった。その過程をやはり時間を追って整理すると次のようになる。

11:30 ワーシャとコースチャが出発。

12:30 二人が森林限界線を越え、岩だらけの谷を上っている姿を初めて確認する。しかし、羊がいる位置まではまだかなり遠い。羊は尾根の上に4頭確認できた。

13:00 二人はかなり山頂に近づいているが、山の向こう側に入り込んだため、我々の視界から姿を消す。

13:45 尾根の上の羊たちに急な動きが見える。立ち上がり、移動を始める。ハンターが狙っていることに気づいたらしい。その直後、山に銃声がとどろく。

13:50 羊が1頭、我々が観察している小屋側の斜面に逃れてくる。彼には弾が届かないので、どうやら逃げ果せたらしい。しかし、他の羊は尾根の向こう側で、二人のハンターに追撃されているらしく、銃声がしばらく続く。

13:55 銃声が止む。逃れた羊もどこかに姿を消し、あたりは再び静寂に包まれる。

17:45 二人のハンターが小屋に帰着する。

この日の猟は尾根の向こう側の、我々の視界の外で行われたため、二人のハンターがどのように獲物を追いつめ、撃ち、追撃したのかの具体的な姿を見ることはできなかった。しかし、帰ってきた二人の話を総合すると、次のような次第だったようだ。

我々の視界から消えた後、彼らは稜線で身を隠しながら進み、羊の群が座っている場所から200mほどの距離まで接近した。結局のこの群には雄だけが4頭しかいなかったらしい。我々の視界にいただけしかいなかったのである。頃合を見計らって発砲、その音が我々の耳に届いた銃声である。羊たちは一斉に尾根づたいに逃げ出したが、それに追撃をかけ、3頭を打ち倒す。1頭は撃ち始めたときに命中はしたが、傷を負っただけで、尾根の向こう側（つまり我々が見ている側）に逃げだしたために、追うことができなかったようである。それから倒した獲物に近づき、それぞれを尾根の上から、上ってきた谷筋に落とす。重い羊を背負って山を下りるのは不可能である。したがって、地面が雪や水で覆われて滑りやすくなっているのを利用して、獲物はできるだけ下に滑り落とすのである。それからトナカイぞりやスノーバイクで運び出す。この日はようやくケンチャが自分の牽引用のトナカイを見つけてやってきたのに加え、彼のいとこのジーマ（ドミートリー・アレクサンドロヴィチ・アモーソフ）が我々をクストゥールまで運ぶために、スノーバイクでやってきていたために、ワーシャとコースチャはジーマのスノーバイクで、獲物を拾いに出かけた。

3日目（11月6日）の猟はワーシャ、コースチャ、ケンチャ、ジーマの4人による集団猟であった。4人もいれば、それぞれ追い立て役、待ち伏せ役など役割分担を決め、また待ち伏せ地点も決めて、かなり効率よく狩ができる。しかもこの日は40頭あまりも集まった大きな群を見つめることができたので、集団猟にはもってこいであった。その過程をやはり時間を追って整理すると、次のようになる。

9:40 コースチャは自分のそりに乗り、ケンチャは筆者とジーマをのせた荷ぞりを引いたそりを操り、ワーシャは池田氏をのせた荷ぞりをつけたそりを操りながら、出発。コースチャとケンチャはS K Sを持ち、ジーマは1945年製のサイガ、ワーシャは1941年製のS V Tを持っている。この日もアルティグリュフ川を遡るが、一昨日よりもさらに上流に向かう。途中何回か山の斜面を双眼鏡でのぞき、獲物を探す。荷ぞりを引くトナカイはそりの牽引は初めてという若いトナカイなので非常に反抗的で、御者たちは操縦するのに苦労していた。

11:10 河原から疎林地帯に入り、しばらく進んだところで、遙か先頭を行っていたコースチャが引き返してくる。どうやら、先の山の中腹にかなり大きな羊の群を発見したらしい。

11:25 コースチャ、ケンチャ、ジーマの3人は群の裏側に回るべく、トナカイぞりに乗って出発する。

12:20 ワーシャ、池田氏、筆者の3人がトナカイぞり1台を引きながら羊の群に向かう。どうやらワーシャは追い立て役らしく、我々は彼のそばから狩の次第を見ることになるらしい。

12:40 木陰の向こうの山の斜面に羊が群をなして休んでいるのが見える。彼らに気づかれないように、トナカイぞりを近くの木につなぎ、山沿いを疎林に身を隠しながら、群に近づく。

12:55 羊がいる山腹からは谷を一つ隔てた丘の麓に陣取る。双眼鏡でのぞくと、羊の群向こうに見える山の頂上にコースチャらしい人影が見える。ケンチャとジーマはコースチャとは谷を挟んで、隣の丘にいたらしい。

13:00 ワーシャはコースチャの存在を確認すると、やおら1発発砲する。SVTが火を噴き、轟音を発した。どうやらこの時間に狩を始めると申し合わせていたらしい。山腹に轟き渡る銃声とともに羊たちがあわただしく立ち上がり、動き始める。

13:05 ワーシャが立て続けに3発発砲。狙ってはいるが、遠いために当たらない。ただし、彼の発砲は威嚇であり、群をコースチャの方へ追い立てることにあるため、当たる当たらないは問題ではない。羊たちは我々とは反対側、つまりコースチャがいる山めがけて殺到する。そこをコースチャが山の上からねらい打ちしている様子が手に取るように見える。ただ、なかなか当たらないようで、10頭ほどが通り過ぎてしまう。しかし、逃げ道を変えた20頭のうち3頭が彼の弾に当たり、山頂近くで倒され、もう1頭をケンチャが仕止めていた。コースチャが仕止めた3頭は立派な巻き角の雄が1頭に若い雄が2頭、ケンチャが仕止めたのは雌だった。

13:15 一度銃声が止む。しかし、再びワーシャが羊が休んでいた山腹にまた何頭か戻ってきたのを発見し、再び銃撃を始める。どうやら40頭以上いた群はすべてが銃声に驚いてコースチャのいる山の方へ逃げたのではなく、一部は途中で止まって様子を窺っていたらしい。それが12頭ほど戻ってきたところをワーシャに見つけた。ワーシャは発砲で再びコースチャの山の方へ追い立てたが、今度は羊たちは遙か左の方へそれるような逃げ道を選んだため、狩人たちはそれを捕捉することができなかった。ワーシャはさかんに道をふさぐように銃撃したが、弾幕となるほどには至らず、12頭の羊はまんまと逃げ延びてしまった。

13:30 最終的に銃声が止む。コースチャ、ケンチャ、ジーマが獲物を拾って、解体を始める。

14:00 彼らの動きを確認した後、帰路につく。

15:20 山小屋到着。

17:00 ケンチャ、ジーマが帰着。

18:00 コースチャが帰着。

この4人のハンターによる追い込み猟は、見事なスペクタクルであった。どこから追えば、どの方向へ逃げていくということを目撃した上で布陣をし、しかもそれが見事に当たり、羊たちがハンターが待ち受けているところへ、走っていったからである。ただし、我々も銃を操れたら、もっと効率よく獲物を仕止めることができたとも思える。特に、後半に姿を現した12頭はみすみす逃したようなもので、ハンターたちも惜しがってはいた。40頭以上はいたと思える群から獲物が4頭では少ないようにも思えるが、ハンターがなるべく角の大きな雄を狙っていて、やたらに撃っているわけではないことから、一応狩は成功といえるようである。

この3回の野生羊猟に共通するのは、獲物の動物の習性から来るものではあるが、いずれも、獲物に接近するまでかなりの岩場登りが必要であること、しかし、獲物自体があまり動かないので、ゆっくり時間をかけて接近することができること、必ず、獲物より高い

ところで銃撃を始めること、などが見られる。これがもしツンドラの平原地帯を疾駆する野生トナカイの猟となると全く異なる方法が採られるはずである。ただし、追い込み方の基本は共通だろう。また、季節が冬だったことから、必ず獲物の解体は猟場のすぐそばで、獲物の体が凍結しないうちに始める、獲物や解体された肉の運搬にはトナカイぞりやスノーバイクが使われるといった点も共通している。羊は大きいために魚のように数分で凍結することはないが、それでも凍結すれば解体できなくなるからである。

4人のハンターの見事な連携プレーといい、また先の単独猟、あるいは二人の共同猟といい、我々を特に驚かせるのは、その地理、地形に対する知識の深さである。彼らの頭の中にはこの狩猟地の地形の鳥瞰図がすべて収められているかのようである。山や谷を自由に移動するばかりでなく、獲物に気づかれないように、遠巻きにしつつ、正確に獲物の裏側にでるということを当たり前のこととして行う。また、山の遙か向こう側の川や湖の位置を正確に当てる。それは、ワーシャにしてもコースチャにしても、20年以上もここでトナカイ牧夫としてトナカイの群に付き添ってこの地域の山河を歩き回っていたという経験に裏付けされたものであろう。我々にはすべて同じように見える山や川でも彼らには正確に見分けられていて、決して自分の位置を見失うことがない。だから、一度獲物の位置を確認すれば、あとはまっすぐに、あるいは身を隠しながら正確に獲物に接近することができる。

さらに、狩人にはどのような地形でも踏破できるだけの体力がなければ動まらないのは、いうまでもない。いくら地形、地理を心得て、ルートを知っていても、それを踏破するための体力がなければ獲物を追跡したり、接近したりすることはできない。しかも、空身ではなく、厚くて重い防寒着に身を包み、重い葉包や銃を持参しての行動である。そして、山登りで体力を使いきってはいけぬ。獲物に射程距離まで接近した後、息を整えて照準を合わせて、銃で撃ち倒さなくてはならないのである。さらに、冬の猟ならば、常に-30℃以下の厳寒の中で山登りをしなくてはならない。

これだけの知識と体力を兼ね備えなければ、ヤクーチャでは狩猟でもって生活を維持することなどとうていおぼつかないのである。我々のガイドをしてくれたワーシャ、コースチャが地元でも並外れて優れたハンターであることは事実だが、クストゥールのトナカイ飼育民たちは程度の差はあれ、ほとんどが同じような条件の下で狩をしている。彼らは皆小さい頃よりトナカイ飼育を通じて付近の地理、地形、動植物に関する知識を蓄え、トナカイや狩猟の獲物を探して山を歩き回ることによって体力を養ってきたのである。町の中でふやけた生活をしてきた都市民とは頭も体も根本的に異なる。彼らと一緒に山を歩いていると、都市生活者の体力不足と、地理感覚の鈍さ、そして自然に対する知識の乏しさに情けなくなることがしばしばであった。

6. クストゥール村における狩猟の意義—結論に代えて

現在クストゥール村における狩猟活動は大きな転換点に立たされている。その最大の要因は、17世紀にロシア帝国に服属して以来、ソ連時代に至るまで、狩猟民にとっては貴重な現金収入をもたらした、その経済的基盤を支えてきた毛皮獣狩猟が、今日に至って目に見えて衰退していることである。現象としては、コルホーズやソフホーズ、あるいはその後継企業体に所属する専門の狩人の数がここ2、3年の間に急速に減少している、企業体の毛

皮買い取り価格、売り出し価格が他の物価に比べると相対的に安くなっている、それと連動して、企業体の全収入に占める毛皮による収入の割合が急速に低下している、といった事態が見られる。また、狩猟ではないが、毛皮を生産するもう一つの手段として盛んに行われてきた銀ギツネや北極ギツネの養殖も、昨今明らかに衰退しており、パタガイ・アルイタの村はずれにある養狐場でも昨年大量の売りを出して、飼育頭数を大幅に減らしており、将来の閉鎖を見越して、頭数の回復は図られていない。

エヴェノ・フィタントイ地区の3つの主要村落（パタガイ・アルイタ、クストゥール、ジャルガラフ）の企業体はそれぞれ、農業企業体「レーニンスキー」（パタガイ・アルイタ）、ソフホーズ「フィタントイスキー」（クストゥール）、遊牧共同体「ジャルガラフ」（ジャルガラフ）と組織形態を異にするが、いずれも牛馬の牧畜（肉と乳製品の生産）、トナカイ飼育（肉と毛皮の生産）、そして狩猟漁撈（毛皮と肉、魚の生産）の3つが基幹産業である。毛皮獣狩猟は、かつてすべてがソフホーズという形態をとっていた旧ソ連時代には、最も確実な現金収入の途である花形産業であった。エヴェノ・フィタントイスキー地区周辺には、クロテンが少ないために（あまりにも北すぎて主要な生息域からはずれている）、もともと南方のタイガ地帯の狩猟民と比べるとハンディキャップがあったが、それでもこの地域の特産である銀ギツネや北極ギツネの毛皮を国家が高価に買い取ってくれていた。クロテンと並んで、銀ギツネや北極ギツネも貴重な輸出品だったからである。

しかし、ソ連崩壊によって経済が自由化されると、シベリアの狩猟民はすべて厳しい市場原理の洗礼を受けることになる。国家がコルホーズやソフホーズを通じて毛皮の販売や狩の装備の面倒を見てもらっていた旧ソ連時代とは異なり、すべて自前でなくてはならなくなった。狩人個人はもとより、コルホーズやソフホーズも、装備や毛皮の販売をモスクワに仰いでいたために、彼らは需給関係のバランスの上に成立する市場経済にはとてもついていけなかった。特に小回りの利かないソフホーズのような巨大組織では、装備費用（銃や弾薬を仕入れるための費用）の高騰と毛皮の市場価格の低迷のために、狩猟部門の採算がとれなくなり、縮小、廃止へと追い込まれていく。また、狩人個人が直接ヤクーツクなどへ行って自由市場で毛皮を売り、自分で装備を調える方が有利となってきたために、狩人の組織離れも進んだ。

今日ではサハ共和国の中での狩猟活動は「サハ・ボルト」と呼ばれる独占企業体（正式名称は「国家コンツェルン『サハ・ボルト』」という、1993年に設立されている）の支配下にある。ここはサハ共和国の環境省と並んで、狩猟免許を発給する機関であり、また毛皮類の買い取り、販売も独占している。現在は、サハ共和国のプロの毛皮獣ハンターはほとんどがこのサハ・ボルトと契約を結んでおり、ハンターの地元の企業体（ソフホーズ「フィタントイスキー」など）は、サハ・ボルトへの毛皮の納入やハンターへの装備の提供のための手続きを代行しているにすぎない。

サハ・ボルトはサハ共和国内の毛皮獣資源の保護と有効活用、そしてハンターの保護などを目的に設立された組織であるために、装備は安価に提供し、納入される毛皮はできるだけ高価で買い取るという方針をとっている。しかし、いずれも価格は市場価格に基礎をおくため、ハンターの保護には限界がある。

毛皮獣を貴重な現金収入としてきた北方の狩猟民たちにとって大きな打撃となった毛皮の市場価格の低迷の原因は、世界的な毛皮に対する需要の低下と、貿易の自由化に伴って

出現したヤクーツクの市場における海外からのライバルの登場にある。

毛皮に対する需要の低下は世界規模の現象である。その原因は大きく二つ有り、一つは綿、ダウンなど毛皮に代わる防寒材の開発、普及である。我々のガイド役を務めてくれたケンチャ（イノケンチー・アレクセイェヴィチ・アモソフ氏）もしばしばこのことは指摘していた。もはや北方の先住民族たちも全身を毛皮の衣装で包むことはない。ケンチャやワーシャも帽子、手袋、靴は毛皮であったが、服は基本的には布製品であった。また、昨今の自然保護運動との絡みで登場した、極端な野生動物保護運動も毛皮の需要を低下させるのに一役買っている。現在でも毛皮の手触りや質感はファッションの中でもてはやされているが、使用されるのはフェイク・ファーと呼ばれる人工の毛皮であって、本物の動物の毛皮ではない。フェイク・ファーであることがファッションナブルなのであって、本物ではいけないのである。

サハ共和国内の狩猟民たちの毛皮の販売先は、ほとんどがヤクーツクである。真冬には零下60度にも達する酷寒の中では、やはり毛皮がなくては耐えられない。したがって、ヤクーツクの市民は冬には毛皮のコート、毛皮の帽子、毛皮の手袋に毛皮の靴といった服装になるのが普通である。国が閉ざされていたソ連時代にはヤクーツクで出回る毛皮はヤクーチヤの産であった。しかし、国境が解放され、外国商品が大量に出回る今日、海外の毛皮生産国がこの巨大な市場を見逃すわけがない。現在サハ共和国の北方先住民族の毛皮産業に脅威を与えているのは、イタリア産のミンク（養殖物）と中国産の毛皮であるという。それらが比較的安価に出回っているために、サハ・ポルトとしても、契約狩人からの買入れ価格を上げることができないのである。

このように、毛皮獣狩猟がかつてのように確実な現金収入をもたらすわけではなくなりつつある今日の厳しい状況の中で、エヴェンや北部ヤクートなど北方の先住民族にとっては、狩猟活動がまた新しい意味を持ちつつある。それは新しいというよりも、遙か太古の時代に戻りつつあるといった方が適切であるが、狩猟活動の食料獲得手段としての意味が拡大しているのである。毛皮獣狩猟の肥大化という現象は外部との交流、特に毛皮に美を求める文明（ヨーロッパや中国など）との交流が前提となって出現したものであり、文明の登場以前には、狩猟とはまず食料獲得のための行為であった。現在のエヴェノ・ピタンタイ地区の狩猟活動はそのような状況に戻りつつあるといえる。その原因には上記のような毛皮獣狩猟の地位の低下以外にも、トナカイ肉の価格の低迷によるトナカイ飼育産業の衰退、牛馬の牧畜産業の低迷など、この地域の基幹産業の全体的な地盤沈下も大いに関係している。現金収入が確かなものではなくなってきたために、狩猟によって肉を得て、生活を防衛しようというわけである。したがって、昨今では主要な狩猟対象もキツネやリス、ウサギ、オコジョといった比較的小型の毛皮獣よりも、野生トナカイ、野生羊、オオシカなどの大量の肉が捕れる大型の草食獣の方へシフトしている。

しかし、大型草食獣を捕らえても、その肉は彼らの食生活の中では、あくまでも補助的な位置を占めるものでしかない。現在の彼らの主食はパンであり、着ているものは店で売っている綿や化繊の衣類である。ロシアとの交流が始まってすでに400年近い歳月が過ぎた今日では、北方の狩猟民たちの生活は貨幣によって購入することができる外来の物資によって成り立っているのである。肉のための狩猟の比重が高まっているとはいえ、文明との遭遇以前の状況とは全く異なる。トナカイの肉が買いたたかれる、毛皮の買い取り価格も

低迷するといった状況の中で、エヴェノ・ピタンタイスキー地区のトナカイ飼育を伴う狩猟民たちには、従来にはない新たな生き残り戦略 (survival strategy) が求められているのである。

<参考文献>

斉藤晨二 1994年 「エヴェノ・ピタンタイスキー地区 (ウルス) とその住民」 『名古屋市立大学教養部紀要 (人文社会研究)』 第40巻、27-51頁

Contemporary Situation of Food Culture of the Tundra Nenets, the Reindeer-Herders in the Gydan Peninsula, West Siberia (Yamalo-Nenets Autonomous District)

Atsushi YOSHIDA

Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Science

The Migratory Nenets in the northern tundra of Gydan peninsula, the circumpolar part of West Siberia, are a rare group of reindeer-herders, most of whom preserved traditional individual reindeer herding economy during the Soviet regime without being collectivized. This small ethnic group, compared to other groups in Siberia and Far North keeps most of the elements of its traditional life-style, including its food culture. Because of their small number of domestic reindeer they have to effectively use their environmental resources. They catch foods in various ways, mainly by fishing, and hunting wild reindeer and fowl. By staying in the tundra with the herders and according to the interviews of old nenets', we can assume that their food supplies have been comparatively stable and have been guaranteed by a relative affluence of traditional resources.

Even though they are reindeer-herders, the typical feature of food consumption of this ethnic group is that they depend chiefly on fishing, especially salmonite fish (genus *Coregonus*). Most of the reindeer are often eaten raw or frozen and consumed during harsh periods, like winter. In summer, the best season for fishing, they prepare dried fish for use later, which is called in "yukola" Russian. Pike and burbot are also commonly found in the area. Also there is strict taboo for women to clean these fish, but no one knows the reason. These fishes are never eaten raw.

Imported foods are seen here but they are limited to such basic commodities as flour, bread, salt, sugar and butter. In short, they maintain an extraordinary dependence on their traditional food culture, with fishing and hunting being more important than reindeer herding.

In spite of their isolated life-style the new wave of social and economical change might influence their way of life in post-Soviet Russia. It seems to be an urgent and serious problem to search for a strategy that maintains an optimal and rational food balance and healthy environment for these people.

ギダン半島のトナカイ飼養ネネツ(ヤマロ・ネネツ自治管区) の食文化の現況

吉田 睦

(ロシア科学アカデミー民族学

人類学研究所大学院生)

1. ギダン半島のトナカイ飼養ネネツ

ギダン半島は、西シベリア北部の北極海に突出するタイミル半島とヤマロ半島に挟まれる形で北方に伸びる東西・南北とも400km以上に及ぶ半島であるが、規模の割には比較的著名な両隣の半島に比べ極めて地味な存在である。ほぼ全域がツンドラ性の植生に覆われる低地で、人口密度は極めて低い。行政的には西半分がチュメニ州(ヤマロ・ネネツ自治管区ターゾフスキー地区)、東半分がクラスノヤルスク地方に分かれ、それぞれが西シベリアと東シベリアという異なる経済区域に属する。この境界は革命以前より伝統的に踏襲されてきたものであり、それがこの半島をより地味にしてきた一因であるかもしれない。この半島を含む北部西シベリア地域は、チュコトカ半島、北部ヤクーチヤと並んで北ユーラシアの3大トナカイ飼養地域となっている。

当半島の西半分のチュメニ州ターゾフスキー地区の遊牧ネネツは、更に3つの集落行政府(旧村ソヴィエト)ギダ、アンチパユタ、ナホトカの管轄下に置かれている。筆者は1995年3月～4月にかけての3週間に、ギダ集落行政府に所属する遊牧ネネツ人の居住地たるギダン半島の北部の内陸部に滞在し、この期間に20宿営地31チュム(円錐型天幕小屋、1宿営地は1～4軒のチュムよりなる)をトナカイ橇で移動しつつ訪れた。当該行政府に所属するネネツ人は1995年1月1日現在2629人で、これはターゾフスキー地区全体の先住民族(ネネツ、ハントィ、マンシ)の35%を占める。このうち約2100人(350経営体)がトナカイ飼養を主たる生業とする個人経営遊牧民である¹⁾。西シベリア北部は、ツンドラ地域に遊牧するネネツ及びハントィのトナカイ飼養民の多くがソ連時代を通じて遂行された集団化の波を潜り抜け、現在に至るまで個人経営形態を維持する特異な地域である。ヤマロ・ネネツ自治管内では、1989年時点の飼育トナカイ総数49万5900頭のうち個人所有の飼育トナカイ頭数はほぼ半数の24万3900頭にのぼる²⁾。

このグループのネネツの遊牧ルートは、夏期にギダン半島北端のカラ海に突き出たマーモント(マンモス)半島やイエヴァイ半島附近の河川河口付近で主に漁撈に従事する。その際所有しているトナカイを他のトナカイ飼養専門のネネツに飼養を一時期依託する集団もある。冬季は南下してエニセイ川支流のタナマ川流域の各地に分散して宿営する。その理由として、タナマ川の中流域にロシア人1家族の常駐するファクトリー(物品取引所)があり、そこでトナカイ肉、北極キツネの毛皮、魚類を売却しその引き換えに小麦粉、茶、塩、砂糖等の必需食料品を調達する必要性が挙げられる。この間の移動距離はトナカイ飼養民としてはかなり短く、最大南北に300km程度である。なおギダ集落行政府所属のネネツの一部は冬季のトナカイ放牧のためにタナマ川右岸側、即ちクラスノヤルスク地方側に入り込んで宿営するが、これはクラスノヤルスク地方も承認する伝統的遊牧ルートになっている。

北部ギダン・ネネツの生活形態の特徴は、極めて伝統的な生活様式を保っているということであろう。これはそのまま食文化についても言えることで、今世紀を通じての食生活における最大の変化は鉄製煙突付きストーヴの導入程度であり、その他の具体的状況は以下に述べる通りである。当該グループの生業形態の特徴として、少数のトナカイによるトナカイ飼養と、他の生業、即ち漁撈

と狩猟の組み合わせのうち、特に漁撈の重要性が高いことであろう。滞在した半島内陸部に宿営する経営体の平均的トナカイ頭数は100~150頭（最大400~500頭、最小は50~70頭）であり、少数の場合はしばしば他のより多くトナカイを有する経営体と共に宿営して行動を共にしている。

筆者の管見によれば、当該ネネツ・グループに関する参与観察を伴う民族学的研究は皆無に近く、1920~1930年代の雑誌論文数編等があるに過ぎない⁹⁾。そのうちの一つにおいては、ギダン半島のネネツは4つのグループに分類され、それぞれの遊牧移動経路を記されているが、何れのグループも夏期に半島北部の海岸部で過ごし、冬季には凍結したターゾフスカヤ・グバー（湾）を越えてはるか南の大陸部の森林ツンドラ地域で宿営するとされており、現在の北部ギダン・ネネツに該当するものはない¹⁰⁾。最近北部西シベリアの先住民の歴史的経済様式の分類の試みを行った Golovnev A. V. によれば、北部ギダン半島の遊牧ネネツの下位グループとしてさらに沿岸部ツンドラ・トナカイ飼養グループと極北トナカイ飼養グループを区分し、前者は主として特に夏期にトナカイを他の専業トナカイ飼養ネネツに依託し沿岸部で漁撈・海獣捕獲に従事するもの、後者は少数のトナカイを擁し、冬季に森林ツンドラに至らず、ツンドラ北部で宿営するものとされている¹¹⁾。この両グループはそれぞれ独立した集団か、その双方の形態をとるネネツも存在するのかが等につき著者は特に言及していないが、少なくとも北部ギダン・ネネツはこのいずれかに該当するものと考えられる。

筆者は、ユーラシア北方の先住民の食文化の分野の伝統的要素の保存状況、ロシア人との接触による文化変容とポストソ連期の新たな状況に対する適応状況の調査を目的とし、ギダン半島のツンドラ・ネネツをその例として、短期間ではあるが概括的な調査を行った。本調査は期間の制約等により極めて一面的なものであり、今後の調査の予備調査的性格のものである。さらに本稿においては紙数の関係から食の全貌を概観することは不可能であるため、食生活のうち、滞在した冬季~春季を中心とする当該グループの食文化において特徴的な諸点に限定してその具体的状況を紹介することとする。なおソ連民族学においては、食文化の民族学・人類学分野の研究は物質文化の一端としてエピソード的に扱われてきたが、通文化的視点や生態学的視点から多くの関心が向けられるようになったのは、いくつかの例外を除きここ10年ほどのことである。

2. 食文化の概況

ネネツ全般に関する民族誌的研究の基本的文献となっている Khomich L. V. の著書「ネネツ歴史的・民族学的概説」（1966）は、食文化の点でもネネツ族全般の状況を概説しているが、同じネネツ族の間でもかなり相違があるツンドラ・ネネツとタイガ・ネネツ、あるいはシベリア・ネネツとヨーロッパ・ネネツの相違を必ずしも区分せず記述しており、またその記述の殆どが過去の出版物の情報に依拠しているため断片的であり、必ずしも個別具体的な状況を反映していない点に留意すべきである¹²⁾。

ユーラシア・ツンドラのトナカイ飼養民については、しばしばその高度の環境適応の結果としての獲得食糧の潤沢さが指摘されることがある。そのことを物語るトナカイ飼養チュクチの表現が、しばしば引用される：「我々の食糧には足があって歩いている。我々の食糧は寝ている間に育つ。」¹³⁾。これはしかし、比較的多数のトナカイを擁する飼養民のケースである。同時にトナカイ飼養民にとっての主食は疑いなくトナカイ肉であるというようなステレオタイプがあるが、より正確な食の構造は、当該遊牧ネネツ・グループの例からも伺われるように、トナカイの飼育頭数が少なくなればなるほど、他の食糧への依存度が高くなるというものである。他方、小規模トナカイ飼養者といえども、所謂穀物粉及びその製品を除けば移入食料品に依存する程度は非常に低く、当該グ

ループの場合、食糧としての飼育トナカイに代るものは主として魚類と野生トナカイであり、部分的に野禽類である。なお海獣捕獲は部分的に今でも行われているが、その目的は油脂と毛皮の獲得にあり、肉を食用にすることは極めて稀である。

現地での聞き取りによれば、飼育頭数100～150頭前後の平均的な規模の経営体でも、専ら食用のために屠殺するトナカイの頭数は年間4～5頭と極めて少数である。その他に衣服、靴、チュム用の毛皮獲得のために年に1経営体当たり10頭程度屠殺する（但しこれにはその毛皮がブーツ用に貴重とされる当歳児の仔トナカイが含まれる）。一説によれば、仮に全ての食料需要がトナカイ飼養の生産物のみにより満たされるとすると、各経営体（家族）は平均95～100頭（一人当たり18.5頭）を屠殺する必要がある⁸⁾。この数値を基準にすれば、北部ギダン・ネネツは平均して飼育トナカイは食糧需要の10数%程度しか満たしていないことになる。Krupnik I. I. は、西シベリア北部のツンドラ・ネネツ、エネツ、ヌガナサン、ドルガンといったユーラシア中央部の諸先住民族は、伝統的に食糧としての飼育トナカイの需要が極端に低かったこと（平均1経営体当たり6～12頭）を指摘している⁹⁾。当然ながら飼育トナカイでは満たされない食糧需要は、他の食糧で賄われていることになる。筆者が現地に滞在したのは3～4月、即ち食糧獲得という点からは年間で最も不利な条件の時期である。即ち秋期～初冬期の屠殺トナカイや漁獲による貯蔵食糧（「ユーコラ」と称する天日干魚や干肉・燻製肉）は底をつき、主として氷下網漁による漁獲魚、そして狩猟による野生トナカイ肉を適宜食糧としている時期である。しかしながら滞在したどの宿営地においても食糧不足というような状況には接することはなかった。ネネツ人古老の話でも、飢餓という状況に陥ったことはないということであるが、第二次世界大戦中には移入食料品たる小麦粉が不足したため、パンケーキを日に2回（通常は3回ないしそれ以上）しか食べられなかった時期があるということであった。他の資料によれば、革命直後の内戦期にも物資供給に混乱状態が生じ、穀物粉、茶、バター等の移入食料品の入手が困難になった¹⁰⁾。これらの事実は、他方では伝統的生業による獲得資源の相対的潤沢性と食糧確保の安定性を物語っているように思われる。

3. 食の具体的状況

上記において北部ギダン・ネネツにおける食糧需要におけるトナカイ肉の割合の低さを指摘したが、トナカイ飼養民にとりトナカイ肉やその他の部分が彼らにとり基本的食糧であることには相違ない。当該ネネツ・グループ、特に少数の飼育トナカイを擁する経営体にとって飼育トナカイは重要な輸送用家畜であり、可能な限り屠殺したくないため、多くのネネツは冬季～春季には野生トナカイ猟にエネルギーを注ぐ。この地域では野生トナカイは夏季にエニセイ川右岸のタイミル半島側に棲息し、冬季にギダン半島南部の森林ツンドラ地帯に移動する。3～4月に飼育トナカイより一足早く北東方向、即ちエニセイ川方面に移動を開始する。ツンドラ住民は野生トナカイの方が脂が乗っていて美味であるとして飼育トナカイ肉よりも好むのが通例であり、当地のネネツも例外ではない。

20宿営地を訪問した結果としては、肉と魚の割合は、個々の経営体でのばら付きはあるが、ほぼ同比率であった。肉は多くは生食（冬季は冷凍肉の削ぎ身）する。冷凍肉は一家の主婦がまずナイフで食べやすい大きさに削いで供される。子供も含めた各自は必ず自分用のナイフを持っており、皆一様に肉片の一端を歯でくわえ、他端を片手に持ち、ナイフで口許の（魚）肉片を下から上方向に巧みに切って食べる。調味料として塩か植物油、ないしあれば魚油か海獣油を付けて食べるが、何も付けないケースもしばしばである。肉を煮るのは家族の揃う夕食が多く、肉の煮汁にはしばし

ば小麦粉を溶かし入れて濃厚なスープにする。肉は決して柔らかくなるまで煮通すことはせず、火が通ったら引き上げてスープとは別に供される。スープは微量の塩で調味されることがほとんどである。

トナカイは肉以外の各部位（内臓、下腿骨から取り出す骨髓、若い魚の髄、眼球の周囲の脂等）も貴重な食料となることは周知の通りである。骨と腸からは油脂を煮出してとる。こうして煮出した油脂は切り刻んだ腸とともに鍋に保存しておいて、肉やパン、パンケーキを浸して食べるか、直接スプーンですくって食べる。煮出した油脂は腸詰にして保存もする。これは食べる際に茹でソーセージ同様に腸ごと煮てから輪切りにして食べる。非常に高カロリー食であり、冬季に外出から戻った一家の主人に供するのに最適ということである。血は冬季はすぐさま凍りついてしまうが、ボール等に保存しておいて、食事前にストーヴで溶かして冷凍肉や冷凍魚の削ぎ身をつけて食べるのが一般的のようである。なお、訪問した20の宿営地のうち血を供されたのは1カ所のみで、また別の1宿営地で血を混ぜた暗黒色のパンケーキが供された。血の腸詰めは、当該ネネツには一般にその習慣はなく、東方のクラスノヤルスク地方のドルガンが作ることを聞き知るのみである。

ユーラシア・ツンドラのトナカイ飼養民の中で少なくともヌガナサン、チュクチはトナカイの胃の内容物を食用にしていたが¹⁰、当該ネネツは古老でもそのような習慣は無い旨述べていた。古老の話によれば、かつては血を胃の中に保存したが、その際血が分離してしまわないように胃の内容物を少し残して血と混ぜ合わせて保存をした由である。ネネツ人研究者 Pushkareva E. T. によれば、現在でもその方法で血を保存しているところがあるはずとのことである。

当該ネネツ・グループにとりトナカイ以外の動物類は、夏季の野禽類を除きほとんどエピソード的な食糧源にすぎないのでここでは割愛する。

魚は北部ギダン・ネネツにとり重要な食料源である。漁撈は夏季にカラ海沿岸地域の河口附近に宿営して集中的に行う他、冬季にも主として氷結湖沼で水網漁を行う。捕獲方法は定置式流し網が主で、夏季に投網型の小型の網も使用する。食用魚としてはサケ科 (Salmonidae) のロシア語名シーグ属 (Coregonus) の各魚種が最も一般的かつ重要で、その他にカワカマス (Esocidae *Esox lucius*、英語名 Pike)、タラ科のカワメンタイ、チョウザメ等である。夏季にシーグ類を大量に捕獲して、所謂ユーコラと称する保存用の天日干しの開きにする。上記の魚類のうちサケ科シーグ属の各種魚は最もよく生食（冬季は冷凍状態のまま）するが、その他の魚と同様煮ても食べる。なお、肉も魚も焼いて食べることは全くしない。滞在期の冬季には生食魚は削いで切り身にする（所謂ストロガニーナ）。その場合、屋外の食料専用櫥に保管してある冷凍魚を食事の前にチュム内に持込み、若干解凍してから捌く。捌き方はどのチュムでもほぼ同様である。内臓、特に肝臓や血合いはビタミンの宝庫とネネツ自身が自覚している一方で、実際には剥ぎ取った皮とともに犬にやるのが通例で、内臓を煮出して魚油を取ることも冬季は頻繁ではない。削ぎ切りにされた「さく」はそのまま食卓に供されて半ば凍ったまま食べられる。塩をつけるのが普通であるが、何もつけないケースも見られた。塩以外には西洋辛子を出したところがあった。また唯一トナカイの血を供されたチュムでは、このストロガニーナを血に浸して食べていた。シーグ類の魚卵は秋季に多く、パンケーキに混ぜて食べる方法もある。また、ネネツの叙事詩ラフナクに漁卵をトナカイの胃袋に保存するという場面がある¹¹。

当地のネネツの説明によれば、ユーコラには2種類ある。即ち Yutu ないし Yuto と Yukholei である。前者はシベリア各地の先住民に一般的に見られる製法で、比較的中～小型の魚体の魚が対象とされる。魚体には乾燥を促進するための鰹の骨切りを想起させる切込みが無数に入れられる。

これに対し後者は比較的大型の魚体の魚向きで、骨、頭、内臓を取り除き切込みは入れない。普通そのまま食わずに煮るか矮性シラカバを焚いた火で炙ってから塩水につけて食される。ここで火に炙るといのは概してツンドラの先住民の調理法として例外的である。なお、ユーコラの類で2種類の製法ないし食べ方があるという民族はユーラシアの極北地域では他にも見られ、隣接するマンシにはほぼ上記の2種類に相当する Ekhol と Khor の2種類がある⁹³。北部ヤクーチヤのツンドラ・エヴェンやトナカイ飼養ヤクートにも通常タイプのユーコラと半乾燥状態の2種類がある⁹⁴。かかる2種類のユーコラの起源に関してはよりくわしい調査が必要であろう。

カワカマスは日本には棲息しないがユーラシア大陸北部から北米大陸の北部地域にかけて広く分布し、蛙や小動物、水鳥も捕食する獐猛さで有名な魚種である。この魚は冬季も比較的良く氷下網漁で捕獲されるが決して生食せず、捌いてブツ切りにし、煮て食べる。さらに頭部は決して食べない、魚卵も生食しない等、この魚には種々のタブーが存在する。他にカワメンタイも生食しない。チョウザメは Pushkaleva E. T. によれば、ツンドラ・ネネツが生食するはずであることを指摘しているが、現地での確認は出来なかった。

ツンドラでは、ストーヴ焚きから始まる調理全般は専ら女性の仕事である。しかしながらカワカマス、カワメンタイ、チョウザメ類に関しては、現在に至るまで女性がこれらの魚種を捌くことは厳禁するタブーが存在する。滞在中に1カ所でカワカマスを捌く場面があったが、丁度一家の主人が留守で息子がこれを捌いていた。解体後の切り身になったものは女性が触れて調理する。このタブーの理由については、現地の各宿営地での聞き取りにも拘らず、明確な理由を聴取することは出来なかった（通常「知らない」という回答であった）。Sokolova Z. P. は、当該タブーはハントィ・マンシにも共通のものであるが、その理由は現在誰も説明不可能のはずである旨述べている。この魚に関しては寄生虫病を惹起する寄生虫（ジストマ類）の一種（*Opisthorchis felineus* (Rivolta)）の宿主であることが指摘されており、このことを理由にロシア系住民の間では生食しないのが普通である。当該地区の中心集落ターゾフスキーのネネツ人を中心とした生徒を収容する寄宿学校でも、同様の理由で給食にはカワカマスは一切利用していない。ネネツが少なくともカワカマスを生食しないのは同様の理由で寄生虫病を避けてきたことにあるのか、魚でありながらカエルや小動物類を捕食するという両義的性格による特別な対応によるものか等については今後の調査が必要である。なお、東部ハントィは伝統的にカワカマスを生食してきた旨の指摘があるが、その際も必ず火に1～2分炙ってから食したとされていることが興味深い⁹⁵。

穀物粉（現在では小麦粉）は、ツンドラ・ネネツにとり年間を通じて必須の食材となっている。練り粉にソーダを混ぜ、ストーヴ上でパンケーキ（ネネツ語名 Leska）を焼く他、スープ類に混ぜて濃厚にするのに使われる。滞在中、朝食時にパンケーキのみという場合が数回みられた他、3度の食事以外の間食時にパンケーキと紅茶で一服することがしばしばある。少なくとも1920～30年代まではこの地域のネネツにとり、穀物粉と言えばライ麦粉の方が普及していたことが記録されている。少なくとも1920年代は「黒い」粉即ちライ麦粉が圧倒的であった⁹⁶。なおストーヴが普及するまでは焚火の周りで木の棒に練り粉を絡めたり、板状の練り粉を鉄板や直接地面に置いたりして焼いていたことが記録されている（上記の相違はそれぞれヨーロッパ・ネネツとシベリア・ネネツの焼き方に対応する）⁹⁷。

小麦粉製食物以外では、紅茶、塩、砂糖、バター、それに嗜好品としてのタバコが移入品として伝統的に利用されてきた。紅茶は完全にツンドラ・ネネツの食卓に不可欠の要素となっている。これら移入食料品がどの時点でツンドラ・ネネツに受容・統合されてきたかについては別途研究の必

要があるが（少なくとも言語学的にはそれらの多くがロシア語起源ではない）、サモイェード諸語派民族の起源にも関連する問題であり、その説明は必ずしも容易ではないであろう。

遊牧形態を堅持する北部ギダン・ネツの所有する物品は、遊牧という生活様式に対応して極めて簡素かつ少数であり、食器や調度品全般についても同様である。燃料はほとんど自生するハンノキ、矮性ヤナギに頼っており、必要量を採集してきて使用する。これらの燃料の採集は男性も行うが、女性が特別にトナカイ橇を駆って行うことが多い。燃料を使用するのは専ら調理のための短時間であり、厳冬期といえども暖房のためのみにこれら貴重な燃料を消費することはしない。なお照明用ランプの燃料は歴史的には海獣油が使用されてきたが、現在はファクトリーで入手する灯油になっている。

冬季、飲料水は湖沼水か雪を溶かしたものである。ほとんどの宿営地では雪を利用しているが、チュムからかなり離れた清潔な雪を選んで持参してくる。この雪をストーブに掛けたヤカンやバケツで溶かして使用する。これらの仕事はほとんど例外なく女性の仕事である。なお、1974年8月14日にギダン半島のターゾフスカヤ・グバー（入り江）を挟んだ対岸のターゾフスキー半島（別称小ヤマル半島）北岸で地下核実験が実施されたことを地方紙の報道が伝えており、その環境、特に飲料水やトナカイの餌としての植生への影響の有無と今後の影響の可能性が懸念される⁸⁾。

4. 変革期の対応

ギダン半島北部は、これまでのところ西シベリア北部では例外的に、資源探査ボーリングを除き石油・ガスの直接の開発活動から逃れてきた。このような条件も味方して、当地のトナカイ飼養ネツは個人経営形態を維持し、その遊牧範囲は深刻な環境汚染を蒙るとなく、僻遠の地で他の社会集団から隔絶した生活形態をとることにより、他のシベリア・極北先住民と比較しても、食文化を含めた伝統的文化要素を極めて高い程度に保存してきた。食糧源を、トナカイ飼養という生産経済よりもその他の漁撈・狩猟という獲得経済に依存してきたのが、このグループの特徴である。現地滞在中、伝統的食文化が他の文化要素（輸送手段としてのトナカイ、厳冬期用のトナカイの毛皮製衣服、移動式家屋のチュム等々）とともに現地の自然環境に最適かつ代替不可能な適応形態であることを確信している旨の意見が多く聞かれた。また近年みられるようになった疾病や子供の感冒等の罹患率の上昇の原因を、新規移入食料品の出現に帰する意見も聞かれた。このような心理的要因は、経済システムの変革による多くの新規移入食料品の受容に対する抵抗の1要因として、当分の間はある程度機能していくであろう。しかしながら、他方で今後の社会・経済システムの変革が食生活を含めたツンドラ住民の生活全体に与える影響については、先住民保護政策にも係わる問題であり多くの不確定要素があろう。

当該グループの民族学的・人類学的研究はほとんど行われてこなかった。その意味からもこのグループは、貴重な学術調査対象の一つとして注目されるべきかもしれない。もちろん、このことはツンドラ住民の野外博物館の価値を強調することを意味してはならない。彼等の近隣の社会集団との文化的、社会的差異・格差が拡大していることは事実である。医療機関の報告によれば、ツンドラ先住民の健康・衛生状態は周辺住民と比べても多くの問題を抱えている⁹⁾。伝統的食文化の解釈と評価は、食と健康という実際の諸問題の解決の基礎としても進められるべきであろう。経済・社会的変革の中で、ツンドラ住民が食のバランスと健康状態を維持するためにいかなる生き残り戦略を取るべきかは、他の諸問題とともに現在深刻な問題として扱う必要がある。

注

- (1) “Справка о медицинском обслуживании коренного населения Тазовского за 1994 год” (1995年2月9日付けターゾフスキー中央病院資料。本資料は当病院の好意により閲覧することができた。)
- (2) Симченко Ю. Б. Развитие хозяйства народов Севера // Народы Севера России (1960-1980-е годы). Материалы к серии “Народы и культуры” вып. XVIII. М., 1992. С. 187-188 (Таблица №21). なお、この数字には集団経営体構成員の個人所有トナカイも含まれると思われる。
- (3) 例えば: Кулирович А. Гыданский полуостров и его обитатели // Советский Север, М., 1934. №1 С. 129-140; Соболев А. На реке Танаме // Известия Русского Географического Общества, М., 1924. вып. 2., С. 119-143.; また、次のものは一般向けの文献であるが、近年の民族誌的内容を有するものとしては唯一のものであろう: Симченко Ю. Зимний маршрут по Гыдану, М., 1975.
- (4) Кулирович А. Гыданский полуостров ... С. 29.
- (5) Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993, С. 86.
- (6) Хомиц Л. В. Ненцы. историко-этнографические очерки. М.-Л 1966. С. 133-140.
- (7) Тан-Богораз В. Г. Классовое расслоение у чукчоленеводов // Советская этнография. 1931, №1-2., С. 93.
- (8) Крупник И. И. Арктическая этноэкология., М., 1989. С. 88.
- (9) Его же, Питание и этнология хозяйства ненцев Большезетельской тундры в 20-х годах XX в. // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1976. С. 79-80.
- (10) Городков Б. Н. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири. (Из материалов Западно-Сибирской экспедиции Академии Наук и Русского Географического Общества.) // Изв. Гос. РГО, т. LVII., Л.-М., 1926. вып. II., С. 59.
- (11) Афанасьева Г. М. и Симченко Ю. М. Традиционная пища береговых и оленных чукчей // Народы Сибири. Материалы к серии “Народы и культуры” вып. XXIV., М., 1993. С. 86-87.
- (12) Симченко Ю. Зимний маршрут ... С. 128-129.
- (13) Пивнева Е. А. Пища у манси // Народы Сибири. Материалы к серии “Народы и культуры” вып. XXIV., М., 1993. С. 130.
- (14) エヴェンについては、筆者による1994年8月の北部ヤクーチヤ (サハ共和国) ニジネコリムスキー・ウルスでのトナカイ飼養エヴェンの許での観察による。ヤクートについては以下による: Гурвич И. С. Культура северных якутов-олeneводоB. М., 1977. С. 76-77.

- (15) Афанасьева Г. М. и Симченко Ю. М. Традиционная пища береговых и оленных чукчей ••• С. 96.; Они же, Традиционная пища нганасан // Народы Сибири. Материалы к серии "Народы и культуры" вып. XXIV. М., 1993. С. 116. и др.
- (16) Соболев А. На реке Танаме ••• С. 130.
- (17) Хомич Л. В. Ненцы ••• С. 137.; Соболев А., На реке Танаме ••• С. 130; Перфильев И. Краткий очерк самоедского быта на острове Колгуеве. Архангельск, 1928. С. 88.; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский север, этнографический очерк местных инородцев. т. III, Тобольск, 1911. С. 85-86. и др.
- (18) 1995年2月9日及び16日付けターゾフスキー発行新聞 "Советское заполярье" 記事による。
- (19) 上記注(1)その他のターゾフスキー中央病院資料による。遊牧民は最小限の救急医薬品類も有していないことが多い。また無線器を所有する経営体がほとんど無いため、急病や出産時にはさらに問題である (なお上記資料によれば、ツンドラでの出産が1993年に19件、1994年に20件記録されている)。

Language Minorities in the Sakha Republic (Yakutia)

Tjeerd de Graaf

Department of Linguistics, Groningen University

1. Introduction

In the summer of 1994 an international ethnological expedition was organised to the Sakha Republic (Yakutia) in order to study the ethnic minority groups in this country. This project was initiated by a Japanese research team in Nagoya (Prof. Y. Kotani and Prof. S. Saito) with financial support from the Japanese Government.

The international team consisted of four Japanese participants, one Dutchman and one American, who were assisted by local specialists during the visit to Yakutia. After the assembling of the expedition in Nagoya (28 July-1 August), the group left Japan on the 1st of August and arrived in Yakutsk on the 2nd. The first days there were spent with specialists of the Sakha Academy of Sciences and from the 5th until the 12th of August the expedition stayed in the Nizhnekolymski district, first in the capital Cherski, then in the tundra with the reindeer herds and in the settlement of Andryushkino which has a mixed population of Even, Yakut, Yukagir, Chukchi, and Russian origin. The week of 13-20 August was used for further discussions with colleagues of the Academy of Sciences in Yakutsk.

In this article we give some general background information about the Sakha Republic, its history and ethnic composition. Special attention will be paid to the language situation in the country, in particular to the situation in those places visited by the expedition.

2. Geographic and demographic details

Yakutia located in Eastern Siberia. On the west it is bordered by the Krasnoyarsk district of Western Siberia, on the north the Arctic Ocean, on the south, the Buryat-Mongol district, the Chita and Amur districts, and on the east, the district of Khabarovsk and Magadan which border on the Okhotsk Sea opening into the Pacific. From north to south the distance is 2000 km, from east to west it is 2300 km. Yakut time is six hours ahead of Moscow time and eight hours ahead of Greenwich time. The country is located

between 105° and 165° of East longitude by 55° to 75° of North latitude.

With its surface of 3,103,200km² it is the largest republic within the Russian Federation ; it is almost equal in size to the whole of European Russia and five times France. The number of inhabitants is 1,099,000 with an average population density of 0.4per km². The urban population is 66.7% of the total ; large areas, in particular the northern tundra districts are nearly empty.

In Table I we give the demographic composition in the Sakha Republic as follows from the data of the census of 1989 (Tishkov 1994) . This can be compared to the total population of the Russian Federation and its population density. We shall pay further attention to the group of Peoples of the North (Khatylaev et al. 1993) .

TABLE I. DEMOGRAPHIC DATA ON THE SAKHA
REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION

Ethnic group	number	percentage	number per km ²
Republic Sakha (Yakutia)			
Total	1,094,000	100	0.4
Yakut	365,236	33.38	
Russian	550,263	50.30	
Ukrainian	77,114	7.05	
Tatar	17,478	1.60	
Belorussian	9,900	0.90	
Buryat	8,471	0.77	
Bashkir	4,190	0.38	
German	4,099	0.37	
Moldavian	3,674	0.34	
Chuvash	3,140	0.31	
Mordva	2,969	0.27	
Kazakh	1,760	0.16	
Azerbaydzhan	1,758	0.16	
Korean	1,498	0.14	
Ossetc	1,387	0.13	
Mari	1,166	0.11	
Armenian	1,138	0.10	
Jewish	1,125	0.10	
Peoples of the North :			
Evenki	14,428	1.32	
Even	8,668	0.79	
Yukagir	697	0.06	
Chukchi	473		
Dolgan	408		
Russian Federation			
Total	147,021,869		8.7

During our expedition we visited the North-eastern district of the Sakha Republic, situated near the Kolyma River, where one can find settlements of the Northern Peoples : the Chukchi, Even and Yukagir. In 1991 this Nizhnekolymski Rayon had only 14,001 inhabitants on a surface of 87,100km² (with a density less than 0.2) . Most of the inhabitants (11,501) live in Cherski, the administrative centre of the Nizhnekolymskii Royon, which was created in 1931 as part of the Republic Sakha (then Yakutskii SSR) . This district is located at 68-71° East longitude and 68-71° North latitude. The distance between Cherski and Yakutsk is 1,920 km by air (over land 3,189 km and by boat 3,421) , which illustrates the enormous dimensions and transport problems in this part of Russia. The town got its name from one of the first Europeans who worked there, the Polish anthropologist Jan Czerski.

People not living in Cherski are scattered over the whole district, part of them moving around as reindeer herds or fishermen, part of them in small settlements like the one in Andryushkino. According to a report by Sokolov (1991) the following peoples of the North were represented in the ethnic composition of the population of the whole district :

Ethnic group	number
Chukchi	367
Even	520
Yukagir	263
Yakut	1,261

The settlement of Andryushkino, which is the center of the Olerin tundra district, was founded in 1941 when the Even and Yukagir tribes had to live in settlements instead of continuing their nomad life with the reindeer herds, moving around in the tundra. In Andryushkino the local authorities provided us the following data about the population of the settlement :

Ethnic group	umber	ethnic group	number
Even	422	Russian	50
Yakut	318	Ukrainian	8
Yukagir	218	Tatar	3
Chukchi	25	Others	8
Evenki	5		
Dolgan	7		
Total			1,064

In the whole district the Peoples of the North form a small minority, but in local settlements like Andryushkino they are well represented.

3. Historical background data

When the Russians first came to Siberia in the early 17th century (the capital of Yakutia, Yakutsk, was founded by the Russians in 1632), the whole of Siberia had no more than a quarter of a million inhabitants. The earliest data about the Yakut people and the other Siberian peoples and their languages are given by Nicolaes Witsen in his book "Noord en Oost Tartarye", a voluminous description of Siberia and its inhabitants in the 17th century (Witsen 1692, 1705 and 1785). This book was published in Amsterdam and it contains many details about the Asian parts of the Russian empire, which Witsen collected during his visit to Moscow in the period 1664-1667. He gives descriptions of the peoples, their traditions, and the languages and ethnic composition of these new parts of the Russian empire.

At the end of the last century famous ethnologists like Jochelson and Bogozaz organized expeditions to the North of Siberia and investigated the local population (Jochelson 1926, 1933), in particular the Kolyma river basin, which is famous for its complicated ethnic and linguistic structure. We quote the following from the book by Jochelson, where he describes his trip to the North:

"I studied the Yukaghir in the years 1895 and 1896, while a member of the Yakut Expedition organized by the East Siberian Section of the Imperial Russian Geographical Society, at the expense of E. M. Sibiriakoff. During the winter of 1901-02, I made a further study of the Yukaghir on behalf of the Jesup North Pacific Expedition. In order to reach the Yukaghir territory from the shores of the Okhotsk Sea, where I had been studying the Koryak, I followed the upper course of the Gishiga River, and then crossed the Stanovoi Mountains on saddle and pack horses, and entered the valley of the Korkodon River, a tributary of the Kolyma River.

No previous European traveller has made use of this route, and thus my horses were the first to make the journey. Up to that time the reindeer of the Tungus and Koryak were the only harness or pack animals that had travelled over the same route.

I had already thought about it during my first visit to the Yukagir on the Korkodon River, in 1896, the result of information which I had received from the Gishiga Tungus, who travel in winter on their riding-reindeer to the Korkodon River, where they stay during the squirrel-hurting season."

Valdemar Jochelson wrote as early as 1889 that no other area of Asiatic Russia was populated by such a variety of fragments of different tribes. The Yukagir, Chukchee, Even, Yakut and Russian populations have been living there together for at least 300 years (Vakhtin, 1991). Mixed marriages and widely spread multilingualism caused an unsteady ethnic self-consciousness. The fact that the children of mixed marriages can be attributed ethnically both to mother's and to father's group, makes the study of the ethnic and linguistic structure of the population rather a complicated task. Culturally the multilingual and ethnically diverse population constitutes a more or less homogenous group (cf. Gurvich 1966).

By 1911, a few years before the Russian revolution, the population of Yakutia, in that time a province (gubernia) of Russia, was 245,000, by 1926 it had become 288,000 and in 1939 it was 400,544. This increase is partly due to a growing Yakut population (in 1941 around 324,000, which then was about 82% of the total number of inhabitants), but also to the increasing number of Russians and other immigrants who came to Yakutia. Initially most newcomers adapted themselves to the local culture, also by taking over the language. Since the fast growing non-Yakut population settled in the country, in particular in the urban centres, a policy of adaptation to the Russian culture took place. This growth during the last decennia is well illustrated in Table II.

Table II

The population of Yakutia with percentages of the most important nationalities

Nationality Percentage of the total population

	1970	1979	1989
Yakut	43.0	36.9	33.4
Russian	47.3	50.4	50.3
Ukrainian	3.1	5.4	7.1
Belorussian	0.6	0.8	0.9
Buryat	0.3	0.5	0.8
Tatar	1.2	1.3	1.6
Evenki	1.4	1.4	1.3
Even	1.0	0.7	0.8
Chukchi	—	—	0.1
Yukagir	0.1	0.1	0.1

In the period 1979-1989 the number of Yakuts has increased with 16.3%, whereas the same numbers for the Russians, the Ukrainians, the Belorussians and the Buryats are respectively 28.1%, 66.5%, 46.3% and 87.9%. The number of representatives of the peoples of the North (Evenki, Even, Chukchi, Yukagir) increased with 35%. They remained, however, a very small minority.

The percentage of representatives for the titular nationality (which gives the republic its name : Yakut or Sakha) has strongly decreased in this century, when uncontrolled immigration took place. We see that the Peoples of the North, who are, together with the Yakuts, the original autochthonous population in this part of Siberia, amount to only 2.3% of the total population. The Sakha (Yakut) people have less than 34% : they form a minority in their own country.

The Russian speaking Slavic peoples are concentrated in the urban centres, and most of the Yakuts live in the agricultural central areas. There they form more than 80% of the population (even 97.2% in Ust-Aldan) , whereas in the industrial areas this number is much smaller (only 8.7% in Ust-Yanski) . The Northern peoples, in particular the Even and Evenki, are dispersed over large areas in the North of the Republic, whereas small numbers of them live in towns like Yakutsk. The Yukagir and Chukchi mainly live in a few districts : the first ones in the Nizhnekolymsk and Verkhnekolymsk district (64.4% of all representatives) , the last ones in the Nizhnekolymsk district (77.6%) .

The settlement of Andryushkino was initially inhabited by builders and fishermen ; since the war and the creation of a school the permanent population began to grow and many Olerin Tundra reindeer-breeders concentrated around the settlement (Vakhtin 1991) . Andryushkino lies on the right bank of the Alasea river, about 270km west from Cherski. The expedition could only reach it by air, but in winter communication by car over the frozen tundra is possible as well. The main economic activity is reindeer breeding and the herd can consist of up to 20,000 animals. We visited one of these herds after flying about 150km to the north from Andryushkino along the Alasea river.

The people with the reindeer herds in the tundra, working in their traditional field, speak their ethnic languages better than those who work in the tundra settlements and who have more contacts with "newcomers" who speak only Russian or Yakut.

In the following section we give some more information about the language use for the whole of the Republic Sakha and for particular districts.

4. Language use by the peoples of Sakha.

The bilingual situation in the Sakha Republic (Yakutia) depends in the first place on a number of demographic factors : the ethnic composition, the number of speakers of a specific language and the distribution of the population over the republic. According to the data of the 1989 census, the Republic is inhabited by representatives of 80 nationalities, who all speak a particular language, in many cases the one of their nationality (cf. Table D) . In the period 1979-1989 the population of the Republic has increased with 28%, which is not proportionally divided over the various nationalities, as can be seen in Table II.

The languages of the aboriginal population of the republic belong to three different linguistic groups : Yakut belongs to the Northern branch of the Turkic language group, Even and Evenki belong to the Tungus group (they all are members of the Altaic language family) ; Chukchi and Yukagir are members of the Paleo-Siberian group of languages, which are not genetically related to other languages.

Before the Russian revolution, the Yakut language already had a limited position as a cultural language. The written standard was based on the dialects of Central-Yakutia. Now it has become one of the official languages of the Sakha Republic with its own literature and special status in the society.

The languages of the Peoples of the North are in a much worse position : the number of speakers is very limited, they only have a local function, in particular as a written language. An alphabet and writing system was developed for Evenki, Even and Chukchi in 1931, and for Yukagir only in 1983. A disadvantage for these languages is the large variety of dialects, which makes it very hard to create a written literature and to use them for educational purposes. The written language, created for Even on the basis of one specific dialect, is practically incomprehensible for the speakers of other dialects. This we experienced during our fieldwork in the summer of 1994 when we asked one of our Even informants to read a text in Even : as a linguist she was able to

do so, but the translation of it, which she produced in her own dialect, sounded very different. The written variant which was introduced in the thirties did not develop into an accepted standard for all Even people.

Since the beginning of this century, everywhere in Yakutia, Russian was enforced as the official language through education and in public life ; before that time the Yakut language was the lingua franca used in most parts of the country. At present, in this part of the country a complicated interaction of Russian, Yakut and the minor languages of the Peoples of the North is still a fact of life : Some of our informants in the localities we visited (Cherski, Andryushkino, the reindeer camp near the Alazea River) were able to communicate in at least three or four languages.

As we saw in section 2, Andryushkino has an ethnic composition which provides interesting possibilities for the study of processes of language shift (Vakhtin 1991) . During our visit we had interviews with a few representatives of the Peoples of the North and discussed their local culture and the possibilities of its survival.

Five languages are spoken in the settlement of Andryushkino : Yakut, Russian, Yukagir, Even and a few people speak Chukchi. Vakhtin has studied the position of the Yukagir language in contact with these other languages. His conclusion is that Yukagir, like the other minor languages yields to the pressure of Yakut which has got the position of the interethnic means of communication and which is also used in the school. At the same time the position of Russian is still very strong and may take over this function. Initially, in the schools Yakut was the language of instruction, but that has been taken over by Russian in the mid-fifties (Vakhtin 1991) .

The interactions between the Yakuts, the Russians and the Peoples of the North give rise to interesting processes of language contact, where forms of multilingualism and processes of language shift and language loss can be observed. Some common forms of multilingualism in the Republic are those of Russian-Yakut-Even, Russian-Yakut-Yukagir, Russian-Yakut-Chukchi and others. The situation is illustrated by the statistic data of 1989 on language use (Sleptsov and Robbek. 1994) .

In this respect one of the important parameters is the percentage of people indicating as their mother tongue the language of their own ethnic group. For the Yakut population this number

is rather high and also stable when comparing the data of various years : in 1970 it was 98.0% for all Yakut people, in 1979 97.1% and in 1989 95.1%. For the Peoples of the North the situation is much worse, which is illustrated by the following statistic data indicating the number and percentage of the representatives of the Peoples of the North who in 1989 mention Yakut or Russian as their mother tongue (first language) (Tishkov 1994) :

Ethnic group	Total number	Yakut first language	Russian first language
Evenki	14,428	11,905 (82.5%)	1,291 (8.9%)
Even	8,668	4,708 (54.3%)	926 (10.7%)
Yukagir	697	198 (28.1%)	233 (33.4%)
Chukchi	473	35 (7.4%)	135 (28.5%)

When comparing the data of earlier census, we find over time a decreasing number of people who mention the language of their national group (= own language) as their first language :

Ethnic group	Percentage of speakers of the own language in the year		
	1970	1979	1989
Evenki	15.1	11.2	8.5
Even	41.7	44.1	34.7
Yukagir	51.8	39.7	35.2

From these data we can conclude that the number of speakers of the languages belonging to the Peoples of the North has reached a critical size, where the survival of these languages and also the material and spiritual culture of these peoples are a matter of great concern.

Until the beginning of the 20th century, the Yakut language was the language for interethnic communication in the North-Eastern part of Siberia. It was the common language for all inhabitants, also for the 25,000 Russians living in Yakutia. Since the further exploitation of Siberia started in the Soviet period, a further influence of the Russian language and culture took place. This mostly affected the smaller nationalities (Even, Evenki, Yukagir, Dolgan, Chukchi) , but also the Yakuts themselves : more than 5% of the Yakuts mention Russian as their first (native) language. This in particular is the case in larger urban settlements, like in the town of Yakutsk, where this percentage is much higher. For the minor nationalities, the process of language loss is much more dramatic. The Yukagir, for instance, still have 245 people (35%) ,

indicating the Yukagir language as their mother tongue, but the number of speakers, who know this language well and use it fluently, is not more than 20!

Another important parameter on the language use and the situation of bilingualism is the knowledge of Russian as a second language. According to the 1989 data, the number of Yakuts having a good command of Russian is 65%, which number has increased in the forgoing periods with more than 10% per 10 years. The free command of Russian by the Peoples of the North is a little lower as can be seen in the following Table, which indicates the free command of Russian as a second language in percentage of the total number (Tishkov 1994) :

Ethnic group	percentage having good knowledge of Russian	
	1979	1989
Yakut	55.1	65.0
Evenki	56.5	64.3
Even	44.6	56.8
Yukagire	36.9	43.5
Chukchi		63.2

The general tendency is an increase in the bilingualism of the native language with Russian as the second language and Yakut as the first one, whereas the knowledge of the native languages decreases dramatically. Reasons for this process of language shift will be summarized in the following.

5. Processes of language shift

Here we summarize the factors explaining the assimilation processes, which cause the language shift of many people in the Sakha Republic (Yakutia) , in particular of the People of the North :

a. The dispersion of the population over a large area. In the Sakha Republic e.g., the Even and Evenki population is spread over 33 districts and 3 towns. In most places they form a local minority within the Yakut speaking environment and the possibility to keep their own language under these circumstances is very limited.

b. The languages of the Peoples of the North are not homogeneous. They have various different varieties, which could be considered

separate dialects, but also to be different languages, because they are mutually incomprehensible. So the two dialects of Yukagir in Nizhnyi and Verkhnyi Kolymsk could be considered different languages. The dialect used in the 1930s for the creation of a written language and literature in Even and Evenki is not understood by many speakers in other parts of the country. This may be the reason for serious problems in the teaching of the own language. In many cases the education of the children only took place in Yakut or in Russian.

c. During the last centuries, the transition from one of these minority languages to Yakut was also stimulated by the fact that this larger language had a more dominating position in the cultures of East-Siberia. At that time it was the main language of the most important local ethnic group, it had a more homogeneous status and it gave rise to an own literature.

d. In the Soviet period the position of Russian became more and more important. The original life style of the Peoples of the North and their culture had to disappear due to the growing influence of the central authorities and other peoples who settled in their territories. A written literature was introduced, first on the basis of the Latin alphabet, in the later thirties this was replaced by Cyrillic, which also facilitated the introduction of Russian more and more. The Peoples of the North had to change their life style from a nomad life as hunters and fisherman to a life in a village with other peoples and all kinds of other professions.

e. The incoming people had a Eurocentric approach to the Peoples of the North, they showed a lack of knowledge on their traditions and life style. This was expressed by a feeling of superiority: the newcomers considered them as primitive tribes on the lowest stages of civilisation and their languages and cultures were considered to be inferior to the European ones.

f. Measures were taken to educate the children far away from their parents at special boarding schools where in most cases the language of education only was Russian (or Yakut). In the years before the second world war there existed special schools for minorities (e.g. Even and Evenki), but these were abolished later and the time for teaching the native languages became very limited or was completely abolished.

In recent surveys (1986-1988, 1991-1992) it has become clear that the local people consider the process of language shift a forceful one : many of them regret the fact that they were not educated in their own native tongue and started to lose their own language and culture.

During our discussions in North-Yakutia and Yakutsk, many representatives of the Peoples of the North expressed their wish to get more support from the local authorities in order to stimulate measurements which could reverse there processes of language shift and loss of own culture.

6. Possibilities for reversing language shift

In his book "Reversing Language Shift" Josua A. Fishman (1991) develops a closely argued theory of worldwide efforts on behalf of 'reversing language shift'. He applies this to the problems of maintaining the intergenerational continuity of second languages, ethnic heritage languages and religious classical languages. His book describes speech communities whose native languages are threatened because their intergenerational continuity is processing negatively, with fewer and fewer users. The languages of the Peoples of the North are good examples for this phenomenon : they are demographically small and their use is decreasing more and more.

As long as there are speakers using a language there is some hope that they will pass it to next generations. In the case of the languages described, the measures taken in recent years might have a positive effect in this direction. In this period these problems were studied intensively and certain measures have been taken in the Sakha Republic in order to try to protect these native languages.

One of the possibilities was the introduction of the native language as a subject in the educational process, in particular during early stages of the development of the children. In a few schools and kindergartens this has been introduced for the youngest children of particular groups, e.g. in Andryushkino for the Yukagir children as we heard from their teacher during our visit in August 1994. Special courses have been organized for the instruction of teachers and in Yakutsk a University Department for the Northern Nationalities has been created, where problems related to the Northern languages and cultures are studied.

Another positive development is the edition of newspapers in the native language. An example is the journal "Rozovaya Chajka" with articles in the Even, Evenki and Yukagir languages. Since

1991, radio programs are broadcast in these languages, with practical instruction about the language use. Editions of dictionaries and textbooks have become possible (e.g. for Yukagir by G. N. Kurilov and for Evenki by A. N. Myreeva). These activities are coordinated by the Institute of the Problems of the Minor Peoples of the North, which belongs to the Yakut Academy of Sciences.

In 1990 the Declaration on State Sovereignty for the Sakha Republic (Yakutia) has been proclaimed. In this declaration it is stated that Yakut and Russian are both official languages of the republic and that the languages of the Peoples of the North are officially recognized in the districts where these peoples are living. According to the law "On the Languages in the Sakha Republic", Yakut is recognized as the State Language, whereas Russian is the second official language and the language for international contacts. It was formulated that the Yakut language should be used in more public functions, where until now mainly Russian has been used. On a local scale the aboriginal languages of the Northern peoples will also be used in new functions. It will be necessary to develop the possibility of bilingualism for public servants in functions where this is necessary.

With this purpose a special state program has started to develop the Yakut language and these aboriginal languages in the period until the year 2000. In this respect, a very important role will be played by the national schools, where the basis for the language use will change by increasing the importance of the national languages and by stimulating the educational processes in the direction of bilingualism.

The schools in Yakutia hope to profit from the experience obtained in other countries where in minority districts the use and the study of the first language of the children is stimulated in processes of bilingual education. The state program for the development of the national languages and renewal of the national schools will play an important role in future processes of (reversed) language shift taking place in the Sakha Republic (Yakutia).

Groningen, 26 January 1996

Literature

- Fishman, J.A. 1991: Reversing Language Shift
Multilingual Matters Ltd, Clevedon
- Gurvich, I.S. 1966: Etnicheskaya istoriya Severo-vostoka Sibiri
Izdatel'stvo Nauka, Moskva
- Jochelson, W. 1926: The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus
vol IX in: The Jesup North Pacific Expedition (edited by
Franz Boas)
Leiden, E.J. Brill
- Jochelson, W. 1933: The Yakut
The American Museum of National History, New York
- Khatylaev, M.M. et al.(ed.) 1993: Malochislennye narody severa
Yakutii: sostoyanie. problemy. Sbornik nauchnykh trudov
Yakutsk, Yakutskij Tsentr SO RAN
- Sleptsov, P.A. Robbek, V.A. 1994: Yazykovaya Situatsiya v
Respublike Sakha Sostoyanie, Perspektivy, Problemy. In:
Yazyki, Kul'tury i budushtshee Narodov Arktiki. Materialy
mezhdunarodnoi konferentsii
Yakutsk, Yakutskii nauchnyi Tsentr SO RAN
- Sokolov, N.I. 1991: Nizhnekolyinskii rayon Yakutskoi-Sakha SSSR
Local Administration Office, Cherkii
- Tishkov, V.A.(ed.) 1994: Narody Rossii: Entsiklopediya
Moskva, Nauchnoe Izdatel'stvo Bolshaya Rossiiskaya
Entsiklopediya
- Vakhtin, N. 1991: The Yukagir Language in Sociolinguistic
Perspective
Monograph Series 2 of the International Institute of
Ethnolinguistics and Oriental Studies. Steszew, Poland
- Witsen, N. 1692, 1705, 1785: Noord en Oost Tartarije. ofte bondigh
ontwerp vaneenigh dier landen en volken. zo als voormaels
bekent zijn geweest...
Halma, Amsterdam

Mythological Tradition of the Peoples of Sakha

Ekaterina Romanova

Proframme of the Center on the peoples Sakha
traditional religious culture research

"Methodological tradition is handed down from generation to generation with wonderful regularity of its main elements. That's why the Yakut shamanistic research is necessary to be begun from gathering of materials on mythological epos of the Yakuts, exactly as historians before working the people history out gather and critically investigate its chronicle."

(G.V.Ksenofontov)

Any reconstruction of spiritual universium leads the researcher to realization of culture language mythology. For excursus to mythological world of the Sakha I should like to quote Losev's A.F., prominent thinker and philosopher, words that the myth is not ideal concept and also not an idea, but it is life with all its real every day life. (Losev A.F., 1991, p.27.) "First elements" of the people's culture, certainly, are laid in its cultive mythes, historical traditions and legends.

The mythes of the people Sakha are original mechanism of the people's cultural memory, it was fixed, kept the memory and handed down the spiritual experience, which was built up by ethnic group. The mythes led the man out to another orbit, exactly to Cognition world, spiritual development of surroundings, to harmony dialogue of Nature and Man. That's why, it is necessary to begin to study with its mythological body of any religion.

The aim of our study are mythological ideas about the world, exactly the mythes about its creation. It is necessary to note, that the mythological tradition is closely connected with the ritual. "The main theme in ritual-as Baiburin A.K. noted-is the theme of world creation, determination of various rules and schemes." (Baiburin A.K., 1993, p.12.)

As you know, the myth and ritual in ancient cultures formed the unity-world view, functional, structural, it means two aspects of the culture: "verbal" and "practical". Any ethnos has a group of mythes, connected with the theme of first creation, two ideas are distinguished in it: the idea of birth and development.

Three Yakut mythes are taken as a basis: the myth about Universe, worlds creation and about first ritual Ysyakh. Notes of the texts are kept in the Scientific Center Archives. But before description of these mythes, I should like to dwell upon the next: the Yakut mythology researcher writes about the

Yakut mythology in encyclopaedia "there is vast cycle of cosmogonic myths in Yakut mythology. There are several versions of myths about the Sun. According to one of the versions the Earth and people sprang up owing to the Sun, according to other the Sun is Yuryung Aiyy toion's face radiance, by the third version-Yuryung Aiyy toion created three suns, from which one was intended for the Earth lighting. According to one of the versions, the Sun has its family and lives on the Sky. There a girl -orphan was standing with basket and yoke at the willow and Moon was sorry for her and took her to home. It explains the Moon-spots origin. There are several myths about the Moon and its daughter, about some constellations origin. (The myths of the peoples of the World, v.2, 1982, p.682). We can agree with N.A. Alexeev's, doctor of history, opinion about some cycle of the Yakut cosmogonic myths existence, nevertheless first creation myths are still on outlying area of the research interest and it is not object of the study up to now. The theme of space (cosmic plot), Nature, Man are main themes in the first creation myths. So, let's pay attention to Yakut myth about Universe origin, written in 1938 in Viliui district, which is original mythological text.

"First there were Water, Sea and Sun. Then the piece of ground was formed from the Sun in the process of evaporation and drying, the piece of ground enlarged and the Earth was formed. All sorts of living creatures multiplied in water. This time Whirlwind-Ala Kholoruk blew up suddenly, that the piece of ground leapt aside, rose up sky and changed into Moon. It was so strong whirlwind that a foal's back was torn off, goose head was flied off, pike was put in the noose, the trees broke into small pieces. Then a Man, made of ground, so with Ground Spirit, created from air with Air Spirit, birthed from mother with Mother spirit was appeared."

The myth was written from Ignatiev Spiridon Gerasimovich's words, the inhabitant of II Kuilyatsky (Tasagar) village of the Vilui district in 1938, April, 9. The materials of S.I.Bolo). Yakut myth about the origin of three worlds is of the utmost interest, written from the same informant.

"In ancient times, when the ancestors of human tribes with their cattle cattle lived in Middle World, there was bloody battle. All the livings didn't know where to hide themselves. It was threat of dieing out to mankind, all the livings. Some went up to the Upper and became "Upper abaasy", people of Upper World. Some descend and became "Lower abaasy", people of Lower World, and a part of people stayed at Earth (in the Middle World) with their master Khara Khaan and his wife Sir Sabyia." These two texts are written in Vilui district, have original plots, connected with religious belief of the Yakuts. The safety of ancient motives in these texts is extremely significant, since the Vilui folk-lore tradition is one of the hardest in cultural tradition handing and safety. In connection with it the problem of discovery of common and peculiar in motives and plots in folk-lore texts (mythological, ritual, shaman) of Vilui, Central and Northern groups of Yakutia is presented significant in future.

In the first creation myths the chaos motive is compulsory element as a rule; chaos description in this myth shows peculiar "turning over" of the Universe and its components upside down. Such formulas of chaos we can see in P.P.Yadrikhinsky's olonkho: "Lass bogatyr Dgyrybyna Dgyrylyatta". Here chaos description in Lower world is given as follows: "the birds are in water, the fish are in forest". Aiyy bogatyr's (positive hero) arrival to the Evils world find a motive for chaos. Let's dwell upon mythological units: the Sun and Ala kholoruk. According to Yakut notions, the Sun is a celestial fire of the highest divinity Uiruing Aiyy Toion-theEath, people and cattle former.He presented people and animals with spirit(kut). It is interesting, that the epithet of spirit of home fire is the word "aal uot"(sacred fire). Yakut epithet for the Sun is: "aalai-shining,bright". In Yakut notion the fire is celestial,home and underground fire. But "aal" is not only the epithet of "fire", it also means "a boat", i.e. "aal" is a border between "fire" and "water" (between harmony and chaos). That's why the mythological unit-ala kholoruk was introduced, which stresses on border condition from chaos to harmony. In this myth the classifiers of world creation are clearly traced, typical for all myths of first creation.

Water-chaos, water element, chasm-the description of Lower World. In epic tradition the water often is act of second birth of cleanliness ("our man,thinking that devil's sewage stuck to him, washed in Great Lake"); widespread motive of living and dead water.

Fire-in mythological idea of the peoples Sakha is a border between natural and cultural. In epic tradition the fiery sea is a frontier zone between Middle and Lower worlds. Culminating duel between Aiyy and Abaasy bogatyr, its outcome are decided just here ("at last they decided to go to the Fiery Sea,to get on slippery rope khalbas khara and fight here".)As you can see from stated above,the symbolic fight of chaos(sea-water) and organized action(fire) show the mythology of the plot.

Air. Symbolics of air breath is mixed with fire symbolics (the name of the highest mythological divinity is Uruing Aiyy Toion with the "seat of white milk stone, with respiration of heat"). Winds in Yakut epic serves as co-ordinates of epic space, natural cycles,it is included in epithet description of heroes. In olonkho wind is described as breathing puff, air (wind) performs various semantic loading.

Earth is one of the main elements on a level with fire, air and water. In our myth about first creation the earth sprang up from water, sea element and cosmogonic character of sun.

These notions of the peoples sakha are included in general course of world plots about Earth origin. Rain, as a symbol of fertility and lightning as a symbol of sky and earth union are the material symbols in archaic cosmologies.

Symbolic classifiers exactly are shown in a myth about three worlds, recorded in Vilui district from Ignatiev Spiridon Gerasimovich. The motive

of chaos, the battle (fire) action, the positive result - all these motives we have seen in the myth about first creation.

Let's compare the mythological plot about three worlds origin, as Viluy' version with the myth in P.A. Oyunskiy work "Yakut tale (olonko), its plot and to this myth, the Universe consists of three world, formed as follows: "There was long war between Uлуу Toyon's, Uiruing Aiiyy Toyon's and Arsan Duolai's, the head of evil spirits in Lower World tribes. The end of World was approaching. They scorching were plunged into the sea, then come to the surface and decided to make peace. There was Great trial and then they distributed the Universe and formed three Worlds".

The motive of chaos in this myth is as follows: "the war was terrible and long. First it was on an Upper World. All three Worlds trembled from its destructive actions, in consequence of what the ninth sky land on an Upper World, have turned upside-down and formed the South Pole land, the land of fear and disaster, darkness and evil. The Lower World turned over and formed the land of the North Pole, the land of invariable horrors, the land of disaster and evil. (P.A. Oyunskiy. 1962, p. 131).

The development of mythological plot (by Oyunskiy): three tribes lived together, war "the turning over" of the Worlds - sea - fire trial - make peace - distribution of the Universe to three worlds - olonkho - idea about kind and evil beginnings.

Chaos description is typical not only for the myth, but it is typical for the ritual. Within the memory about "first times", about its origin a cultive myth about the rite Ysyakh is correlated with. Ysyakh origin is connected with myth about Elley- cultive hero, the ancestor of the people Sakha. Texts summary, giving in G.V.Ksenofontov's book (1977) enables us to reconstruct the archaic interpretation of the world. The main texts: innovations made by Elley, Elley-master (expert), Elley-Ysyakh organizer, Ysyakh organization, Elley-koumiss vessels inventor and Ysyakh orgizer, Er-Sogotokh Elley-Yakut culture founder, Er-Sogotokh Elley-new religion preacher and Ysyakh organization, they are constructed on clear opposition, Omogoi, as a representative of old, obsolete from one side, and Elley as a reformator, new, progressive initiator. All cultural benefits were done by Elley. Elley organized his own order and the great thing is he marked the beginning of the peoples Sakha origin. "Before Elley the Yakuts did not know neither yurta with slop walls, koumiss vessels, nor nets for fishing. All these were Elley's innovations. He also organized summer holiday Ysyakh." (G.V.Ksenofontov, 1977, p.38). A.Ya.Gurevich, analysing the Medieval saga on Skandinavian materials, gave the following analysis to "cultural hero" of the myth: "Divinity and human features are merged in "cultural hero", he is a Father, patron and benefactor of the peoples, who taught them usefull skills, so his wisdom, knowledge and might surpassed human possibilities infinitely". (N.Ya.Gurevich, 1990, p.99). Ysyakh ritual organization regulates chaos in some way, transferring the Universe in cosmic time course. Ysyakh in the myth begins in intense situation.

According to its plot curse and rupture of family ties with Omogoi, death of Omogoi's favourite daughter preceded the holiday. In legends, growing intimacy of opposites took place before their unity, daughter's death took place during Ysyakh. "Suddenly in the middle of Ysyakh Omogoi's housemaid came running and said: "Favourite daughter Niyky Dakhkhan is trailing along the ground, fastening with bridle to mare's tail". (Historical legends, 1961, p.58). In legends favourite daughter, who was not chosen by Elley for his wife, rising the Sky became root of nine evil celestial girls, who did damage to people various diseases and disasters. (Ksenofontov G.V., 1977, p.52).

According to some plots Omogoi had three daughters. Two beautiful daughters came to their ugly sister, Elley's wife before the holiday. There was thorough preparation for Ysyakh, the girls saw ritual things, made by their sister and Elley and were overflowing with envy, so they hung themselves (p.50).

Preparation for Ysyakh, cultive inventories preparation has already modeled all the course of the holiday. "Barking strip a birch-tree he brought it to his wife and made her sew a big bucket "saar yagas" and some other kinds of birch bark dishes, from cattle skin he laid long rope for tethering a foal ("sele"). Made chorons, "kerien", "mataarchakh" from birch tree. After all these preparations Elley made a start of Ysyakh organization. Formed holiday "tuisuilge", surrounding it with birches (p.23). Set summer house - urasa, made of birch bark and decorated with patterns. His wife made vessel "simiir" for koumiss from bull's skin. She also made "kharallakh tellekh" on her husband's instruction. When all the dishes were replenished with koumiss, Elley organized Ysyakh. The main materials, from which ritual articles were made, had particular status, it served as initial raw materials for Universe and Man creation. Elley, preparing "a set of all cultive articles, made of divine raw materials, marked the Universe creation. (Baiburin A.I., 1989, p.67). Elley organized the holiday of koumiss sprinkling - "Ysyakh". Uruing Aiyy Toion lived above, there Uordaakh Diesegei Toion was, who gave the horses litter. Then there was Aiyyhyt Khotun with freckled nostrill, who gave cattle litter. Elley addressed to these deities with entreaty to multiply his herds. Since that time people, having faith in God's existing began to organize Ysyakh. When Elley made blessing to Uruing Aiyy Toion, yellow ilge, which was size of duck egg, dropped into his bowl from above. When he exclaimed Urui, white ilge, which was size of teal egg, dropped into his bowl. It rained during ritual. White birds, white, yellow ilge, rain, white horse hair are symbolic codes of Ysyakh rite. P.A. Sleptsov, linguist-researcher, wrote that tradition power, connected with mythology, ritual was real background, through which folk-lore word is perceived, in this connection the epithets in Yakut folk-lore not only "simply appreciate and describe, but they are full of mythological, symbolic sense". (Sleptsov P.A., 1992, p.98). Such position of the scientist led us to discovery of "rolling up" (by Sleptsov P.A.) in epithets. White birds - the symbol of the Upper

World, symbol of sky, embodiment of Aiyy celestial deities and a bird as personification of "kut"-the human soul. Silver birds as the symbol of future child were used in ritual "Aiyyhyt tardar", making by the family, which had no child or had only a few children.

In Yakut ritual "soul deprivation" the deprived soul (the deceased deprives the soul of his favourite man with him) was exposed to various transformation, the last -soul's changing into a bird and its joining to silver disk on Aiyy (White) shaman's head gear. (The archive of the Yakut Scientific Center, Savvin's A.A. material). It is interesting, human word itself changed into wise bird and flew properly and told the initial word. (Kulakovskiy A.E., 1927, p.44-45). During the holiday, where Elley appealed to deities, spirits with entreaty the word had the magic sense. Repetition of shaman's word formulas as if consolidates the sympathies to deities and spirits-irchi.

Yellow and white ilge. It is no mere chance that white and yellow ilge had the forms of eggs. An egg as world, space is known in many mythological-poetic traditions. Universe, sometimes Man arises from egg. (Toporov V.N., 1989, v.2, p.68). Yakut yellow and white ilge form an egg, i.e. the symbol of not only Universe springing up, but also it forms the Man's birth. "Ilge is God's gift, divinity fluid, yellow ilge is yellow moisture, butter, white ilge is divinity milk in Yakut mythology. (Pekarsky E.K., V.1, P918). Notions about milk as soul receptacle - human embryo were preserved in traditional world outlook of the Southern Siberia Turks. (Lvova E.L., Usmanova M.K., 1988, p.129-130). The semantic background of the Yakut word "ilge" also means human stock. Main deities gave "ilge"-living power not only for stock maintenance, but also for its reproduction. It is outstanding that Samodiy people's "il" as one of the forms of soul meant "living power". Apparently, the name of Ile, the name of vedic Goddess of sacrificial entreaty and prayer has the same semantic field with ilge-it is a personification of sacrifice with milk and butter. (The mythes of the peoples of the World, v.1, p.504).

Rain-it rains during ritual making in Yakut mythes. Here rain is celestial water, with the help of which holiday participants make ritual cleanness, in such way they got new birth. Not only people got it, but all his environment.

White horse hair-its semantic field is varied in Yakut epic, it is "thread-tie" between a Man and his ancestors of the world, tie with deities for the first. Elley, inviting Omogoi for Ysyakh said: "I am created, live by Chyngys-Khaan's and Odun-Khaan's (fate deities) rules, connected with Mother land by thin hair rope, with Universe by thin thread...". White horse hair is the birth symbol of the people Sakha. One of the plots of the myth about the people Sakha origin is developing during Ysyakh. "During Ysyakh at Uiruikan place, white shaman sang: "At one old time Aar Toion, craning his figure as three head foal, was standing, he moved two white suns aside and created the third, hung it between Sky and Earth and said: "The

Yakut people, who has its origin from three foams, be stronger, multiply." (Ovchinnikov M.P., 1912, p.34). Symbolics of living beginning is taking place in triad of such important concepts as the Sun, Aiyy-creation, soul. Nature and Man birth during Ysyakh encodes the whole holiday. In one of the versions about Elley there is mention that after Elley's algys (blessing) to deities, three white rings dropped into Elley's wife's koumiss cup. (Ksenofontov G.V., 1977). Three white are souls-"kut" of the Man. Two main deities of Yakut pantheon Uiruing Aiyy Toion, exponent of creative power and Aiyyhyt, divinity of fertility, who protected childbirth, provided a Man with soul. Aiyyhyt had the right "to give" or "not to give" the soul. (Kulakovskiy A.E., 1972, p.22). Child's acquirement soul (kut) as a divinity gift was a symbolic remove from UpperWorld,deities world, to Middle World, human world. That people, who had soul considered to be alive. According to Yakut belief, plants, trees, animals, birds also had soul (kut). Human soul is more complicate concept in Yakut religious-philosophical picture of the World. So, soul consisted of three elements: "Mother soul" (Ije kut), "Ground soul" (Buor kut) and "Air soul" (Salgyn kut). "Mother soul" is the main element of human soul, its basis, memory and energy, which he got from his Mother. "Ground soul" is terrestrial soul, i.e. material, corporeal. Physical health of Man depends on it. "Air soul" is spiritual world of Man. It is not surprising that in the mythes about Ysyakh origin, Elley or his son, Aiyy shaman, had special ritual spoon "clean spoon sprinkling with three dimples, as marked by eyes" tieing with horse hair. (Ksenofontov G.V., 1977, p.26). Apparently, it is no mere chance that the comparison of three rings-dimples with eyes, according to Yakut myth logic it could symbolize three suns. Sun connection with eye or sight was characteristic to solarium mythes of many peoples. On Troshansky, the Yakuts called the Sun "watchihg person" (Gabysheva L.L., 1991, 1.65). The logic course of the myth finds its proper lay out in ritual attributic of Ysyakh, so they made silver ring "Sun disc" -tuhakhta on the head-gear of Aiyy celestial shaman(at forehead). This disc, reflecting sun rays, absorbed the whole light spectrum, it symbolized the sky eye. During Ysyakh celestial deities Aiyy joined "kut" of future child to it. Archaic notions about the Sun as creative origin bearer were remained in ritual symbolics of festivity. Ysyakh is a holiday of three origins: Fire, Air, Earth. They "built" Macrospace. In mythopoetic tradition sacrifice through koumiss fire to deities and spirits Aiyy consolidated the beginning of Elley government, his new religion spreading.

Struggle of kind and evil, struggle of oppositions in the process of creation of new are shown not only in the mythes about Ysyakh organization, but it is the plot main gist in famous mythes about Yakut world creation. "Creator made the Earth very nice and smooth. Then evil spirit came down, began trampling it under foot and stratching it with his arms as a dog to annihilate the Earth. Though he was failed, but hills, valleys and rivers were formed. (A.Middendorf, 1886, p.820)." Aar Toion,

Uiruing Toion and Suige Toion decided to create the Earth and Sky. The Universe, that they created first, consisted of the Sky, which was as monetary ring and the Earth, which was alike a square mat, tellekh. This Universe would be for two generators, after what it would die of fire. Only two children, a boy and a girl would stay. The Sky would be as a ring and the Earth as a mat. The Universe would be given to these children and would be enlarged as earlier." (Lindenow. The description of the Yakuts.). The Earth symbol, white-black mat is a inevitable attribute of Ysyakh. According to other versions, kind deities created the Earth very nice and smooth, but evil spirit abaasy trampled it under its foot and stretched it. Its traces remained in the form of lakes, rivers and hills. After the Earth creation Uiruing Aiyy Toion created a Man. He made statues of people and left it in stone house, put watchman and said to him not to let evil spirits in. The last bribed the watchman, promising him warm fur-coat and entered the house, made dirty the statues of people with sewage. Then Uiruing Aiyy Toion turned the watchman into a dog, the statues-inside out. "Dualism of such kinds of mythes was typical for archaic thought. Cultive mythes about Yakut shamans are connected with the first creation mythes. In Yakut mythology the first "black" shaman Aan Argyl Oioon was so great, that could raise the deceased from the dead after 3 years and recovered sight to blind men. When Uiruing Aiyy Toion, Universe creator, knew about it, he sent a man to elucidate how Aan Argyl Oioon made such wonders and did he believe the Universe creator. Aan Argyl Oioon answered that he made wonders himself without any help and did not believe Uiruing Aiyy Toion. Then the creator ordered to burn Oioon. Shaman's body consisted of various amphibians, reptiles and fire. The spirits, giving famous shamans resulted from it. (The mythes of the people of the world, v.2, p.75). In Yakut mythes Aiyy Oioon origin (white shaman) was related to Elley mythological ancestor. Cultural hero himself made entreaty to celestial deities Aiyy. That fact that Elley was white shaman was laid by ritual itself. According to mythological notions of the Vilui Yakuts woman-shaman was occupied with creation of "Upper" (Great) shamans.

So, according to Yakut views, the Universe was formed from initial chaos-water. Further, as interaction result of contradictions of initial object, independent abstract values were formed: space-kuiaar and time-jyl. Besides, quantitative division of chaos-water to sky and earth, first vertical oppositions has appeared, Upper (sky) - Lower (earth), which were semantically organized and described the Universe.

Literature

1. Losev A.F. Mythology. Culture. Phylosophy. Moscow, 1992.
2. Baiburin A.K. Ritual in traditional culture. Siberia, 1993.
3. The mythes of the peoples, 1982, v. 2.

4. Oiunsky P.A. Yakut tales (olonkho), its plot and contents. Yalutia, 1962, v. 7.
5. Ksenofontov G.V. Elleyada. Yakutsk, 1977.
6. Gurevich A.Ya. Medieval world. Moscow, 1990.
7. Historical legends. 2 vol., 1961.
8. Baiburin A.K. Semantic aspects of things functioning. Ethnographic aspects of culture study, 1984.
9. Sleptsov P. A. Linguo-folk-lore problems and goals. (On Yakut folk - lore materials) - Folk-lore legacy of peoples of Siberia and Far East. Yakutsk, 1992.
10. Kulakovskiy A.E. Scientific works. Yakutsk, 1927.
11. Pekarsky E.K. Yakut language dictionary. Moscow, 1957.
12. Lvova E.L., Usmanova M.R., Sagalaev A.M. Traditional world outlook of Southern Siberia Turks. Novosibirsk, 1988.
13. Gabyshev L.L. To semantic interpretation of choron function. Folk-lore and modern culture of Yakutia.
14. Middendorf A. Trip to North and East of Siberia. Siberia, 1896, v.2.

Народные песни саха (Анализ текста мифологической песни первотворения)

С. Д. Мухоплёва

Прежде чем начать конкретный анализ текста песни, коротко охарактеризуем песенную культуру народа саха (якутов), учитывая что японский читатель еще малознаком с нею. Современное песенное искусство якутов состоит из трех взаимосвязанных пластов: традиционной народной песенной культуры, художественного самодеятельного творчества мелодистов и профессионального вокального искусства. Последний пласт начал интенсивно развиваться после Октябрьской революции 1917 г. под влиянием европейской (русской) культуры. В тот же период стихийно возникло самодеятельное песенное творчество мелодистов на стыке двух культур. Народное песенное творчество же – хотя оскудело, утратило свое былое богатство в связи с подрывом основ традиционной культуры (шаманизма, традиционных обрядов), занимало и занимает определенное место в современной жизни народа.

Фольклор в целом, в том числе и песня, в данное время бытует как бы в двух состояниях: «активном» и «пассивном». Например, являясь составной частью праздника ысыах (Нового года) и свадьбы, такие жанры как аллыс (песенное благопожелание) и песня кругового танца: осуохай «активно» бытуют, «живы» до сих пор, хотя сильно изменилось, как и сами обряды, как в плане выражения, так и в плане содержания. Кроме того, сегодня круговой танец: осуохай, благодаря усилиям любителей народного танца, приобрел еще одну «активную» форму бытования – «клубную». Клуб представляет собой общественную организацию со своим уставом, объединяющую любителей кругового танца. Члены клуба регулярно (один раз в неделю) собираются, устраивают разные мероприятия, каждое из которых сопровождается народными танцами – осуохай. В этой среде начинающий запевала осуохая имеет возможность повисить свое мастерство, слушая опытных запевал, т.е. здесь народная традиция сохраняется и имеет возможность быть переданным из одного поколения в другое. «Клубное» бытование, на наш взгляд, может стать одной из форм адаптации к современным условиям жизни и тех «пассивных жанров, которые «бытуют» в памяти носителей устного народного творчества и в архивах. «Пассивная» часть фольклора, к сожалению, составляющая большинство в общем объеме фольклорных жанров, была и является объектом исследования фольклористов и этнографов. Она с каждым днем уходит в небытие вместе с самими знатоками преклонного возраста, в

лучшем случае «замораживается» в архиве в виде звуко-, видеозаписи или записи от руки. Между «пассивным» и «активным» состояниями фольклора существует «промежуточная» область. Это – сцены сельских клубов, районных и городских театров, где во время концертов и фестивалей можно услышать и увидеть исполнение многих жанров фольклора.

Рассматриваемая нами песня под названием «Песня о сотворении земли – матушки» («Сир ийэ айыллыбыт ырыата») относится к «пассивной» части фольклора, которая «заморожена» в архиве. Ее текст составляет 432 стихотворных строк, он был записан от певца Ырыалаах Стапаан в 1940 году Захаровым. П. А. и Скрыбыкиным Д. А.. Рукопись ныне хранится в архиве Якутского научного центра (фонд 5, опись 3, единица хранения 546, лл.168–179) и будет опубликована с переводом на русский язык в томе якутских народных песен издаваемой в Новосибирске серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Сегодня неизвестно кто, когда и при каких обстоятельствах исполнял эту или другие подобного рода песни. Мы в своей статье по ходу анализа сделаем попытку найти ответы на них, поскольку источником такой информации может стать само содержание фольклорного произведения. Однако основная цель нашей работы – рассмотрение вышеуказанного песенного текста как определенной последовательности мотивов и в связи с этим постановка вопроса о систематизации мотивов и сюжетов якутских народных песен. Проблема мотива и сюжета, а также фольклорных указателей разработана фольклористами в основном на основе повествовательных жанров. Не углубляясь в обширную историографию вопроса, отметим, что понимание мотива как одноактного микросюжета, основой которого является действие (2, с.118), помогает при выделении элементарных единиц не только прозаических, но и отдельных песенных жанров. Структура элементарной единицы фольклорного произведения, мотива, уподобляется структуре предложения и поэтому действие в нем рассматривается как предикат, от которого зависят остальные составные части (субъект, объект и т.д.). Зависимые элементы мотива нельзя отрывать от предиката. Следовательно, последовательность мотивов в фольклорном тексте можно представить в виде таблицы, где каждый мотив занимает отдельную строку. Вооружившись пониманием мотива как структурно единого одноактного микросюжета, выработанного Е. М. Мелетинским, исходя из мифов творения, мы в качестве опыта составим таблицу последовательности мотивов «Песни о сотворении земли-матушки» (таблицу см. на с.194).

В таблице каждый мотив, состоящий из предиката и зависимых от него частей, имеет свой номер. Номера имеют буквенно-цифровое обозначение.

Цифры показывают порядковый номер единицы, а буквы указывают к какому типу элементарной единицы относится та или иная единица. В тексте выявлены три типа элементарных единиц: собственно мотивы, т.е. мотивы с референтной функцией, которые обозначены буквой А. мотивы-связки, отмеченные буквой Б, и эмотивные мотивы, следующие за буквой Б.

Элементарной единицей, предваряющей песнопение и проходящей через весь текст красной нитью и как собственно мотив, и как связка, является мотив видения. Он композиционно соединяет все элементы текста в одно целое, время от времени возвращая внимание слушателей к субъекту песнопения. Субъект – неопределенное лицо, имеющее способность «видеть». Такой способностью обладали шаманы (ойуун), шаманки (удаган), провидцы (кёрбюёччю), сновидцы (ичээн) и многие другие «специалисты». Они могли «видеть», узнать не только настоящее, но и прошлое и будущее после ритуального сна, во время камлания, когда устраивался специальный обряд «кёрююлэнии» (видение), или каким-то другим способом. Анализируемая песня представляет собою, на наш взгляд, произведение, исполненное непосредственно после такого обряда «видения». На это косвенно указывает факт сосуществования в тексте двух плоскостей действительности: настоящего и прошедшего, т.е. времени песнопения и времени видения. В настоящем времени, во время песнопения, певец вступает в контакт со своими слушателями, получателями информации, которые для него являются «друзьями», «ребятами». Он, не выделяя себя из их среды, передает им свои эмоции (мотив В1), обостряет их интерес (В2). Прошлое в песне представлено в двух видах: недавно-прошедшем и давно-прошедшем временах. Недавно-прошедшим событием, о чем гласит форма глагола, является обряд видения. Как показывает текст, видение было устроено при следующих обстоятельствах: после ритуального сна (мотив А1), летом (А2, А2.1.) — по народным воззрениям саха, лето, лучшая половина года, наступает при возвращении добрых божеств — на восходе солнца (А14), певец стоял лицом к востоку (А2, А2.1., А9), возможно, на возвышенном месте (А19, А21). Эти данные, полученные из текста, совпадают с обстоятельствами устройства церемонии встречи восхода солнца на ысыахе, проводившейся белым шаманом. Из «переходного» недавно-прошедшего времени певец попадает в давно-прошедшее мифологическое время, потом, возвратившись «оттуда» в актуальное время, ведает об увиденном, услышанном своим соплеменникам. Формальными показателями давно-прошедшего времени являются глаголы и слова «оказываются» (эбит) и «говорят» (юсю). Однако вышеуказанные слова сообщают не только о времени, они кроме этого указывают на то, каким путем получена

информация. Первое слово является индикатором того, что посредник, в данном случае певец, является очевидцем события, а второе показывает, что он — только хранитель и передатчик информации. Частотность слова «оказывается» в тексте выше. Оно встречается в 14 мотивах песни из 25 (A4–A8, A10, A11, A15, A16, A18, A20, A23, A24:1, 2, 3, 5, 6; A26), а второе слово употреблено только в двух (A3, A24: 4, 7) случаях. Это обстоятельство еще раз говорит о субъекте песнопения как о человеке, умеющем добывать информацию из потустороннего, давно-прошедшего времени. Почему же употреблено слово «говорят» в тексте? Этот вопрос поднимает проблему субъекта песнопения и исполнителя песни, ее хранителя и передатчика. Они не всегда совпадают, особенно в таких обществах, где наблюдается постепенное угасание традиционной культуры. По всей видимости, певец Ырыалаах Стапаан, от которого была записана песня, еще хорошо знал традицию, в прошлом мог быть белым шаманом и в силу своих религиозных убеждений еще остерегался описывать вне обрядового контекста «видения», боясь кары. Недаром слово «говорят» встречается в самом начале описания давно-прошедших событий, где певец еще остерегается, и в мотиве A24, менее сакральном, где и то, и другое слово употреблены как варианты одного понятия. Классическими, более показательными примерами несовпадения субъектов и исполнителей фольклорного жанра являются шаманские камлания, записанные под диктовку по особой методике фольклористами в 30-60-х годах как от шаманов, так и от их помощников «кутуруксутов». Как известно, в эти годы шла интенсивная борьба против шаманства, поэтому даже такие записи было весьма сложно делать. Проблема субъекта и исполнителя фольклорного произведения еще не изучена, она серьезным образом и не поставлена в якутской фольклористке. Однако сегодня это не тема нашей статьи. Итак, рассуждая о мотиве видения, цементирующем все произведение в одно целое, мы косвенно ответили и на вопрос, кто, когда и при каких обстоятельствах исполнял эту песню. Сейчас переходим к вопросу о систематизации мотивов.

Мифология, в том числе и мифологические песни, — малоизученная область в якутской этнографии и фольклористике. Отстает и публикация текстов. Так, опубликованы всего четыре мифологические песни первотворения (5), хотя в архиве собрано немало. О песнях данного рода писал Г. У. Эргис в своей известной книге «Очерки по якутскому фольклору». Он отмечает, что саха выделяли эти песни, считая их самыми древними, и подчеркивает, что они представляют собою отдельный жанр, а не отрывок из олонхо (4, с.291–293), указывает на их отличительные черты. Поводом для сопоставления мифологических песен и олонхо послужило то,

что вступительная часть якутского эпоса действительно похожа на мифологические песни. Однако она не поется, а декламируется, на что и указывает Г. У. Эргис. Сходство эпоса и песен вызывается, на наш взгляд, одинаковостью темы, но не мотивов. К примеру, возьмем тему моря в песне и олонхо.

Песня (мотив А4):

С тех пор
незамерзающим морем окружена, оказывается,
теплым морем окаймлена, оказывается,
ледяным морем защищена, оказывается,
черным морем закреплена, оказывается,
могучей рыбой морской основана, оказывается,
(3, л.170)

Олонхо:

... с волнующейся морской ширью
с вздымающейся морской пучиной,
с вздувающейся морской бездной,
с вертящейся морской осью,
с безбрежными морскими краями, ...
изначальная мать-земля
сияя, расцвела-сотворилась, оказывается.

(1, с.75-77)

Как видим, если в песне поется о процессе сотворения земли детально (динамика), то в олонхо описывается уже сотворенная земля как данность статика, поэтому в эпосе повествование о сотворении земли занимает всего один мотив, одну длинную тираду. Это становится возможным за счет нанизывания определений с аффиксом обладания – лаах (на русский язык аффикс передается предлогом «с»). Итак, предварительно можно сделать заключение, что общее между вступительной частью олонхо и мифологической песней первотворения наблюдается на уровне тематики. Строгое выделение мотива как элементарной единицы поможет, на что смеем надеяться, при сопоставлении не только отдельных жанров, как например олонхо и песни, но и произведений одного жанра. Первый просмотр показывает, что мифологические песни первотворения объединяются в одно целое общей тематикой и общим банком данных мотивов. На уровне сюжетосложения наблюдается большая вариация. В случае с вышепроанализированным текстом мотивы комбинируются (но еще не структурируются) в одно целое суммированием всего того, что увидел певец-субъект.

Выделение элементарной единицы песни и пробный анализ состава

мотивов текста сделаны на основе одной мифологической песни первотворения. При дальнейшей работе ожидается корректировка понятия мотива, углубление или расширение его, поскольку якутский песенный материал очень разнообразен по своему составу. (Даже сам термин «песня» следует еще уточнить, поскольку в якутском фольклоре нет единого жанра песня. На данном этапе работы мы под песней понимаем все, что поется.) Постепенное точное определение мотивы — не только гарантия адекватной классификации песенного материала, но и возможность создания полезного для всех указателя.

Список литературы

1. Кыыс Дэбиллийэ: Якутский героический эпос. — Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. -330 с.- (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
2. Мелетинский Е. М.: Семантическая организация мифологического повествования и проблема семиотического указателя мотивов и сюжетов // Труды по знаковым системам: Текст и культура. XVI. —Тарту, 1983. - с.115-125.
3. Сир ийэ айыллыбыт ырыата: Песня о сотворении земли-матушки/ Записано от Ырыалаах Стапаан Захаровым П. А., Скрыбыкиным Д. А.— Архив ЯНЦ, ф.5, оп.3, ед. хр. 546, лл. 168-179.
4. Эргис Г. У.: Очерки по якутскому фольклору. — М.: Наука, 1974. -404с.
5. Якутские народные песни: В 4ч. — Якут. кн. изд-во, 1977-1983. —Ч.1: Песни о природе. 1976. -232с.

Мотивы \ Единицы мотива	Локация (время и пространство)	Субъект/Отправитель	Предикат	Объект/Получатель	Материал	Цель
1	2	3	4	5	6	7
A1. Видение	—	неопределенный	проснулся, встал с постели, стоял: смотрел	мир, его за пределами	—	—
B1. Видение	тогда, когда стоял: смотрел	—	—	—	—	—
A2. Признаки возвращения добрых божеств Айы	на восточной стороне неба	пёстрое облако	появилось	—	—	—
A2. 1.	на восточной стороне неба	перевал (путь) божеств	раскрылся	—	—	—
B1. Эмоциональный возглас	—	неопределенный	выражает восторг	«увиденным» ребятам	—	—
B2. Видение	тогда, когда стоял - смотрел	—	—	—	—	—
A3. Творение моря	со стороны белого неба	божества (99 Дьёсёгёй, 88 Айы, 77 Иэйи эхсит)	говорят, собрались вместе, превратились в реки, стеклись в одно место, сотворили с помощью слова (алгыса)	море	—	—
A4. Установление пятичастного горизонтального сечения земли: нить моря	с тех пор	неопределенный «суша, земля»	оказывается, обрёл	пространственную форму, окруженную водной стихией с четырех сторон	—	—

1	2	3	4	5	6	7
A5. Творение Земли как планеты	—	безлично: неопределенный	оказывается, сотворил	землю как планету	—	—
B2. Нагнетание напряжения	—	неопределенный	сообщает	о продолжении песпопения друзьям	—	—
A6. Признаки явления бога грома	—	грудью его	оказывается, был ветер	—	—	—
		крыльями его	был молнии			
A7. Хаос, вызванный богом грома	—	вершина неба	оказывается, заиграла	—	—	«очищение земли от нечисти»
		бог грома	бызвал хаос			
A8. Водный круговорот в природе	—	безлично: неопределенным лицом	оказывается, установлено так: облака, тучи (небесная вода) выпадают в виде осадка - плодородного дождя; морская, океанская вода (земная вода) поступает в атмосферу в виде пара	—	—	вызвано рост трав, растительности
A9. Видение с риторическим вопросом "Кто так сотворил?"	—	неопределенный	стоял: смотрел	запредельную сторону желто: белого неба (восточную сторону)	—	увидеть субъект творения
B3. Видение	тогда, когда стоял так, смотрел	—	—	—	—	—
A10. Существование божественной пары	—	божественная пара Юрюнг Аар тойон и Юрюнг Арылы хотун	оказывается, существует, были назначены верховными божествами Верхнего и Среднего Миров	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7
Б4. Видение	тогда, когда стоял: думал так	—	—	—	—	—
А11. Творение небесного купола	—	неопределенный	оказывается, изготовил, построил	небесный купол	ось-из солнца, матицу-из плеяд, стены-из боковых звезд, закрепил Венерой, подтянул звездами большой медведицы, украсил звездами, поводком для удержания Неба сделал Луну	—
А12. Отсутствие видимой связи между Небом и землей, невозможность описания параметров Неба	—	неопределенный	не увидел не смог описать	связи между Небом и землей параметров Неба	—	—
А13. Видение	возвышенное место Среднего мира	неопределенный	стоял, думая смотрел	—	—	—
Б5. Видение	тогда, когда стоял так	—	—	—	—	—
А14. Восход солнца	—	солнце	взошло, осветило	поверхность восьми стран	—	—
Б6. Видение	после	неопределенный	стоял: наблюдая	—	—	—
А15. Установление горизонтального сечения Среднего мира (земли): нить гор	—	Средний мир	оказывается, обрёл	пространственную форму, окруженную горами, центр-суша, твердь земная	—	—
А16. Творение речек	—	неопределенный	оказывается, создал	речки	—	чтобы Средняя страна прокормила людей и скот
А17. Видение	—	неопределенный	стоял:смотрел, созерцал	материнскую землю со всех сторон	—	—
Б7. Видение	тогда, когда стоял: смотрел так	—	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7
A18. земельный массив и его богатства	—	неопределенный	оказывается, богат	полями, лугами, аласами и разными видами трав	—	—
A19. Видение	—	неопределенный	стоял: думал, стоял: смотрел	в сторону низкой горы	—	—
B8. Видение	тогда увидел	—	—	—	—	—
A20. Лесной массив и его богатства	—	неопределенный	богат оказывается	лесами, тайгой, рощами и зверями, дикими ягодами	—	—
A21. Видение	—	неопределенный	стоял: смотрел	на реки	—	чтобы узнать, какие они
A22. Водный массив и его богатства	—	неопределенный	Описывает	речки и реки молочные, изобилующие разными видами рыб	—	—
A23. Создание вышеописанной материнской земли	—	верховное божество Юрюнг Аар тойон	оказывается, создал	благотворительную, милостивую землю-мать	—	для блага человека
A24. Устройство праздника Ысыах A24.1. Наступление лета	—	земля матушка	оказывается, разукрасилась	—	—	—
A24.2. Жертвенное место	—	земля матушка	оказывается, заимела	жертвенное место	—	—
A24.3 Кумысная утварь	—	кумысная утварь	выстроилась, в ряд оказывается	—	—	—
24.4. Жертвоприношение	—	неопределенные лица	говорят, сделали жертвоприношение кумысом	небу	—	—
A24.5. Сбор, встреча	—	народ	собрался, оказывается	—	—	—
A24.6. Угощение	—	люди	угощаются, оказывается	—	—	—
A24.7. Ысыах	—	неопределенные лица	говорят, устроили	ысыах	—	—
A25. Возвращение к мифологическому первоначалу	в этот день, в этот час «в день ысыаха»	вся указания изначальная мать: земля	оказывается, существует «возрождается»	—	—	—

Folklore at the Lower Kolyma Region

Kimiko SAITO

Tokyo Institute of Russian Language

On August 2, 1994, we reached Yakutsk, the Capital of Sakha Republic. Since we had less than a week to stay in the Arctic Circle, we could only see limited aspects of the people's everyday life. However, we shared loom and board with people there and obtained much important information. I would like to report here on the life of the native population, particularly the women, and their folklore.

Foods

We often find that the northern peoples eat only meats and fishes and do not eat any vegetables. But, wild vegetables like berries and lily bulbs, which women gather, occupies a substantial proportion of their diet. In case of the Orolchach Community where we visited for research; however, meats and fishes are all of their eating. When I asked Maria, the only woman and the cook of the Community, about eatable grasses and berries, she answered that it was not possible to gather even berries. Mushrooms are eaten neither by people in this community nor by northern peoples. We heard about a method of gathering wild vegetables in this district; they gathered edible roots such as carrots "stored" in the holes of mice during winter. This unique method of gathering is widely known in Siberia.

It appears that in this region where natural resources are abundant people can get enough meats and fishes for the Community. Men, being engaged in reindeer-breeding, are occupied with fishing in the rivers and swamps, hunting of migratory birds such as wild ducks, and hunting of wild reindeers migrating in the tundra. They get foods for a year and keep them in ice-houses.

Fishes they catch in the rivers and swamps are kinds of white salmon and burbot, etc. They boil and eat these fishes in most cases soon after catching. Like the other northern peoples, they eat frozen fishes by slicing (for example, shaving with a knife). *Coregonus nasus* is a white meat of light taste. They eat *Coregonus* raw by cutting it into small pieces. In Siberia people generally do

not eat food with salt and don't like salty taste.

Reindeers are eaten raw sliced or boiled. Peoples still have the tradition of eating raw meats and fishes, but, among the children living in school boarding houses, Russian dishes are getting popular. Recently, the cost of living has increased much, and people cannot easily buy vegetables. It is, therefore, feared that there might be bad influences on their health due to the lack of balance in nutrition.

Tradition of Folklore and Rise of Ethnic Consciousness

In Andryushkino village 1100 persons live. They are the northern minority peoples such as Evens, Yukagirs, as well as Russians and Ukrainians. After the fall of USSR, school curriculums changed, and now their native languages are taught up to the 10th grade. The new curriculum has started only recently. Hearing from old men and writing down the stories started to write textbooks. A child learns Russian, English and his/her own native language, selecting one from Yakut, Even, or Yukagir.

On August 10, I and Prof. T. de Graaf visited three Even families living in Andryushkino to hear and write down their folklore.

Nikolaevna, a mother of the Sleptsov family told a folk tale "A lazy fledgeling" and sang a lyric song and a lullaby. We recorded them. Her son, Nikolai Mikhailovich, was a leader of a folklore ensemble. He sang a lyric song for us and told two miraculous stories from his own experience. They were about his dream, and we thought that he really took the dream as a message from the world of spirits. The lyric songs were improvised, and each person had his/her own songs. It was very interesting that the mother and her son had quite different melodies for the lyric.

Evdokija Mikhailovna Klepechina's maternal grandfather was a shaman. When she was young, she was a woman of temperament and really possessed shamanic abilities. For example, she could predict coming of a visitor or someone's death. She sang three songs of herself and her dead husband.

There live 200 and more Yukagirs in Andryushkino. Unfortunately, we could not find time to visit them and to record their folklore. We would like to visit them next time and realize our wish.

In this expedition we were struck by the rising ethnic consciousness after the fall of USSR. Now, people have a strong will to appreciate the tradition of their culture and ethnic identity and hand them down to their sons and daughters. We could already see their education replete with their traditional culture and activity, such as the folklore ensemble. The movement has just started, and we expect further development.

コルィマ河下流域のフォークロア

齋藤君子
東京ロシア語学院

8月3日、ヤクート言語文化歴史研究所長イワノフ氏はわたしたちを出迎え、「この夏はこちらはずっと悪天候が続いていたのですが、今日やっと太陽が顔を出しました。これはきっと、あなたたちが日本から夏を運んできてくれたのでしょう」といって笑った。首都ヤクーツクの7月は例年になく雨が多かっらしい。だが、幸いわたしたちの滞在中は晴天が続き、日中は夏服、朝晩はその上に長袖のシャツをはおる程度でよく、猛暑の日本からやってきたわたしたちを喜ばせた。

しかし、調査の目的地であるツンドラ地帯の陽気は涼しいのをはるかにとおり越していた。日本人には真冬並みの寒さだった。サハ共和国は人間が常住する土地としては、地球上でもっとも気象条件の厳しいところとして知られている。冬はマイナス70度以下になることもあり、夏は40度近くまであがる。寒暖の差が100度を越すところは地球上にここをおいてない。とくにコルィマ河流域は帝政時代に流刑地になり、「檻のない牢獄」と呼ばれていたところである。

この夏のツンドラはヤクーツクとは逆に雨が少なく、例年なら一帯が湿地になっていて、野地坊主の頭だけが水の上に顔を出しているはずだが、乾いた野地坊主がお碗を伏せたようにぼこぼこつらなっているばかりだった。水不足のために草の生育が悪く、トナカイの食料が不足して困っていた。トナカイは夏は草やサルヤナギの葉を食べ、冬はトナカイ苔を食べるのだ。コケモモなどのベリー類もほっそりと弱々しげで、申し訳程度に豆粒のように小さな花をつけているばかりだ。同じツンドラと言っても、ラップランドの景色とはまるで違う。ラップランドでは白樺や松の疎林が続き、地面はウグイス色に光るトナカイ苔やコケモモの赤い花で覆いつくされていた。だが、ここには木と呼べるような木は一本もなく、地面を覆っているのは地衣類と、サルヤナギや樺の木などの低木ぐらいのもので、それもせいぜい10センチぐらいの高さしかない。視界を遮るほど高いものは自然界になに一つない。

今回のフィールドワークは期間が短く、北極圏に滞在できる日数はわずか1週間に満たなかった。わたしたちが目にするのができたのは彼らの生活のごく1部に過ぎないが、彼らと寝起きをともにする中で多くの貴重な情報を得ることができた。その中から先住民女性の暮らしぶりと口承文芸に関することを中心に報告したい。

1 食生活

一般に北方民族といえば肉や魚ばかり食べていて、植物性のものは摂取しないかのように思われがちだが、実際には女たちが採集してくるベリーやユリ根などの植物が食物全体の中で占める比重はけっして小さくない。ところが、わたしたちの調査対象となったオロルチャチ共同体においては、肉と魚が文字どおりすべてであった。ベースキャンプのあるヘンジャでも、遊牧地の一つ、チョングヴァルでも、わたしたちが滞在中に口にした野菜はというと、わたしたちがヤクーツクで買って持参していった少量の野菜を除けば、乾燥タマネギぐらいである。これは彼らの住居のあるアンドリュウシキノ村の店で小麦粉などと一緒に売られている。自給自足に近い生活を送っている彼らにとって、お金を支払って買うものは貴重品だから、このタマネギもスープの味付けなどにはほんの少々加える程度である。これではとても野菜を食べているとは言えない。オロルチャチ共同体唯一の女性で、炊事係を勤めているマリヤおばさんに食用になる草や実について質問してみたが、やはりこのあたりではベリーも採れないという返事だった。キノコは北方民族全般にそうであるように、食べる習慣がない。山菜の採集でこの地方でおこなわれているのは、ネズミが冬に備えて巣穴に貯えている人参に似た根菜をちょうだいしてくるぐらいである。このユニークな食料調達方法はシベリアに広く流布している。

肉や魚に関しては、オロルチャチ共同体に関する限り、問題はなさそうだった。自然の恵み豊かな当地では、共同体の男たちはトナカイ飼育に従事するかたわら、川や沼で魚を捕ったり、カモなどの渡り鳥やツンドラを移動する野生トナカイを仕止めたりして、一年分の食料を氷室に貯蔵している。氷室は永久凍土にまず縦穴を掘り、そこからさらに横穴を掘ったもので、想像以上に広がった。横穴の大きさはちょうど地下鉄の車両1両分ぐらいある。風雨や獣の進入を防ぐために地上に小屋掛けしてあり、トナカイやヘラジカなどの大型獣の肉を地下に降ろすための滑車が備え付けられている。

びっしりこおりつつあるの階段を手すりにしがみつくようにして地下に降りると、まるで壁一面に宝石がはめこまれているかのようにきらきら光っていて、そこはまるで別世界のようだった。横穴のあちこちに野生トナカイの肉やカワカマスなどの魚が無造作にころがっている。壁際には大きな麻袋が2つ立てかけられていて、中にはさまざまな種類のカモが詰めこまれている。

このあたりの川や沼で捕れる魚はチル、ムクスン、シグなどのシロザケの仲間や、カワメンタイ、カワカマス、コクチマス、ニシンなどである。伝統的漁法はもっぱら網を用い、釣竿を使うのはロシア人だけである。9月はニシンが産卵のために川を遡上する時期にあたり、1時間ごとに網を点検しないと、網がニシンの重みで沈んでしまうという。調理法は捕れたてのものを熱湯でさっとゆでて食べることが多い。鮮度のいい魚は調味料を必要としない。ゆで汁の方はスープにする。凍った魚をナイフで削るように薄く切って食べる食べ方も北方民族全体に見られる。チルは白身の淡泊な魚で、たたきにして食べる。内臓を除去して開き、塩を振って3日置いてなじませたものを細かく刻んで食べるのである。塩を振るといってもごく少量で、たいへん淡泊でおいしい。もともとシベリアの民族は料理に塩を使う習慣がなく、塩辛い味を好まない。1945年生まれのコライの話では、彼の子供のころはまだ塩を使わない伝統的な料理を食べていたので、塩漬けの魚の味がどんなものか、まったく知らないで育ったという。ところが最近では食生活が変化したせいか、アレルギーの子供が増えているようだ。

トナカイの肉もゆでるか、凍ったものをうすく削って食べる。半解凍のレバーを薄切りにしたものはたいへん栄養価が高くてごちそうだが、食べ慣れない人には強すぎて下痢を起こすので要

注意である。

このように肉や魚を加熱しないで食べる伝統が今も生きている一方、寄宿舎生活を送っている子供達を中心に、ロシア料理が浸透している。魚や肉をミンチにしてパン生地で包んで揚げたものをわたしたちもキャンプ地で何度かごちそうになったが、材料の鮮度がよく、町のレストランで食べるものより数段おいしかった。だが、こうした食生活の変化がこの数年間に新たに発生した問題と重なり、今後住民の健康にどんな影響を与えるかが懸念される。というのは、ソビエト政権崩壊以来、商店の棚から野菜や果物が完全に姿を消してしまったのである。北方民族に対する政府の援助がなくなった結果、空輸に頼る以外にすべのないツンドラ地帯では、輸送費がかかり過ぎるために品物の値段が高騰し、逆に給料は北方手当がなくなって都会より低くなってしまった。その当然の結果として購買力の著しい低下を招き、野菜や果物は高根の花になってしまった。わたしたちがアンドリュースキノの商店をのぞいたときも、棚はがらがらだった。栄養の偏りが住民の健康をむしばんでいることは否めない。

2 オロルチャチ共同体のマリア

この共同体では牧童たちと常時行動をともにし、ツンドラで遊牧生活を送っている女性は現在のところマリア・ニコラエヴナ・クリーロヴァただ一人である。彼女は1935年にツンドラで生を受けて以来ずっと、ツンドラを遊牧して暮らしてきた人で、定住生活というものを知らない。学校教育もまったく受けていない。エヴェン語とヤクート語を話し、ロシア語は解さない。毎日の料理はいうまでもなく、トナカイの解体から皮なめし、服や靴の縫製まで、女の手仕事すべてを一人でこなしている。夏場は獣医の資格をもつナージュダ・ミハイロヴナ・シードロヴァがトナカイの治療のためにアンドリュースキノからやってくるが、その他の季節は紅一点である。

「女一人で寂しくない？」とわたしが尋ねると、彼女は怪訝そうに、「夫も息子も一緒だから、少しも寂しくない」と答えた。彼女は夕食のあと、若いころに即興で作ったという叙情歌を2曲うたってくれた。「冬、トナカイを追って牧童たちが遊牧している。天気がよく、心はのびやか、満たされた気分がトナカイの群れを追う。だれひとりいず、すばらしい」。そんな心情をうたったものだ。都会の雑踏に慣れたわたしの目にはツンドラの景色はあまりに茫漠として寂しすぎるが、この土地で生まれ育った人にとっては、広々としたツンドラに一人身を置くことは最高の喜びであるらしく、これと似通った歌詞の歌を他にも聞いた。

「アンドリュースキノにいるといろんな病気にかかるけど、ツンドラへ行けば治ってしまう」

そう言ったのは昨年までこの共同体の牧童頭を勤めていたミハイル・セミョーノヴィチ・タターエフの奥さん、エヴドーキヤ・プロコーピエヴナである。彼女はヤクート人で、幼いころ、まるで叙事詩の主人公を思わせるような体験をしている。彼女が2歳のとき、父親が猟に出た留守に母親が亡くなり、死んだ母親の乳をしゃぶっているところを見知らぬ人に助けられて育てられた。実の父親が彼女を探しだして引き取ってくれたときにはすでに7歳になっていた。学校には2年間通った。初婚の夫はユカギル人で、2人の間に3人の子が生まれた。3人ともツンドラのテント小屋で出産した。彼女は30歳のときに最初の夫を亡くし、その後タターエフ氏と再婚した。64歳の彼女には歯が1本もない。「ツンドラで歯が痛くなったらどうするの」と尋ねると、「抜いてしまう」と言って笑った。「子供のころはつらかった。小さな体に薪をかついでひきずってきたり、飲み水にするために湖の氷を切り出してくるのは子供の仕事だったからね」と語ってくれた。彼女の話聞いていて、わたしはシベリアで広く語り伝えられている一つの昔話を思いだし

た。母親から水汲みにいくように言われた女の子がいろいろと口実を作ってさぼろうとする話で、怠け者の娘は最後に鳥になってしまう。ツンドラの子供たちはみな、この昔話をしょっちゅう聞かされて育ったはずである。このあとアンドリュースキノでエヴドーキヤ・ニコラーエヴナさんが語ってくださった「怠け者の雛鳥」はこれの類話である。

3 子授け祈願

かつて社会保障制度のなかった時代にはどの民族であれ、子のない夫婦にとって老後の問題は深刻だったが、遊牧民の場合にはなおさらだった。ヤクートでは子宝に恵まれない女が木に祈りを捧げて子供を授かったという話が広く流布しており、現在もこの信仰は根強く生きている。次はエヴドーキヤ・プロコーピエヴナから聞いた話である。

昔、子供のいない女の人が女シャマンのところへ力を貸してほしいと頼みに行った。女シャマンは特徴のある形（てっぺんが王冠のような形）をした木を探し出してそこへ女をつれていき、木についている虫を取らせて飲ませた。その甲斐あって女は妊娠し、月満ちた男の子を生んだ。ところがこの子はふつうの子ではなく、季節の変わりめになると変調をきたし、酔っぱらいのように体を左右にふらつかせて歩く子だった。この話を耳にしたある男が「そんなばかなことがあるものか」と言い、その木から虫を取って飲んだ。するとおなかが大きくなりはじめたが、男なので出産することができず、おなかがはちきれて男も子どもも死んでしまった。

ヤナ河中流のヴェルホヤンスク地方の習俗を記述したフジャコフはこの種の信仰に関していくつかの事例を記述している。それによると、子授け祈願の対象となる木には上の方がこんもりと丸く繁っているカラマツが選ばれる。こういう形をしたカラマツはめったにないので神聖視されるのだろう。この木の下に頭と足が付いた、純白の雌馬の皮を敷き、その上にクミス（馬乳酒）をいれた器を置き、皮の上に座って次のように祈る。

「わたしを育ててくださった守り神さま、わたしを創造してくださった産神さま、あなたたちはわたしにこれまで子供を授けてくださいませんでした。わが大地の霊よ、わが植物の霊よ、子供をお授けください。大地の霊と花咲く植物の霊が宿る巣、頭がこんもりとまいるカラマツの木の霊からわたしに子供を降ろしてください。わたしの家と火を受け継ぎ、わたしの骨を葬るために、子供をつくってわたしにお授けください」

樹木の霊が願いを聞きいれて子供を授けてくれる場合は木がきしみ、馬皮の上に木虫が落ちる。それを拾って呑み込むと妊娠する。ヤクートの人々がみな信じているところによると、このようにして身ごもった子は風が吹いている間は（15歳になってさえ）じっと座っていることができず、たえず体を左右に揺らしているという。こういう子は長生きできず、30歳ぐらいまでしか生きられないとされる。

ヤクーツクの友好博物館の2階展示場にも子授け祈願の場を再現するコーナーが設けられていて、聖なるカラマツの木が立っている。研究員の説明によると、ある学者が追跡調査をした結果、子授け祈願をした女たちの願いが実際、かなり高い確率で叶えられていることが判明したという。真偽のほどは別にして、この習俗が女たちの間で今なお根強い人気があることを示していて、たいへん興味深い。この話と関連してエヴドーキヤはもう一話、わたしに次のような話を語ってく

れた。

やはり子のない女がいて、女シャマンのところへ助けを求めにいった。すると女シャマンはこう言った。

「願いは叶えてはやるが、わたしの力には限界がある。ウサギ族からなら子どもを授けてやる」 こうして生まれた子は顔が小さくて目がウサギのように大きく、近眼だった。この子からウサギ族が生じ、今もこの一族はアンドリュースキノに住んでいる。

ある一族の起源を動物に求めるこの話がトーテミズム的観念に支えられていることは明白である。「誰がこの一族の人間か、わたしにはわかっているけど、それは言わない」。エヴドーキヤはそう言って話を結んだ。

ヤクートの昔話に「十月して子を生んだ」という表現がしばしば見られるように、かつては月齢で妊娠期間を数えた。妊婦は十月めにはいると、夕刻新月に向かって頭を下げ、「お月さま、あなたが生まれた月に、どうかわたしのお産も無事に済みますように」と言ってひざまずく。

子供が生まれたあと三日間はけんかをしたり、騒いだり、食器をガチャガチャいわせたりしてはいけないとされる。この期間は森の霊や草の霊が集まってきているので、彼らをおどすと生まれた子が死んでしまうと信じられているからだ。お産から三日目には、揺り籠を作って赤ん坊をいれ、悪霊から守るために揺り籠の中には野ばらの根をいれ、外には熊の足や鈴を結びつける。そしてこの子の運命を占う。産婆が揺り籠のそばで眠り、そのとき見た夢を占うのである。産婦の床上げもこの日に行われる。

ヤクートの昔話に日本の「運定め」とよく似た、次のような話があるが、話の背景には上記のような習俗があることがわかる。

ある男が森で獲物をたくさん仕止めて、町へもって行って売り、そのお金で冬に要るものを買った。家に帰る途中で日が暮れたので、男は一軒の裕福な家に泊めてもらうことにした。ちょうどこの日、この家の嫁のお産がはじまり、おばあさんが手伝いにきていた。

旅の男は夕飯を食べて、眠ってしまった。眠っている間にこんな夢を見た。美しい野原に立つモミの木の下で休んでいると、あちこちから7人の子供たちがまるでそよ風のように軽やかに飛んで、集まってきた。子供たちは「どうかわたしたちが運の強い子孫を授けますように！」とうたい、踊りはじめた。そのとき、突然大きな音がした。子供たちは驚いて四方に散った。しばらくして子供たちはもとの場所に戻ってきて、「おまえが予言しろ」、「いや、おまえがやれ」などと言い合っていたが、結局、いちばん大きい子がこう予言した。

「前半の半生は力も快活さも人並でありますように。後半の年齢に達したら、病気にかかって魂が抜け出しますように」

ほかの子供たちも「それがいい」と言い、ちりぢりに飛んでいってしまった。

男は赤ん坊の泣き声で目を覚まし、「あれはこの子の運命にちがいない」と思った。その話を家の人たちにすると、おばあさんが悲しそうに言った。

「わたしの手がかじかんでいて、棚からフライパンを取ろうとした拍子に床に落としてしまったんだよ」

おばあさんはそう言って口をつぐんだ。定められた運命を変えることはできないんだ。

ヤクートには幼くして両親を亡くした子供たちを悪霊から救うために、人に頼んで盗んでもらう習俗がある。川を渡ると足跡が消えるので、もはや悪霊は追ってこないといわれる。死んだ母親の乳をしゃぶっていた幼いエヴドーキヤを見知らぬ人が連れ帰って育てたという実話の背景にも、このような習俗があったのではないかと想像される。

ヤクートには子供たちと関係の深い不思議な存在として家の霊がある。これは日本の東北地方に伝わる「座敷童」に近いもので、10歳ぐらいの子供の姿をしていて赤ら顔で、髪は茶色く、青い目をしていると言われる。子供たちと遊ぶのが好きで、ときには子供たちを森の中へ連れ去ることもある。「おれのことを親に話すな、話せば殺すぞ」といって脅したり、十字架を身につけている子供を追い払ったりするが、ふだんはおとなしく、人や家畜に危害を加えるようなことはしない。汚れた皿を放置しておく、夜中になめるとも言われる。この霊のために竈のかげに食べ物置き、祈りを捧げるところもある。

4 住民の健康と自然環境

ヤクートの乳児の死亡率は並外れて高い。1930年の資料によると、1000人生まれた子供のうち、600人から800人が1歳未満で死亡している（ちなみにロシア共和国全体では230人から250人）。母親たちは痩せほそっていて、中には体重がわずか28キロという人もいた。現在でも幼児の死亡率はきわめて高く、1歳から9歳までの男児の場合、ロシア人の1.5倍、女児は1.7倍に達する。20代の男性の死亡率は同じ年齢のロシア人の2.1倍、女性はなんと2.2倍である。平均寿命も農村部で男性59.3歳、女性68.7歳とかなり短い。原因としては気象条件の厳しさ、栄養状態の悪さ、衛生観念の低さに加え、最近ますます深刻化している環境汚染など、さまざまな要因が考えられる。乳幼児の死亡の原因の一つに挙げられている先天疾患についても、1980年から90年までの10年間に障害をもって生まれてきた子供の数は3.5倍に急上昇しており、新たな社会問題になっている。

ヤクートの自然環境に影響を及ぼしている元凶としてまず最初に挙げられるのは鉱物資源の採掘である。例を挙げれば、ダイヤモンド採取により毒性の高いタリウムを含む工場排水が川に垂れ流されており、神経、循環器系、肝臓、腎臓などの病気を引き起こしている。ヴィリュイ河に水力発電所が建設された結果、周辺の生態系に急激な変化が生じているとの報告もある。生息する魚の種類は26種類から15種類に激減した。北部のフロマ川のように、30年にわたって錫が採取され、死の川となった例もある。さらに深刻なのはヤクートの地が放射能汚染地帯になってしまったことである。領土内で行われた地下核実験は12回に及ぶ。

わたしたちはアンドリュースキノの墓地を訪れ、墓石に刻まれた銘を一つ一つ見て歩くうち、若い人の墓が多いことに気づいた。そのわけを土地の人に尋ねると、一つにはボートから川に転落するなどといった事故死が多いせいだという。しかし、理由はそれだけではない。住民全体に履病率が高く、短命なのである。

5 口承文芸の伝承と民族意識の高まり

アンドリュースキノ村はエヴェン、ユカギル、ヤクートなどの北方少数民族に混じってロシア人、ウクライナ人などが居住する人口1,100人の集落である。共通語はヤクート語とロシア語で、年輩の住民の多くは母語以外に1つ、ないしは2つの言語を解する。生業はトナカイ飼育と狩猟・漁猟で、ヤクートの伝統的生業である馬の飼育に従事しているものもいる。トナカイ飼育者たち

はローテーションを組んでツンドラを遊牧し、非番の週はアンドリュースキノの自宅で静養する。両親が遊牧生活を送っている家庭の子供たちは家族と離れて、アンドリュースキノの寄宿舎で暮らしている。

ペレストロイカ以後、この村でも民族語教育がはじまった。以下は学校でユカギル語を教えるアンナ・ガヴリーロヴナ・ヴィエルディリナ先生（1942年生まれ）から聞いた話である。

ソビエト時代、1956年までは学校の授業はヤクート語で行われていたが、その後ロシア語に替わり、民族語の授業は3年までになった。しかしこの制度では、両親と離れて寄宿舎暮らしをしている生徒はせっかく自分の民族の言葉を覚えてもその後使う機会がないために、忘れてしまうのが現実だった。カリキュラムが見直され、現在は10年生まで民族語の授業が行われている。新制度はまだスタートしたばかりで、プログラム作りからは始めている。目下、年寄りたちから聞き書きをしている段階で、まだ本にはなっていない。子供たちはロシア語と英語の他に、母語としてヤクート語、エヴェン語、ユカギル語の3つのうちから1つを選択することができる。

8月10日、わたしとデ・グラーフさんのふたりは文化会館内にある郷土博物館の館長を勤めるドーラ・ミハイロヴナ・ニェウストローエヴァさんに案内を乞い、エヴェン人の家庭を3軒訪ね、話を聞かせてもらうことができた。

最初に訪れたのは民族文化の伝承に熱心なスレプツォーフ家だった。母親のエヴドーキヤ・ニコラーエヴナ（アンドリュースキノで1926年に生まれる）と息子のニコライ・ミハイロヴィチ（1949年生まれ）はわたしたちの求めに応じて昔話や歌を披露してくれた。ニコライはトナカイ飼育者で、輪舞ができる唯一の人として村のフォークロア・アンサンブルの指導にあたっている。ここでは3年前から児童によるフォークロア・フェスティバルが催されていて、とくに93年以後活動が活発化している。93年のフェスティバルの様子を後ほどビデオで見せてもらったが、子供たちが自分の民族の伝統文化を受け継ごうとする熱意が感じられ、未来に明るい期待を抱くことができた。

母親のエヴドーキヤさんは幼い子供に語り聞かせる短い昔話「怠け者の雛鳥」を語ってくれた。母鳥が娘に水を汲んでくるように頼むが、怠け者の娘はなにかと口実を見つけて母親のいいつけを聞かないというストーリーである。このタイプの一般的な話では主人公は人間の母と娘で、母親のいいつけをきかない娘が最後に鳥になって終わるが、ここでは最初から鳥の親子が登場するのがおもしろい。

母さん鳥が娘の雛鳥に、
「水を汲んできておくれ」
と言った。すると雛鳥がこう言った。
「手がすり切れるから、いや」
「手袋をはめればいいわ」
「手袋が濡れるから、いや」
「濡れたらかわかせばいい」
「どうやってかわかすの？」
「太陽が出ればかわく」
「太陽が出たら、手袋の縫い目が切れちゃうわ」
「切れたら縫えばいい」

「針入れはどこにあるの？」

「針入れは高い、高い木の上にある。ホーンゴド、ホーンゴド」

昔話のあと、エヴドーキヤとニコライが1曲ずつ叙情歌を歌ってくれた。いずれもツンドラに
いるときに即興で作った歌だというのが、母と子で旋律がまったく異なる点がおもしろい。エヴドー
キヤの旋律は抑揚が少なく単調ではあるが素朴で、北方民族特有の哀調を帯び、茫漠たるツンド
ラをひとりあるく彼女の姿が目浮かぶようである。ニコライの歌の方は近代的でめりはりがあり、
ヨーロッパ音楽の影響をいくぶん受けているように感じられる。ニコライの話では、このメ
ロディーは広々としたツンドラをひとりであるいていて、狼にかみ殺されたトナカイの死体を目
にしたときに浮かんだものだという。メロディーについて歌詞もひとりでに浮かんできたのだそ
うだ。「母トナカイが狼の牙にかかって殺されたが、子トナカイは太陽に暖められ、すぐに速く
走ることをおぼえた」という内容の歌詞である。彼はできた曲を忘れないようにするため、すぐ
にギターで弾いて記憶にとどめたという。北方民族は歌を即興でつくることを、「歌が自分の方
からやってきた」と表現するが、その伝統がここでも生きていることがわかる。ニコライの幼い
息子もすでに自分で作った歌をもっているが、残念なことに、はずかしがってわたしたちの前で
はついに歌ってくれなかった。

次にニコライは自分自身が体験したふしぎなできごとを語ってくれた。

夜の12時に仕事を終えて、放牧地からモーターボートで川を進んでいたとき、1昼夜睡眠
をとっていなかったのも、ついうっかり眠ってしまった。誰かがうなじに座っている気配が
して振り返ると、そこにおじいさんがいて、「安心して寝てろ」と言った。しばらくして背
中を揺すられて起こされた。目を開けると、ボートが岸に衝突する寸前だった。あわててハ
ンドルを切って、かろうじて事故をまぬがれた。

川は夏場の主要な交通手段だが、北方民族は泳ぎを知らないし、たとえ泳げたとしても、夏で
も日本の冬並の気温しかないこの土地では、厚手のセーターにヤッケという重装備でモーターボ
ートに乗るので、水中に投げ出されたらまず命はない。ここでは水の事故で命を落とす人は珍しく
ない。ニコライはつねに自分が霊に守られ、霊の加護のもとに暮らしていると感じている。霊が
病床にある彼の夢枕に立ち、危険から守ってくれたこともある。彼はさらにこう語る。

病気で休暇をとっていた。ここ（アンドリュースキノの自宅）へきて療養していたが、ト
ナカイの放牧地へ戻ろうと思った。これまで一度も寝込んだことがなかったので、戻りたく
てしかたなかった。

そんなあるとき、夢を見た。（モーターボートの）エンジンをかけて出発した。すると向
こう岸になにやら真っ白いのがいて、わたしを引き留めて、こう言うんだ。

「止まれ。引き返すんだ。もしおまえが先に進むなら、おまえを引っつかんでこっちへつれ
てくるぞ」。

真っ白い、雲のように大きな、白い、白いものがわたしを引き留めるんだ。わたしはびっ
くりしてボートの向きを変えて、村へ引き返した。

目が覚めて、年寄りにこの話をすると、「行くんじゃない」と言われた。彼はそれっきり

行かなかった。

ニコライは夢の中のできごとを霊界からの伝言として真摯な気持ちで受け入れていることがこの話からわかる。

最後にエヴドーキヤが孫娘をあやしながら歌ってくれた子守歌を聞かせてもらい、わたしたちはこの家を辞した。

次にわたしたちは引率者のドーラさんのおばさんにあたるエヴドーキヤ・ミハイロヴナ・クレペチーナさんの家を訪ねた。彼女は1938年にチョグルダフ地区のツンドラで生まれ、8歳のときにアンドリュースキノにやってきた。子どもが7人と孫が10人いる。彼女はたいへんな働き者で、1952年にチェルスキーからアンドリュースキノまでトナカイの群れを追って遊牧した経験の持ち主である。昔は物がなく、チュムを覆うトナカイ皮のシートを日中は毎日はずし、それをトナカイの群れを囲うのに用いるという生活だった。だから昼間はみな外にいるほかなく、子供たちも外で遊んだ。夜になるとまたシートをチュムにかぶせて寝た。子供のころは電気はおろかマッチもなかったの、ペーチの穴からもれる明かりで勉強した。秋は霧が多いので、いちばんたいへんな季節だったと言う。

彼女の母方の祖父はシャマンだった人で、彼女も若いころはシャマンの素質があり、予知能力があった。客のやってくるのが事前にわかったり、人の死を予知することができた。目の中をなにか黒いものがちらついて、それが落下すると人が死んだ。よく夢見をし、トナカイの群れを追っていく様子を夢に見て、どのトナカイが死ぬかまでわかった。40歳を過ぎてそういう能力がなくなった。娘のガリーナにも同じ資質があって、夢でみたことが現実になる。エヴドーキヤは家族とともにずっとツンドラを遊牧して暮らし、服、帽子、靴、手袋など、夫と7人の子供たちが身につけるものすべてを自分の手ひとつで作ってきた。親が寄宿学校へ入れるのはかわいそうだといって行かせなかったの、ロシア語は話さない。今年夫を亡くし、おまけに現在、娘が重症の心臓弁膜症で入院中なので、とても歌をうたえる状態にないと言っていたが、いろいろ話をするうち、自分の歌と夫の歌を3曲もうたってくれた。病気の娘の身を案じて涙ぐみ、うたえなくなる場面もあった。

最後に訪れたアンナ・イヴァーノヴナ・クレペチーナは1932年生まれ的女性で、5年間寄宿学校で学んでいる。子供とはエヴァン語、孫とはロシア語で話す。彼女からは子供のころサルヤナギでトナカイを作ったり、トナカイの角を立てて投げ縄をして遊んだりした思い出話を聞かせてもらった。

アンドリュースキノには200人あまりのユカギル人が住んでいるが、今回は滞在時間が短く、話を聞けなかったのは残念だった。次回に期待したい。

短い滞在だったが、土地の人々と接してもっとも強く感じたことは、ソビエト体制が崩壊した現在、民族意識がかつてない高まりを示しており、一人ひとりが自分の帰属する民族の伝統文化を見直し、継承しようとしている意気込みが感じられた。その端的な現れが学校における語学教育の充実と民族アンサンブルの活動の活性化である。だが運動はまだ始まったばかりで、資料の蓄積はこれからである。ヴィエルディリナ先生は、「モスクワやベテルブルグからさまざまな学者が調査にやってくるが、集めた資料を全部持ち帰ってしまい、地元にはなにも残していかない」と愚痴をこぼした。わたしは帰国後、この村で収録したビデオをダビングし、感謝の言葉を添えて博物館に寄贈した。

引用文献

- 1 И.А.Худяков, Краткое описание Верхоянского округа. стр. 191-2, Наука, Л., 1969
- 2 Там же. стр. 182
- 3 Там же. стр. 185
- 4 Якутский фольклор. стр. 159-162, Сов. писатель, Л., 1936
- 5 И.А.Худяков, Там же, стр. 194-195
- 6 У.А.Винокурова, Сказ о народе Саха. стр. 62, Бичик, Якутск, 1994

The Belief of the Sakha (Yakutia) People in the Spirit of Fire, Reflected by the Prayers (Algys)

Munehisa YAMASHITA

Lecturer in Japanese at Sakha State University

According to general mythological ideas of ancient Sakha, side by side with gods and devils there are various kind and evil creatures which are the spirits of different places, mountains, forests, water, fire, animals, birds etc. In order to cajole them a man makes a sacrifice to them (f. e. "feed" the fire with the best morsel), pronounces good wishes or prayers (algys).

Among all these spirits, the spirit of fire occupies the main place. Algyses to the spirit of fire are of particular interest.

16 manuscript algyses in the Sakha language are collected in the archives of the Sakha Scientific Center.

This paper attempts to investigate the belief of the Sakha people in the spirit of fire based on the analyses of 10 algyses.

The form of the algyses is not fixed. But about 50 percent of the initial sounds of the lines alliterate. Same suffixes form the end rhyme. Sometimes the syntactic parallelism is found in the texts.

The spirit of fire is personified and represented as an old man. The set epithets such as "Gray-bearded", "Gray-haired like frost" or "Eating a somewhat decayed tree" are often used.

The 10 prayers were intoned in the following situations: before a meal, hunting or a trip; in hoping for the well-being of a family and livestock: in making a fire on a new land; in a ceremony of a shaman; for the purpose of calming a fire or curing a skin disease the spirit of fire caused.

The algyses are metaphorical and symbolical, but the contents of them partly coincide with the facts of the folk materials. For example, the phrase "With a hammer of the eagle clan" in the text of the algys, a blacksmith used to intone to cure the measles, coincides with the description in the folk material that the only man from the eagle clan can cure a skin disease the spirit of fire caused.

It is hoped that this brief paper may give some impression of the algys as a beautiful piece of folklore and the use of it in the past, extending to the present in some situations.

祈禱文から見たサハ（ヤクート）人の火の信仰

山下 宗久

サハ国立大学外国語学部

I. はじめに

サハ人の家庭に招かれると、食事の前に一家のあるじが、町ならばガスレンジの火に、村ならば暖炉の火に、家内安全や客人の幸福をお祈りして、火に食べ物やお酒を投げ与えるのをよく目にする。サハ人の火に対する信仰は、現在でもこのような形で残っていることが窺える。

ところで、ヤクーツクにある「ロシア科学アカデミー・シベリア支部・サハ学術センター」のアルヒーフには、火の神に対するサハ語の祈禱文¹が、筆者の知る限りでは16点収められている。本稿では、その中から10の祈禱文を選び、その形式と内容を考察して、サハ人が火の神をどのように信仰していたかを探ってみたい。

なお、便宜上、古い順に10の祈禱文に番号をつけることにする。各々の祈禱文のインフォーマント、採録者、採録年、採録地は以下の通りである。

- ① I. シャードリン（68歳）、F.ポポフ、1937年4月1日、ヤクーツク（シャードリンはヤクーチアの南西端にあるヴィチムの出身）
- ② D. ノヴゴロドフ（55歳）、S. ボロ、1938年2月7日、ナム地区（ヤクーツクに北接する地区）
- ③④ I. エレメーエフ（79歳）、A. サーヴィン、1938年2月25日、ヴィリュイ地区（ヤクーチアの西部）
- ⑤ S. アンモーソフ、ドミートリエフ、1939年、ハンガラズ地区（ヤクーツクに南接する地区）
- ⑥ S. スヴェーレフ（39歳）、A. サーヴィン、1939年、スタール地区（ヤクーチアの西部）
- ⑦ N. アトラソフ（80歳）、G. ワシーリエフ、1944年、アブイ地区（ヤクーチアの北東部）
- ⑧ G. ニクーリン、G. ワシーリエフ、1945年、アブイ地区
- ⑨ V. アンモーソフ、G. ワシーリエフ、1945年、アブイ地区
- ⑩ A. ザハーロフ、パヴロフ、1945年6月13日、アムガ地区（ヤクーチアの中央部）²

II. 祈禱文の形式

II-1. 頭韻法

サハの祈禱文には特定の型はないが、サハの口頭伝承の他のジャンルと同様に、頭韻法が頻繁に用いられている。祈禱文⑧の冒頭部を例に挙げてみよう。³

1 Aan bastaan	原初の時
2 Sir xallaan üöskeetevitten	天地創造の時以来
3 Avys ataxtaax	八本足で
4 Alta d'uluo tarbaxtaax	六本指はまったいら
5 Ahyam gien abalammyt	食べてしまうぞと息巻き
6 Ama d'iker sanaalaax	つまらぬことを考える
7 Ad'araj xaan bövönü	悪霊の中の悪霊を
8 Ajyy siritten	神の造りし世界から

9	Arald,yta tuojbut	追っ払うため吟唱した
10	Aryn bastaax	なで髪
11	Atyyr ojun kihi	屈強のシャマンは
12	Amannaax algyhynan	代々伝わるお祈りを
13	Astynnara alyaabyt.	あなた様が満足なさるようお唱えしました。
14	Ayys kihi üjete	八代にわたって
15	Ajgyraabat	安寧をもたらします
16	Aal kuduk xolumtany <i>m</i> iččite,	聖なる炉口に宿る神様よ、
17	Inseleex ije tyly <i>m</i>	私の燃えるような母なる言葉が
18	Ejiexe inen turdun!	あなた様にしみわたりますように!

この祈禱文の3行目から16行目までは、行の始めがすべて/a/の音で韻をふんでいる。また、3行目と12・13行目では、各語が/a/の音で始まっている。

10の祈禱文すべての頭韻を調べた結果、行頭で韻をふむ割合は約50% (440行中223行)であった。頭韻法に関しては、次のような手法も見られる。

Tuñuj burgunas	まだ子を産んだことのない若い牡牛の
Tordoxtoox toburayyn	少し傷んで煤けた肉を
Tuhaajan erebin.	差し上げます。(祈禱文⑥)

ここでは、tordoxtooxの語頭のto-と韻をふむために、本来はtöbüreyinであるはずの語が、to burayynと音変化を起こしている。⁴ この手法は祈禱文⑥⑨⑩でも見られる。

なお、口頭伝承の他のジャンルでは、頭韻をふむために、sobus-soyotox (一人ぼっち) や xap-xara (真っ黒な) のsobus-とxap-のような前置助詞が時々使われることがあるが、火の神に対する祈禱文にはこの手法は見られない。

II-2. 脚韻法

サハの英雄叙事詩(オロンホ)や民謡と同様に、祈禱文には次のような脚韻法が時々用いられる。

1	Ürgünn'ex saya	ふわふわして居心地の良い
2	Ürüñ orduum iččite!	光満ちたわが家に宿る神様よ!
3	Kül teeexteex,	灰を寝床に
4	Kömör syttyktaax,	炭を枕に
5	Küökkenn'ik suoryannaax,	燃えがらを掛け布団にして、
6	Ahaax mas ahlyktaax,	少し朽ちた木を食べ
7	Üöl mas üteleex,	伐ったばかりの木を貯え
8	Kytaanax mas yctyalyktaax,	硬い木を噛み、
9	Uhun buruo uollaax,	息子は長い煙
10	Kylgas kyym kyystaax,	娘は短い火の粉、
11	Kyydaannaax kyha iččite!	燃えさかる炉の神様よ!

3行目から10行目の最後の -teex, -taax, -naax, -leex, -laaxは、名詞につく接尾辞で「～を持っている」という意味を表し⁵、サハの口頭伝承では、登場人物の所持品や性格を描写する際などに用いられる。

さらに、祈祷文⑥から脚韻法の例を2つ引いてみよう。

Arđaj ahyylaayynan ahylyktanammyn,	私が鋭い犬歯を持つものを食料にしてから、
Anayastaax tarbaxtaayynan ajyllammyn,	私が犬歯と指を持つものによってつくられてから、
kej baraan kerbeni telejemmin,	私が供物をお供えする小屋を立ててから、
Suo-xaan yllygy ulkujammyn,	私が畏敬すべき小道でまごついてから、
Xaan silik xaspaxtaryttan	立派で美しい巣穴から出てきた
Xara sahylynan xardyylat,	黒ギツネが足跡を残すように
Kyhyl sahylynan kyndyalat,	赤ギツネが頭をそわそわ動かすように
Kyys kyrynaahynan kyjmyylat.	若い雌のオコジョが衣服の縁飾りになるように仕向け てください。

行末に、はじめの例では「私が～してから」という意味の接尾辞-ammyn, -amminが、あとの例では使役態の接尾辞-tが繰り返し使われている。

これまで見てきたように、頭韻法では単に音が反復されるのに対して、脚韻法では形態論的な手段が活用されている。これはサハ語が膠着語に属し、語幹に様々な接尾辞がつくことによるものであろう。

II-3. 対句法

祈祷文には対句法がよく用いられる。祈祷文⑤を全文引用してみよう。

1 Aal uotum icčite,	聖なる火の神様よ、
2 Byrd'a bytyk	白い顎髭をたくわえ
3 Xatan temierije	激しく舞い上がり
4 Čüüčüü kylaman	たがねのようなまつ毛が生え
5 Saalyr čancyk	もみ上げも白髪の
6 Tojon ehekem,	尊敬すべきおじい様、
7 Tojus čölörköj kulgaayynan	九つの敏感な耳で
8 Tuojar tojukpun ihilleen	私の歌う叙唱に聞き入り
9 Alyyyp algyspyn isten	私の唱えるお祈りを聞いて
10 Aarygyrar aañyn ahan kulu.	呼び鈴のついたあなたの扉をお開けください。
11 Allaraa tutar keņsikim	下方に煙を立たせ
12 Üöheē tutar keņerdiim	上方に焦げた匂いを漂わせ

13	Mañan sylgy sielinen	白馬のたてがみで
14	Küömej tutan erebin.	おもてなしすることに致しましょう。
15	Tuox kelen tuojar	誰が来て歌っているのか
16	Xannyk kelen d'aahyjar dietexxine	どんな奴が来てがなっているのかとお尋ねなら、
17	Arbax bastaax atyyr ojun	濃くて長い髪を生やした屈強なシャマンの私が
18	Alyyy tamalyja kiiren kellim.	お祈りを唱えにやって来たとお答えます。
19	Tüör süllüges kürüöñ aanyñ	棒を四本渡した柵の扉を
20	Teleje ahan kulu.	開け放ってください。
21	Üc süllüges kürüöñ aanyñ	棒を三本渡した柵の扉を
22	Üreje ahan kulu.	払いのけてください。
23	Ierme d'iem iöçilere,	豊かな私の家に宿る神様たちよ、
24	D'iktirgii Kõrõn sohujumañ.	驚きおののかないでください。
25	Kieñ tiergenim iöçite,	広い庭に宿る神様よ、
26	Tuora kõrõn sohujuma.	横目で見ながらおののかないでください。
27	Aal uotum iöçite,	聖なる火の神様よ、
28	Kytaj Baxsy unha,	クィタイ・バフスイの親戚よ、
29	Tojon ehekkem,	尊敬すべきおじい様よ、
30	Kütüs kõmõ buol.	強力な助っ人になってください。
31	Kördöhüübün tönünnerime.	私の願いを突き返さないでください。

この祈祷文では、8行目と9行目、11行目と12行目、15行目と16行目、19・20行目と21・22行目、23・24行目と25・26行目が対句になっている。対句においては、頭韻法(19・20行目と21・22行目)、脚韻法(8行目と9行目、11行目と12行目)が用いられているほかに、同じ語の反復(例えば19行目と21行目のsüllüges kürüöñ aanyñ)、類義語の使用(例えば15行目のtuojarと16行目のd'aahyjar)、反意語の使用(11行目のallaraと12行目のtüshee)が見られる。

Ⅲ. 祈祷文の内容

Ⅲ-1. 人格神としての火

祈祷文の中で火は「聖なる火の神様」と呼ばれ、神格化されている。では、火の神はどのように表象されているのだろうか。祈祷文の中から主な表現を拾い上げてみよう。

尊敬すべきおじい様 :	祈祷文①②③④⑤⑥⑧⑩で用いられている
白い顎髭 :	②③④⑤⑥⑨⑩
霜のような白髪頭 :	②③④⑥⑨⑩
たがねのようなまつ毛 :	③⑤⑥
白髪のみみ上げ	⑤⑥⑩
激しく舞い上がる :	①⑤⑨
少し朽ちた木を食べる :	①②⑧⑨
伐ったばかりの木を貯える :	②⑧⑨
灰の寝床を持つ :	②③④
炭の枕を持つ :	①②⑧

灰や炭や燃えがらの掛け布団を持つ： ①②⑧

息子と娘がいる： ①②

これらの言い回しから、サハ人の間では火の神は擬人化され、年老いた男性とした表象されていることがわかる。

他のシベリア・極東諸民族について言えば、トゥヴァ、エヴェン、チュクチャなどでは火の神は男性であり、アルタイ、ハカス、ナナイ、ニヴフ、ウデゲ、マンシなどでは女性である。また、エヴェンクやユカギールでは地域によって男性であったり、女性であったりし、ブリヤートの祈禱文では男女が併存する⁸。

なお、U. ハルヴァは「ブリヤート人は火霊の男女の像を作っている」と書いているが⁷、サハにはこのような習慣はなかった。

Ⅲ-2. 祈禱の目的

かってサハ人は、日常生活の場でも、食前に火や肉や脂身の一番いい部分を投げ入れ、バターを注ぎ込み、家内安全を祈った。また、新居祝いや猟の成功などの祝い事があったときには、盛大に火の神にごちそうをした⁸。

それでは、本稿で取り上げた10の祈禱文は、誰が何のために唱えたのだろうか。個々の祈禱文を検討してみよう。

祈禱文①：家内安全と家畜の無病息災、さらに自分の皮膚病の治癒と生まれてくる子どもの幸福を祈願したもの。

祈禱文②：火の神に何らかの供物を捧げている。祈禱の目的は述べられていない。

祈禱文③：火の神に対して繰り返し「熱くなった御心をどうかお静めください」と唱えている。採録者の説明から、この祈禱文が火災の時に唱えられたこと、供物としてミルクとバターと馬乳酒が火に振りかけられたことがわかる。

祈禱文④：隠喩的な表現が用いられて、祈禱文からは祈禱の目的を知ることはできない。採録者の説明によると、火に食べ物を投げ与え、その時に出了泡を負傷者の患部に塗ったとある。

サハ人の間では、火に供物を捧げるのを怠ったり、尖った物で火を掻き起こしたり、火に唾を吐いたりして火を粗末に扱うと、火の神が怒り、罰として皮膚病や火災をもたらすと信じられていた⁹。

祈禱文⑤：本稿の対句法の項で全文を引用したこの祈禱文は、明らかにシャマンが唱えたことがわかる。しかし、その内容は非常に隠喩的・象徴的である。ヤクーツクにある人文科学研究所の研究員L. アファナーシェフの話によると、この祈禱文はシャマンの祈禱の導入部であり、シャマンが何らかの目的で、ふだんは悪霊の侵入を防ぐために閉めてある扉を開けて、自らの魂をある所へ飛翔させようとしている際に唱えられた祈禱文であるという。

祈禱文⑥：狩猟の前に猟師が、火の神にお祈りをして供物を捧げたあと、狩猟の神に狩猟の成功を祈願したもの。

サハ人の信仰によると、この世（中界）のすべてのものには八百万の神（サハ語ではイッチという）が宿っていて、その中で火の神は最も尊い神である。中界の他の神々や、天界と下界に住む神々（アイウィー）や悪霊（アバーフィ）に願い事があるときは、まず火の神にお祈りをして供物を捧げ、仲介者になってもらう必要があった¹⁰。

祈禱文⑦：旅の前に旅の安全を祈願したもの。

祈禱文⑧：鍛冶師が麻疹の治癒を祈願したもの。祈禱文の中の「タカ族に伝わる鎚を持つ」という表現は、火の神によってもたらされた皮膚病を治せるのは、タカ族出身の人けだったという記述¹¹と一致する。

祈禱文⑨：新しい土地で初めて火を起こすときに唱えられた祈禱文であることが、採録者の注釈によってわかる。

祈禱文⑩：食事の前の祈禱。祈禱の目的は述べられていない。

アルヒーフに収められている火の神に対する16の祈禱文のうち、祈禱文⑩だけはインファーマントが女性である。しかし、採録者の注釈から、この女性は祖父から聞いた祈禱を繰り返したにすぎないことがわかる。火の神に対する祈禱は専ら男性が唱えたと言えよう。

供物に関して具体的なことがわかるのは、祈禱文⑤と⑥だけである。祈禱文⑤では、白馬のたてがみを燃やし、煙と匂いを立たせている。これは今日でも婚礼や夏至祭りのときなどに目にする光景である。祈禱文⑥では「まだ子を産んだことのない若い牝牛の／少し傷んで煤けた肉を／差し上げます。／元気のいい斑の若い牝牛の／鼻につく脂身を／ごちそうします」と唱えられている。

アルヒーフには、火の神に対する祈禱文以外に、火の信仰に関する若干の記録も残されている。その中には、供物についての記述も見られる。例えば、婚礼や家畜の屠殺の際には、暖炉の中から掻き出した炭の上に肉片を置き、家畜（婚礼の場合は馬）の背中の血を火に注ぎ、お祈りをした。また、狩猟に行く日の朝には、泡立てた牛乳とバターを混ぜた物を火に与え、狩り場でも同じ物や煙草を火に与えた¹²。

IV. おわりに

以上、祈禱文を通して、サハ人の火に対する信仰の一端を考察してみた。かつて、祈禱文は様々な場面でいろいろな神々に向かって唱えられた。G. エルギスは『サハ口頭伝承概論』の中で、祈禱文に一章を割いたが、祈禱文を口頭伝承の一ジャンルとみなし、他のジャンルと比較してどのような特性を持つのか、他のジャンルとどのような関係にあるのかを調べることは有意義だと思う。また、祈禱文を民族誌などの資料とつぎ合わせれば、サハ人の信仰を総合的に理解することができるだろう。いずれの場合にも、祈禱文の中の隠喩的でシンボリックな表現には特別な注意を払う必要がある。

ここヤクーツクでも、祈禱文に関するまとまった研究はまだなされていない。今後に残された課題は数多いのである。

[注]

1. 祈祷文はサハ語で「アルグイス (алгыс)」という。
2. サハ語の表記は、1939年にラテン文字からロシア文字に切り換えられたが、10の祈祷文でも①から⑤まではラテン文字の表記になっている。

なお、各祈祷文のアルヒーフの請求番号は以下の通りである。

祈祷文①: Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 542, л. 31-35.

②: Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 542, л. 9.

③: Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 101, л. 17-18.

④: Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 101, л. 19-20.

⑤: Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 300, л. 3-4.

⑥: Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 30, л. 140-141.

⑦: Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 675, л. 88.

⑧: Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 675, л. 95-98.

⑨: Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 676, л. 65.

⑩: Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 677, л. 7.

3. サハ語は現在、ロシア文字で表記されているが、本稿では、一般にもなじみやすいラテン文字で表記することにする。
4. サハ語では、一つの単語の中で前母音か後母音かのいずれかがあらわれる(母音調和)。そのために、この場合も、語頭のtöがtoになると、残りの母音もすべて後母音に変化する。
5. 語幹の母音の種類と、語幹の最後の音によって、この接尾辞の場合には、-leex, -lööx, -laax, -loox, -teex, -tööx, -taax, -toox, -deex, -dööx, -daax, -doox, -neex, -nööx, -naax, -noox という16の異形態を持つ。
6. Курилов Г. Н. и др. Ритуалы поклонения огню народов севера Республики Саха (Якутия), Якутск, 1994, с. 5-12; Слепцов П. А. Традиционная семья и обрядность у якутов, Якутск, 1989, с. 82-83; Алексеев А. А. Забытый мир предков, Якутск, 1993, с. 17-18; Копырин Н. З. Изобразительные средства якутской поэзии (на якут. яз.), Якутск, 1981, с. 38; Уно・ハルヴァ 『シャマニズム』三省堂、1989年、223頁。
7. Уно・ハルヴァ 『シャマニズム』三省堂、1989年、223頁。
8. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору, М., 1974, с. 121-122.
9. Традиционные религиозные верования якутов в XIX - начале XX в., Новосибирск, 1975, с. 70.
10. Кулаковский А. Е. Научные труды, Якутск, 1979, с. 30.
11. Слепцов П. А. Традиционная семья и обрядность у якутов, Якутск, 1989, с. 81.
12. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 466, л. 10-11.

下記の論文はオンライン非公開です。

- I. Nagasaki : The Causative in Yukaghir Language (p.218-227)

[長崎郁：ユカギール語の使役態]

PROPOSALS of Yakutsk Language, Literature and History Institute on International Arctic Center Organization in Yakutsk

The Northern region is important in our country researching. One can see the most "typical problems of environment-men". Settling and mastering of it is outstanding historical event.

Now, aborigens of Yakutia are in extraordinary complex, demographic and historic situation. Their distinctive culture is being vanished under the pressing of industrial development.

The situation is critical in social development of the Yakutsk, the Evens, the Yukagirs and the Chukchies.

At the same time scientific researches of their problems insufficiently, despite the fact of these peoples, made their contribution in human civilization.

On this connection we propose scientific project "Man in the North". The main problems are:

1. Ancient cultures and environment in later kainozoic (pliocen - golocen) in Yakutsia. We research problems of the out-tropical origin of the mankind, early settling of America and harmonization of the ecological interaction in the North.
2. Traditional occupation, material culture, national customs, religion. We shall analyze all problems of our aboriginal peoples.
3. Agricultural and industrial experience of Yakutian (republic) development.
4. National spiritual culture (language, folk-lore, literature, art). It means cultural rebirth of the aboriginal peoples under the perestroika and democratization.

The results will be presented as books, conceptions, and practical recommendations.

The doer: the Yakutsk Institute of Language, Literature and History.

The principal of the Y. I. L. L. H.,

Doctor of History, professor: Ivanov, Vasiliy Nikolaevich

Perticipants in the Project [学 術 調 査 参 加 者]

- Shinji SAITO(Head Investigator) Nagoya City University, College [齋 藤 晨 二 (研究代表者)] of General Education*
[名古屋市立大学教養部]**
- Vasiliy Nikolaevich Ivanov Академия Наук Республики Саха (Якутия)Институт Гуманитарных Исследований
[サハ共和国(ヤクーチア)科学アカデミー
人文科学研究所所長]
- Aleksandr Spiridonovich Shadrin [サハ共和国(ヤクーチア)科学アカデミー
人文科学研究所]
- Fyodor Mikhajlovich Zykov [サハ共和国(ヤクーチア)科学アカデミー
人文科学研究所]
- Fyodor Fyodorovich Washiljev [サハ共和国(ヤクーチア)科学アカデミー
人文科学研究所]
- Sergey Konstantinovich Kolodeznikov [サハ共和国(ヤクーチア)科学アカデミー
人文科学研究所]
- Ekaterina Nazarovna Romanova [サハ共和国(ヤクーチア)科学アカデミー
人文科学研究所]
- Svetlana Dmitrievna Moukhopleva [サハ共和国(ヤクーチア)科学アカデミー
人文科学研究所]
- Sardana Eremeevna Stepanova [サハ共和国(ヤクーチア)科学アカデミー
人文科学研究所]
- Mikhail Grigorjevich Turov Irkutsk University, Faculty of History
[国立イルクーツク大学歴史学部]
- Tjeerd de Graaf Groningen University, Faculty of Linguistics
[Groningen 大学言語学部]
- Scott Craig Gerlach University of Alaska, Department of Anthropology
[アラスカ大学人類学部]
- Russell Todd Gould University of Alaska, Department of Anthropology
[アラスカ大学人類学部大学院生]
- Yoshinobu KOTANI Nagoya University, Graduate School of Informatics

- [小谷 凱 宣] 名古屋大学大学院人間情報学研究科]
- Koichi INOUE
[井上 紘 一] Hokkaido University, The Slavic Research Center
[北海道大学スラブ研究センター]
- Shiro SASAKI
[佐々木 史 郎] National Museum of Ethnology
[国立民族学博物館]
- Hideo KATSUKI
[勝木 英 夫] Sakha State University, Faculty of Foreign Languages
[サハ国立大学外国語学部]
- Munehisa YAMASHITA
[山下 宗 久] Sakha State University, Faculty of Foreign Languages
[サハ国立大学外国語学部]
- Iku NAGASAKI
[長崎 郁] Sakha State University, Faculty of Foreign Languages
[サハ国立大学外国語学部]
- Kimiko SAITO
[斎藤 君子] Tokyo Institute of Russian Language
[東京ロシア語学院]
- Tohru IKEDA
[池田 透] Hokkaido University, Faculty of Letters, Department of Humanities and Human Sciences
[北海道大学文学部人文科学科]
- Atsushi YOSHIDA
[吉田 睦] Институт Этнологии и Антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Аспирант
[ロシア科学アカデミー民族学・人類学研究所大学院生]
- Hiroki TAKAKURA
[高倉 浩 樹] Tokyo Metropolitan University, Graduate School of Social Sciences
[東京都立大学大学院社会科学研究科大学院生]
- Hidemi UMEMURA
[梅村 英 美] Secretary
[事務]

* Now the School of Humanities and Social Sciences.

** [1996年4月より人文社会学部]

Research Sites and Responsibilities [調査地域および担当者]

平成5 (1993) 年度

Eveno-Bytantaiskiy Region, Republic Sakha, Russian Federation

[ロシア連邦サハ共和国エヴェノ・ブイタンタイスキー地区]

Namskiy Region [ナムスキー地区]

Gorny Region [ゴールヌィ地区]

Responsibilities [担当者]: Saito [齋藤], Kotani [小谷], Inoue [井上],
Ikeda [池田], Yoshida [吉田], Ivanov, Zykov, Kolodeznikov,
Romanova, Svetlana, Sardana, Gerlach

Katanga Region, Irkutsk, Province [イルクーツク州カタンガ地区]

Responsibilities [担当者]: Inoue [井上], Turov

平成6 (1994) 年度

Lower Kolyma Region, Republic Sakha [サハ共和国ニジネコリムスキー地区]

Responsibilities [担当者]: Saito [齋藤], Sasaki [佐々木], Saito, K. [齋藤 君]
Yoshida [吉田], Takakura [高倉], Zykov, De Graaf, Gould

Eveno-Bytaniskiyy Region, Republic Sakha [サハ共和国エヴェノ・ブイタンタイスキー地区]

Responsibilities [担当者]: Inoue [井上], Sasaki [佐々木], Takakura [高倉],
Gould

Katanga Region, Irkutsk Province [イルクーツク州カタンガ地区]

Responsibilities [担当者]: Inoue [井上], Turov

平成7 (1995) 年度

Gidan Peninsula, West Siberia [西シベリア ギダン半島]

Responsibilities [担当者]: Yoshida [吉田]

Eveno-Bytaniskiyy Region, Republic Sakha [サハ共和国エヴェノ・ブイタンタイスキー地区]

Responsibilities [担当者]: Sasaki [佐々木], Ikeda [池田], Takakura [高倉],

Katanga Region, Irkutsk Province [イルクーツク州カタンガ地区]

Responsibilities [担当者]: Inoue [井上], Turov

Moscow [モスクワ], Sankt Petersburg [サンクトペテルブルク]

Responsibilities [担当者]: Saito [齋藤], Kotani [小谷], Yoshida [吉田]

List of Collected Data and Printed Materials : Miscellaneous *

1993

1. Эвено-Бытантайский национальный район.
2. Распределение по национальности и языку
3. Численность населения Эвено-Бытантайского района по итогам переписи 1989 года.
4. Демографическая карта района за 1990-1993 февраль.
5. Одинокие матери Эвено-Бытантайского района.
6. Возрастной состав населения Эвено-Бытантайского района на полугодие 1992.
7. Демографические показатели по Эвено-Бытантайскому району за 1992 год (эвены)
8. Демографические показатели эвенов.
9. Тугясирский Сельский Совет предоставляет наличия населения п. Батагай-Алыта.
10. Численность населения района на 1.02.91.
11. Список других национальностей, проживающих в Саккырыре.
12. Список детей.
13. Численность детей по ФАБ и ЦРБ, состоящих на диспансерном учете.
14. Список детей Джаргалахского яслей-сада.
15. Список работников Джаргалахского яслей-сада.
16. Коллектив Саккырырского яслей-сада.
17. Список работников детского сада.
18. Список учащихся.
19. Список учащихся по национальности "ЭВЕН" Джаргалахской средней школы.
20. Список учащихся Джаргалахской школы.
21. Список учителей по национальности "ЭВЕН" Джаргалахской средней школы.
22. Кустурская средняя школа. Список учащихся-эвенов.
23. Кустурская средняя школа.
24. Саккырырская средняя школа. Список учителей эвенской национальности.
25. Список воспитателей Кустурского деткомбината на 1.03.92 г.
26. Список учителей-эвенов Эвено-Бытантайского района.
27. Список детей, бросивших учебу.
28. Список подготовительной группы.
29. Список эвенов проживающих в п. Батагай-Алыта.
30. Холостяки из числа эвенов.
31. Инвалиды из числа эвенов.
32. Список эвенов пенсионеров.
33. Список эвенов-работников Саккырырского Райпо на 25 октября 1992 г.
34. Саккырырское райпо. Работники из числа эвенов.

35. Список эвенов совхоза "Бытантайский".
36. Совхоз "Ленинский".
 - 1 Аппарат.
 - 2 Охотники.
 - 3 Саккырырское отделение МТФ (Молочнотоварная ферма).
 - 4 Механизаторы.
 - 5 Пошивочная мастерская, звероводы.
 - 6 Разнорабочие.
 - 7 Оленеводы.
37. Оленеводы.
38. Зарплата оленеводов.
39. Скотоводы.
40. Список кочующего населения Эвено-Бытантайского национального района.
41. Работники из числа эвенов.
 - 1 Тюгясирский сельский совет.
 - 2 Лесхоз.
 - 3 Саккырырский ясли-сад.
 - 4 Районный отдел культуры.
 - 5 Администрация.
 - 6 Саккырырская средняя школа.
42. Список Лесхоза на октябрь 1 992 г.
43. Служащие леспромхоза.
44. Список работников налоговой инспекции, земельного комитета, охраны природы и центра труда.
45. Подсобные хозяйства Эвено-Бытантайского района.
46. Среднемесячная зарплата работников Эвено-Бытантайской РПО ЖКХ.
47. Список Батагай-Алытинской РУС.
48. Зарплата населения.
49. Сведения о численности и средней заработной платы работников Эвено-Бытантайской ЦРБ по состоянию на 20 октября 1 992 года.
50. Список медработников и ИТР по Эвено-Бытантайской ЦРБ по состоянию на 20 октября 1 992 года.
51. Оплата телефонной услуги оказана. Единовременная материальная помощь. На строительство.
52. Список на получение, расширение квартир.
53. На расширение, на квартиру.
54. Список населения.
55. Список о владении мебели и электрических изделий.
56. На 1 января 1 993 г. в районе имеются:
57. Справка по итогам осмотра детского населения Эвено-Бытантайского района специалистами РЦОМид.
- 58-1 Отчет отдела соцзащиты.
- 58-2 Список малоимущего слоя населения.
59. Диспансерный учет по Эвено-Бытантайской ЦРБ за 1 991 -1 992 годы.
60. Таблица диспансеризации.

61. Данные дозиметрических измерений, проведенных Республиканским СЭС в октября 1 989 года на территории Тугясирского сельсовета.
62. Исследование источника река Юнкюр.
63. Подрядный договор.
64. Заявка на выделение телевизоров для остро нуждающихся.
65. Обращение к Министру по делам малочисленных народностей Севера.
66. Обращение к Министерстве малочисленных народов Севера по вопросу материальной помощи.
67. Список остро нуждающихся в материальной помощи из числа малочисленных народностей по Тугясирскому сельсовету на 1 6 октября 1 991 года.
68. Характеристика.
69. Обращение к Эвено-Бытантайским районным народным депутатам, написанное на якутском языке.
70. Вопросы по проблемам коренного населения, вносимые на рассмотрение районной сессии народных депутатов.
71. Обращение Ассоциация Народностей Севера (АНС) к председателю эвенской секции АНС по вопросу созыва всеэвенского съезда.
72. Социально-экономическое состояние эвенского населения за 1 990-91 гг.
73. Перечень охотничьих животных, добыча которых запрещена на территории Якутской-Саха ССР, а также занесенных в "Красную книгу" СССР и РСФСР.
74. Природа Якутии, в особенности уникальные растения.
75. Лечебные травы.
- 76-1. Эбээн-Бытантайга баар тыыннаах кыыллар-харамайдар уонна оттор-мастар. (Фауна и Флора Эвено-Бытантайского Района.)
- 76-2. Млекопитающие, насекомые, растения.
77. Малочисленные народности в Севере.
78. Заявление (на якутском языке).
79. Заявление (на якутском языке).
80. Газета "Бытантай" (на якутском языке). № 1 0. 1 992.
81. Газета "Бытантай" (на якутском языке). № 49. 1 993.
82. Газета "Бытантай" (на якутском языке). № 50. 1 993.
83. Схема электрофона "Лидер-206 Стерео".
84. Районные итоги учета скота на 1 июня 1 993 года. В Горном районе.
85. Районные итоги учета скота за 1 988-1 992 гг. В Горном районе.

1 994

1. Эвено-Бытантайский район. Начато - 1 989 г.
 - 1 Численность населения Эвено-Бытантайского района.
 - 2 Распределение по национальности и языку.
 - 3 Демографическая карта.
 - 4 Образование среди эвенов.

- 5 Эвено-Бытантайский национальный район.
- 6 На 1 января 1993 г. в районе имеются:
- 7 Оройуон тэрилтэлэрэ.
- 8 Оройуон биллиилээх дьоно.
- 9 "БОЧУОТ ЗНАГА" орден кавалардара:
- 10 Растения.
- 11 Животные и растения.
- 2. Паспорт Эвено-Бытантайского района Якутской-Саха ССР.
- 3. Социально-экономическое положение Эвено-Бытантайского национального улуса Республики Саха / Якутия в январе-декабре 1993 г.
 - 1 Численность населения.
 - 2 Народное образование, здравоохранение, культура.
 - 3 Производство мяса.
 - 4 Закупки мяса. Расход мяса на общественное питание. Качество закупаемого молока.
 - 5 Валовый надой молока. Средний удой на одну корову. Закупки молока.
 - 6 Заготовка пушнины.
 - 7 Заготовка сена. Выполнение прогноза заготовки кормов. Наличие кормов.
 - 8 поголовье КРС.
 - 9 поголовье лошадей.
 - 10 поголовье оленей.
 - 11 Поступление и сохранение приплода КРС.
 - 12 Поступление и сохранение приплода лошадей.
 - 13 Поступление и сохранение приплода оленей.
 - 14 Непроизводительный отход взрослого поголовья КРС, лошадей, оленей.
 - 15 Процент сохранения взрослого поголовья.
 - 16 Динамика развития поголовья зверей.
 - 17 Наличие техники.
 - 18 Запись актов гражданского состояния.
 - 19 Сведения о временной нетрудоспособности и травматизме.
 - О расходовании средств государственных внебюджетных фондов.
 - 20 Использование средств оказания помощи по категориям населения.
 - 21 Товарооборот, платные услуги.
 - 22 Отчет предприятий и организаций.
 - 23 Использование капвложений.
 - 24 Госзаказ мяса всех видов.
- 4. Материал: Саккырырская средняя школа.
 - 1 Некоторые сведения по истории Эвено-Бытантайского национального района.
 - 2 Краткий обобщающий обзор экономического развития района.
- 5. Разносная книга.
- 6. Список населения пунктов по Эвено-Бытантайскому улусу на 1 января 1994 года.
- 7. Список населенных пунктов по Эвено-Бытантайскому улусу на 1 января 1994 года.

8. Распределение наличного населения по полу и возрасту на 1 января 1994 г. по Эвено-Бытантайскому улусу.
9. Рождение, смерть, брак и развод по Эвено-Бытантайскому улусу.
10. Список детей, родившихся в 1993 году по району.
11. Умершие в 1993 году.
12. Численность малочисленных народов Севера на 1 января 1994 г.
13. Список детского населения по поселке Джаргалах.
14. Одинокие матери Эвено-Бытантайского района.
15. Список многодетных матерей с. Батагай-Алыта.
16. Список студентов Эвено-Бытантайского района п. Батагай-Алыта.
17. Список инвалидов.
18. Список инвалидов, членов БОИ по Эвено-Бытантайскому району.
19. Список детей-инвалидов по улусу.
20. Справка о инвалидности.
21. Список пенсионеров п. Джаргалах.
22. Требования к документам при поступлении инвалида или пенсионера в дом интернат.
23. Приложение к заявлению о поступлении в дом интернат.
24. Список малоимущего слоя населения.
25. Работники ЭБ МПМК, относящиеся к Распоряжению администрации за №260 от 28 августа 1992 г.
26. Эвены в Якутии.
 - 1 Народности Севера.
 - 2 Распределение населения по национальности, полу, языку. Городское и сельское население в процентах к общей численности. Возрастной состав.
 - 3 Число женщин на 100 мужчин.
 - 4 Распределение по состоянию в браке.
 - 5 Распределение населения по образованию.
 - 6 Распределение по районам.
 - 7 Прекрасен мой народ.
 - 8 Этика эвенского народа.
 - 9 Знаки зодиака.
 - 10 История моего народа.
27. Социально-экономическое состояние коренного населения за 1990-91 гг.
28. Справка о эвенах, проживающих по Нижне-Бытантайскому наслегу.
29. Список коренных народов-эвенов, проживающих по Нижне-Бытантайскому наслегу.
30. Список детей-эвенов до 3-х лет, неохваченных детским учреждениям.
31. Список детей-эвенов Кустурского детсада.
32. Список учащихся КСШ - эвенов.
33. Список абитуриентов на высшие, средне-специальные заведения на 1991-1992 учебные годы.
34. Список работников Саккырырского яслей-сада.
35. Список эвенов по Верхне-Бытантайской администрации на 1994 год.
36. Список военнослужащих-эвенов.

37. Список эвенов - пенсионеров.
38. Традиционная пища эвенов.
39. Постановление о поставках в города и промышленные центры Республики Саха (Якутия) сельскохозяйственной продукции местного производства в 1994 году. Приложение №1 к данному постановлению.
- 40-1 Постановление о государственной поддержке сельских товаропроизводителей в 1994 году.
 - 2 Приложение №1 Объемы закупок для формирования продовольственного фонда улуса за счет местного производства на 1994 год.
 - 3 Приложение №2 Примерное положение об улусных согласительных комиссиях местного производства.
 - 4 Приложение №3 Состав ценовых экономических зон.
 - 5 Приложение №4 Ставки выплат государственной поддержки сельским товаропроизводителям в 1994 году.
 - 6 Приложение №5 Положение о порядке выплаты государственной финансовой поддержки сельским товаропроизводителям в 1994 году.
41. Постановление №1 Заседание согласительной комиссии улуса.
42. План закупки мяса, молока на 1994 г. по Эвено-Бытантайскому улуса.
43. План сдачи молока в разрезе хозяйств по Эвено-Бытантайскому национальному улусу на 1994 г.
44. План сдачи мяса государству в разрезе хозяйств по Эвено-Бытантайскому национальному улусу на 1994 г.
45. Сельское хозяйство. 1.01.94.
 - 1 Закупочные цены на мясо, составленные согласительной комиссией от 4 марта 1994 года.
 - 2 Заявка о потребности хозяйств Эвено-Бытантайского улуса в комбикормах, зернофуражах на 1994 год.
 - 3 Приказ о повышении предельных уровней заготовительных цен на пушнину в сезоне охоты 1994 г.
 - 4 Указ президента Республики Саха (Якутия) об образовании государственно-кооперативной ассоциации "Саха Фермер" Республики Саха (Якутия).
 - 5 Бизнес-программа национальной акционерной оленеводческой компании "Таба" на 1994 год.
 - 6 Постановление общего собрания участников Национальной акционерной оленеводческой компании "Таба".
 - 7 Расчет получение компенсационной выплаты согласно постановлению Республики Саха от 12.02.94 г. №51.
 - 8 Мероприятие для проведения зимы на 1994-1995 гг. на сельскохозяйственных предприятиях по Эвено-Бытантайскому улусу.
 - 9 Национальная акционерная оленеводческая компания "Таба". Итоги деятельности.
 - 10 Постановление о поставках в города и промышленные центры Республики Саха (Якутия) сельскохозяйственной продукции местного производства в 1994 году. приложение №1 к данному постановлению.

- 11 План госзаказа мяса, молока в резерве наслегов для частного сектора по Эвено-Бытантайскому улусу за 1994 год.
- 12 План госзаказа мяса, молока в разрезе хозяйств Эвено-Бытантайского улуса за 1994 год.
- 46. Обращение к главу района о финансовой поддержке.
- 47. Список оленеводов Кустурского коллективного хозяйства и родовой общины "Тугэс".
- 48. Список оленеводов Джаргалахской общины и родовой общины "Лыбалаах".
- 49. Список оленеводов п. Батагай-Алыта.
- 50. Список оленеводов, коневодов Верхне-Бытантайской эвенской общины на 15 июля 1993 года.
- 51. Список кочующих эвенов с. Кустур Эвено-Бытантайского района.
- 52. Список оленеводов агрофирмы "Ленинский".
- 53. Численность кочующего населения в районах проживания малочисленных народов Севера на 1 января 1994 г.
- 54. Список кочующих эвенов п. Кустур.
- 55. Список оленеводов, коневодов, охотников проживающих в Эвено-Бытантайском улусе.
- 56. Отчет о состоянии оленеводства.
- 57. Сведение о контракте продукции животноводства в разрезе хозяйств Эвено-Бытантайского улуса на 1994 г.
- 58. Подворный список хозяйств по учету оленей на 1 января 1994 года по Тюгяси́рскому сельсовету.
- 59. Подворный список хозяйств по учету оленей на 1 января 1994 года по Нижне-Бытантайскому сельсовету.
- 60. Подворный список хозяйств по учету оленей на 1 января 1994 года по Верхне-Бытантайскому сельсовету.
- 61. История происхождения малочисленных народов Севера.
- 62. Карта Эвено-Бытантайского национального района.
В масштабе 1:500 000

И другие некоторые материалы на якутскому языке.

* Some information which may threaten the privacy of persons has been withheld.

サハ共和国（ヤクーチア）エヴェノ・ブイタンスキー地区収集資料

1993年借り出し資料

（整理・翻訳 梅村英美）

1. エヴェノ・ブイタンスキー民族区概要
2. 民族・言語別人口分布
3. 1989年人口調査
4. 人口動態 1990-1993. 2
5. シングルの母親（93. 2. 10）民族・子供の数
6. 年齢別人口 1992年上半期
7. 人口動態（エヴェン人） 1992 年齢別
8. エヴェン人の人口動態
9. バタガイ・アリタの住民数
10. 地区人口，学校の職員数（91. 2. 1） 民族別
11. サクルィル在住の他民族住民リスト（民族，職場）
12. 就学前児童の出生年別リスト
13. 児童数
14. ジャルガラハ保育園園児リスト（生年月日，民族）
15. “ 職員リスト（生年月日，職種，月収，民族）
16. サクルィル保育園職員リスト（職種，月収）
17. 幼稚園職員リスト（家族数，月収，住居，学歴，職種）
18. 生徒のクラス別リスト（生年月日，民族）
19. ジャルガラフ中学校のエヴェン人生徒リスト（学年，生年）
20. “ 生徒リスト（エヴェン人？）
21. “ エヴェン人教師リスト（生年，科目，収入）
22. クストゥル中学校のエヴェン人生徒リスト（学年別）
23. “ 教師・生徒リスト
24. サクルィル中学校のエヴェン人教師リスト
25. クストゥル児童コンビナートの保母（民族，学歴，月収，住居）
26. エヴェノ・ブイタンスキーのエヴェン人教師リスト（学校別，収入）
27. 中途学業放棄者リスト（民族，生年月日，やめた年，理由）
28. 就学前児童リスト（92. 2. 25） 生年月日，民族
29. バタガイ・アリタのエヴェン・エヴェンキ人リスト（生年月日，民族，性別，学歴，職場）
30. エヴェン人の独身者リスト（年齢）
31. エヴェン人の障害者リスト（等級，手当）
32. 年金生活者リスト
33. サクルィル地区消費組合のエヴェン人従業員（92. 10. 25 年齢，学歴，職種）
34. “ （家族数，月収，住居，学歴，職種）

35. 「ブイタンスキー」ソホーズのエヴェン人リスト（家族数，月収，住居，
 学歴，職種）
- 36-1. 「レーニンスキー」ソホーズの職員リスト（職種，生年）
 // -2. // 狩猟者
 // -3. 「レーニンスキー」ソホーズのサクルィル支部酪農場労働者
 // -4. // 機械化技術要員
 // -5. // 縫製職人，毛皮獣飼育者
 // -6. // 雑役夫
 // -7. // トナカイ飼育者
37. トナカイ飼育者リスト（群別）
38. トナカイ飼育者の月収
39. 牛・馬・トナカイの飼育頭数（個人別）
40. エヴェノ・ブイタンスキー地区の遊牧民リスト（トナカイ，トナカイ・馬）
 1993. 7
41. エヴェン人職員リスト（家族数，平均月収，住居，学歴，職種）
 -1. チュギャシール農村ソビエト
 -2. サクルィル森林ソホーズ
 -3. サクルィル保育園
 -4. 地区文化部
 -5. 地区当局
 -6. サクルィル中学校
42. 森林ソホーズ職員リスト 92. 10（民族，平均月収，学歴）
43. 木材調達公団職員リスト 92. 10（民族，学歴，月収，配偶者の有無）
44. 税務署，土地委員会，自然保護，労働センター職員リスト 92. 10（民族，
 学歴，月収，配偶者の有無）
45. エヴェノ・ブイタンスキー地区の副業経営（3地域の家畜頭数）92. 10
46. エヴェノ・ブイタンスキー ПРО ЖКХ 従業員の平均月収
47. バタガイ・アリタの PYC 職員（男女別，民族，月収，職種）
48. エヴェノ・ブイタンスキーの住民の収入（バタガイ・アリタ，クストゥル，
 シャルガラハ）
49. エヴェノ・ブイタンスキー И П Б（医療機関?）の職員数，月収（92. 10）
50. // 医療職員・技師リスト（職種，
 生年，民族）
51. 電話料金，一時的物的援助，建築費
52. 住宅の所有状況（民族，職場，居住開始年?）
53. // //
54. 住民調査表（生年月日，民族，職場，収入，年金・手当，住居，家族など）
55. 家具・家電製品の所有状況
56. 地区の所有状況（施設・設備，家畜，生産高，面積）93. 5
57. エヴェノ・ブイタンスキー地区の子供の健康診断結果
- 58-1. 社会保護課の報告（障害者，各種援助）
- 58-2. 貧困層住民リスト

59. 保健所の調査(病名別病人数, 民族, 出生者数) 91-92
60. 健康管理表 91. 1. 1-10. 25 (大人と子供の病人数, 病名, 民族)
61. 放射線量測定データ(89. 1. チュギャシール農村ソビエト)
62. ユンキュル川の水源地検査報告(1990)
63. 請負契約書(住宅のボイラー交換: コーペラチフと社会保護基金間の契約)
64. 申請書(困窮者にテレビを与えるよう) 92. 11
65. 北方少数民族省宛て陳情書(年金生活者・障害者の住宅建設)
66. " (エヴェノ・ブイタントイスキー地区少数民族協会:
緊急物質的援助)
67. 緊急に物的援助を要するチュギャシール農村ソビエトの少数民族リスト(91.
10)
68. 推薦状(ロシア国民経済功労者の称号授与) 92. 11
69. サハ語文書(人民代議員地区会議あて)
70. 人民代議員地区会議の討議に付される地元住民の諸問題に関する質問
71. 北方民族協会より全エヴェン人大会開催の呼びかけ(エヴェノ・ブイタントイ
スキー支部あて)
72. エヴェン人住民の社会・経済的状況
73. 狩猟禁止および「レッド・ブック」記載の鳥獣
74. ヤクーチアの自然と稀少植物
75. 薬草
- 76-1. 動植物・昆虫名 サハ語・ロシア語対訳
- "-2. "
77. 北方少数民族概要(抜書: ハンティ, マンシ, ネネツ, ヌガナサン・・・)
78. サハ語文書(申請書)
79. "
80. サハ語新聞 1992. No. 10
81. " 1993. No. 49
82. " 1993. No. 50
83. レコード・プレイヤー配線図
- (84. ゴールヌイ地区家畜数 93. 7)
- (85. " 88-92 牛, トナカイ, 馬)

注: 84, 85は別の地区(ヤクーツク西方のゴールヌイ)で収集した資料の一部

1. 『エヴェノ・ブイタンスキー地区 1989年制定』
 - 1. 人口
 - 2. 民族・言語別区分
 - 3. 人口動態
 - 4. エヴェン人の教育
 - 5. エヴェノ・ブイタンスキー民族区概要
 - 6. 施設・家畜・機械の所有状況、用地面積、畜産物等生産高
 - 7~9. ヤクート語資料
 - 10. 植物
 - 11. 動植物名 ヤクート語・ロシア語対訳
2. エヴェノ・ブイタンスキー地区各種データ
(民族別人口、地区新聞の購読状況、農産物生産高、用地面積、基本建設、輸送、商業・日常サービス、教育・保健、文化・スポーツ、組織への加入状況)
3. 『エヴェノ・ブイタンスキーの社会・経済的状況』 1994. 2. 7
 - 1. 人口 (1994. 1. 現在)
 - 2. 教育、保健、文化
 - 3. 肉の生産高 (予想、達成)
 - 4. 肉の買付け量、公共外食用肉のための支出、購入可能な牛乳の量
 - 5. 総搾乳量、1頭当り平均搾乳量、牛乳の購入量
 - 6. 毛皮生産高
 - 7. 干草生産高、飼料生産高、飼料保有量 (干草)
 - 8. 牛の飼育頭数
 - 9. 馬 //
 - 10. トナカイ //
 - 11. 子牛の出入
 - 12. 子馬の //
 - 13. 子トナカイの出入
 - 14. 家畜 (成獣) の生産外の消失 牛、馬、トナカイ
 - 15. 家畜の保有率
 - 16. 狩猟頭数
 - 17. 農業用車両等保有台数
 - 18. 出生・死亡・結婚・離婚、転入
 - 19. 一時的労働不能者・負傷者、年金基金局による国家予算外の支出
 - 20. 社会的援助
 - 21. 商取引、有料サービス
 - 22. 企業・組織の決算
 - 23. 投資利用高
 - 24. 肉の政府注文高 (牛、馬、トナカイ)

4. サクルィル中学校教材 (1993.1.)
 - 1. エヴェノ・ブイタンスキーの歴史
 - 2. 経済発展の概観
5. 住民台帳 (氏名、生年月日、民族、居住地区、勤務先、年金)
6. 年齢別人口 1992年半期
7. 地区別人口 (定住、現住 (男女別)) 1994.1.
8. 3地区男女別・年齢別人口 (1994.1.)
9. 出生・死亡者数、結婚・離婚件数
10. 1993年出生児リスト (生年月日、民族)
11. 1993年死亡者リスト (上半期?)
12. 少数民族人口 (ネネツ、エヴェンキ、エヴェン、ドルガン) 1994.1.
13. ジャルガラハの子供 生年別
14. シングルの母親と子供の数
15. バタガイ・アリタの子沢山の母 (子供の名前、生年月日) 1993.8.1.
16. 大学生リスト (地区別、大学名)
17. 障害者リスト (地区別、等級 (I、II)、民族)
18. БОИメンバーの障害者リスト (地区別、等級、働いているか、手当、子供の数)
19. 障害児リスト (地区別、生年、民族)
20. 障害者証明書
21. 年金生活者リスト (地区別、生年)
22. 障害者・年金生活者の施設入所のための必要書類
23. 施設入所申請書添付書類№1 (社会保障局)
24. 貧困層の住民リスト (民族、勤務先、住居、生活状況)
25. ЭБ МПМК職員 行政命令№260該当者 (従軍者、多子・障害児の家族)
26. 『ヤクーチアのエヴェン人』
 - 1. 北方諸民族の人口
 - 2. エヴェン人の人口区分 (男女別、母語別、都市・農村部、年齢別)
 - 3. " 男女比 (都市・農村部)
 - 4. " 既婚・未婚者数 (年齢別、都市・農村部)
 - 5. " 学歴 (都市・農村部)
 - 6. " 地区別人口
 - 7. すばらしきかな、わが民族
 - 8. エヴェン人のモラル
 - 9. 十二宮
 - 10. わが民族の歴史
27. 1990-1991年 先住民の社会・経済的状況
28. バタガイ・アリタ エヴェン人に関するデータ (1993.7.)

(エヴェン人人口、未就学児、幼稚園・保育園児、生徒、住居所有状況、副業経営、兵役、学歴)
29. ニジネ・ブイタンスキーのエヴェン人先住民リスト (住居、収入、個人所有の家畜、学歴、健康状態)
30. 児童施設に入っていない3才未満のエヴェン人の子供リスト

31. エヴェン人の子供リスト (クストゥル幼稚園、クストゥル保育園)
32. エヴェン人の生徒リスト (K C III クストゥル中学校?)
33. 大学、中等・専門学校進学者、出願者 (エヴェン人、大学・学校名)
34. エヴェン人労働者 (職場別、家族数、収入、住居、学歴、職種、家畜)
35. ヴェルフネ・ブイタンスキー地区のエヴェン人 (生年、学歴)
36. 兵役に就いているエヴェン人 (生年、召集年)
37. エヴェン人年金生活者リスト
38. エヴェン人の伝統的な食べ物
39. 1994年 地方産農産物のサハ共和国諸都市、産業センターへの供給に関する政令 (1994.2.12) および付属文書1・2 (肉・バターの輸出高)
- 40-1. 1994年 農業生産者の国家援助に関する政令 (1994.2.12)
 - 2. 同 付属文書1 ウルス別買付け量 (牛乳、牛、じゃがいも、野菜、穀物)
 - 3. " 2 地方産農産物の価格形成に関するウルス調停委員会の規則
 - 4. " 3 価格経済区域の構成
 - 5. " 4 農業生産者への国家援助額
 - 6. " 5 農業生産者に対する国家の財政援助に関する規則
41. 政令№1 ウルス調停委員会の会議出席者及び議題 1994.3.4
42. エヴェノ・ブイタンスキーの肉・牛乳の買付け計画 1994年
43. " 牛乳の供出計画 1994年
44. " 肉の供出計画 1994年
45. 『農業 1994.1.1』
 - 1. 調停委員会による買付け価格 (トナカイ、牛、馬、子馬の肉)
 - 2. エヴェノ・ブイタンスキー地区農場の配合飼料・穀物飼料の需要申告
 - 3. 毛皮の買付価格の最高水準引き上げに関する命令
 - 4. 「サハ・フアーマー」設立に関する大統領令 1994・3
 - 5. トナカイ飼育民族株式会社「タバ」の事業計画 1994
 - 6. トナカイ飼育株式会社「タバ」参加者の大会決議 1994・2・24
 - 7. 政令に基づく保障
 - 8. 越冬対策
 - 9. トナカイ飼育民族株式会社「タバ」の地区当局への結果報告 93・12
 - 10. 39に同じ
 - 11. 私的部門用備蓄(?)
49. " バタガイ・アリタ
50. ヴェルフネ・ブイタンスキーのトナカイ・馬飼育者リスト 1993・7
51. クストゥルのエヴェン人遊牧民リスト
52. 「レーニンスキー」農業会社のトナカイ飼育者リスト
53. 少数民族遊牧民人口 1994・1
54. クストゥルのエヴェン人遊牧民リスト
55. エヴェノ・ブイタンスキー地区に住むトナカイ・馬飼育者、狩猟者
56. 地区別トナカイ飼育数 (トナカイの種類別) 1994・1
57. 施設別家畜頭数
58. 「チュギヤシールスキー」農村ソビエト各戸別トナカイ頭数 1994・1

59. 「ニジネ・ブイタンスキー」農村ソビエト各戸別トナカイ頭数 1994・1
60. 「ヴェルフネ・ブイタンスキー」 ”
61. 北方少数民族の起源
62. エヴェノ・ブイタンスキー地区全図 50万分の1

その他、サハ語資料若干

付記

以上の資料はバアタガイ・アリタにおいて借り出し、あるいは寄贈され文書類を整理・翻訳したもので233ページ以下にあるように大部分ロシア語である。プライバシーに関わるものを含んでおり、本学術調査に直接関係のない資料はお見せできないことをお断わりする。

なお、これらの資料の紹介と若干の分析をした論文としてつぎの2点がある。

1. 齋藤晨二：エヴェノ・ブイタンスキー地区（ウルス）とその住民
「名古屋市立大学教養部紀要（人文社会研究）」第40巻 1994.12. pp.27～50
2. 齋藤晨二：ヴェルホヤンスキー山脈東麓のエヴェン人
北大スラブ研究センター「スラブ・ユーラシアの変動 領域研究報告書」印刷中

ЗАКОН о кочевой родовой общине малочисленных народов Севера

北方少数民族遊牧氏族共同体に関する法律

(翻 訳 吉 田 睦)

I. 一般規定

第1条 遊牧氏族共同体

遊牧氏族共同体は北方少数民族の生活様式、文化、言語の復興、保存及び発展のために創設される。

移動・遊牧的性格を伴う自然利用及び経営の特殊形態としての共同体は、その構成員の市民的、経済的、政治的、社会・文化的諸権利・自由を保護し、自然資源を伴う伝統的居住領域を維持する。

共同体創設の基本的諸原則は、伝統的諸経済活動の実施、自発性、伝統的生業及び操業のための土地の存在、共同体の構成員の精神的統合、指導機関の選挙任命制である。

共同体は、国家経済システムの同等の一環であり、その保護を享受する。

第2条 共同体の構成員

共同体の構成員には、エヴェン、エヴェンキ、ユカギール、チュクチャ、ドルガン及びそれらの家族、並びに共同体の領域に常住し北方少数民族と同様な伝統的生活様式を送っているヤクーツアの現住民族の代表者及びその他の北方民族集団が成り得る。

共同体の領域内に常住する未成年者、年金取得年齢者、労働能力喪失者、非就労身体障害者は、加入手続なしに共同体の構成員とみなされる。

これらの者には共同体の構成員の権利、義務、特典が適用される。

共同体の構成員には、個人の申請による共同体からの脱退の権利が供与される。この場合、共同体の構成員及びその家族には基本、流動、財政及びその他の資金の部分（取り分）が供与される。

第3条 共同体創設の手続

共同体は北方少数民族の代表者並びに共同体の領域内に常住する現住民族及びその他の北方民族集団の意図表明により創設される。共同体創設の決定は共同体創設の意図表明者の総会における単純多数決により採択される。

共同体の創設及び活動を阻止することは認められない。

第4条 共同体の登録

共同体は地区行政当局による関係書類の出願日から2週間以内に登録され、登録証及び永久土地利用権証書を取得する。

共同体は登録後法人及び独立・経済単位となる。本法に基づき採択された規約、名称、象徴を有し、銀行機関に会計口座及び外貨口座を開設する。

第5条 総会

共同体の成年構成員の総会は最高自治機関であり、生産、社会・文化発展の全ての諸問題を解決する権限を有する。

総会は共同体の成年構成員の3分の2以上の参加により参加者の単純多数決により決定を採択する権限を有する。

共同体の構成員の総会は以下の諸決定を採択する。

—共同体評議会、共同体の長、監査委員会の選出に関する決定

共同体評議会及び共同体の長は5年の任期をもって選出され、共同体の執行命令機関であり、その権限は共同体規約により決定される。

—規約の採択、規約の修正及び追加、共同体の名称、場所及び象徴共同体への加入及び脱退、共同体の長の決定の承認及び撤回、契約に基づく管理職員の採用、対外経済契約の締結に関する決定

—地条、漁撈・狩猟用地の境界の共同体構成員に対する経営体内固定及び変更、氏族、種族、家族、個人の土地の分配に関する決定

—通年の共同体の生産・財政活動及び社会発展に関する長の報告の承認、支出金の方向及び金額、収入の分配の条件及び手続に関する決定

共同体の総会は年に1回以上開催される。

第6条 地方自治機関との協力活動

共同体の地方自治機関との協力活動はサハ（ヤクーチア）共和国の法令に基づき規定される。

II. 共同体の所有

第7条 共同体の所有

共同体の集团的所有たるものは、生産された生産物、狩猟、漁撈その他の操業活動の生産物、基本及び流動基金、財政及び外貨資金、国営企業・組織から引き渡された財産、共同体の構成員の労働により獲得された資金及びその他の資金である。共同体の所有物は行政的手続によって強制収用及び没収され得ない。

III. 共同体の土地

第8条 共同体の土地利用

土地、更新可能な自然資源、農業、狩猟、漁撈用地はサハ（ヤクーチア）共和国憲法に基づき共同体にあらゆるカテゴリーの土地より構成されるトナカイ放牧場、水域、森林及び狩猟用地を伴う単一の総体及び区域として、無期限の使用のため、無償で引き渡される。

共同体の使用のために引き渡された土地は、北方少数民族及びヤクーチアの先住民族に代表されるサハ（ヤクーチア）共和国の諸民族の財産であり、これらの同意なく伝統的生業に関連しない産業その他の開発行為のために接収され得ない。

第9条 共同体に対する土地申請手続

共同体の使用する土地は、地方自治機関の決定により国家証書の発行を伴って提供される。

共同体の土地利用の境界は生産的遊牧活動の主要ルート、人員数、專業状況、及びその他の共同体の正常な生業活動を保障する状況を考慮して伝統的生業及び操業区域の範囲内で確定される。

何等かの例外的理由で産業活動その他の国家的需要のために使用されている伝統的生業及び操業活動区域の土地の返還が不可能な場合には、共同体には、同一区域内の他の場所にある伝統的経済活動たるトナカイ飼養、漁撈、狩猟業の経営を保障する同等の価値を有する土地が割り当てられる。国家的需要のための土地の共同体の土地からの没収及び同等の価値を有する土地の提供

に関する関係書類の手続は、サハ（ヤクーチア）共和国政府の事後の承認を伴う形で地方自治機関により実施される。

第10条 伝統的自然利用用地のストック

地方自治機関は未使用のトナカイ放牧場、狩猟、漁撈用地、並びに農業企業、国営工業企業、その他の土地利用者及び土地所有者により引き渡される土地のストックから伝統的自然利用用地のストックを創設する。

第11条 土地紛争の解決

土地の紛争はサハ（ヤクーチア）共和国及びロシア連邦の法令に基づき地方自治機関、裁判所ないし仲裁裁判所により解決される。

第12条 土地の保全及び生物・自然資源の再生産の保障

自然人、企業、組織による共同体の土地における操業的狩猟及び漁撈、マンモスの牙、マンモスの死骸及びその他の古生物学的標本の探査及び調達に共同体との合意により許可される。

共同体は国家機関、社会团体と協力して共同体の領域内で経済活動をする国営その他の企業、組織、個人の活動の契約義務、自然保護関係法令の遵守に関する検査を任意の時に実施する権利を有する。

検査の結果如何で共同体は契約義務、生態学的規定の違反の除去、損害の補償、土地その他の物件の提供に関する契約の撤回に至るまでのその他の措置を要求する権利を有する。

春期、夏期、秋期に用地における車輛機器の稼働は停止される。犬、家禽、毛皮獣その他の動物、野禽類、魚類の捕獲用具の共同体の用地への持込みは、当該用地の利用者との合意により許可される。

共同体は資源保護的自然利用のため用地の資源をその目的に応じて利用し、その保全と再生産を保障し、自然保護措置を取り、自己の経済活動の結果生態学的状態及びバランスを悪化させないようにする義務を有する。

第13条 共同体の用地

共同体は自己の構成員の間で用地を自主的に分配し、その境界及び利用手続を決定する。

第14条 用地利用者の保護の一般手続

用地利用者の権利及び法的利益は、サハ（ヤクーチア）共和国の法令、法律に規定される手続により締結された協定に基づき権利の保護の対象となる。地方自治機関は用地の保全、土地利用者の権利と利益の保護、その権利の自然人、組織、企業、施設による不法な侵害行為の阻止に関する必要な措置を取る義務を有する。

蒙った物質的損害は完全に補償されなければならない。

第15条 用地利用者の蒙った損失の補償

土地の不法な接収、自然資源の不当な利用、土地、水域及びその他の資源の利用手続の違反による用地に対する損害、並びに所有者の財産に対するその他の損失がもたらされた場合、責任者（企業、組織、施設、市民）はそれらを完全に補償する義務を有する。

IV. 共同体の伝統的自然利用及び社会経済活動の保障

第16条 共同体による生物資源の利用の優先的権利

北方少数民族の遊牧共同体、家族及び個々の代表者には、当該民族の居住及び経済活動地において再生産可能な生物資源の利用に対する契約締結及び利権獲得の優先的権利が供与される。

共同体の構成員は自己の家族の食料維持のため、狩猟用地及び水域（産卵場を除く）において法令により許可された全ての捕獲用具により、野性の有蹄類、野禽類の捕獲及び魚類の捕獲（レッドデータブックに記載されたものを除く）を行う権利を有する。

共同体の所有地においては、互恵の条件に基づき共同体との合意により、伝統的生業に従事しかつ北方少数民族の組織に関係しない農業経営企業、会社、その他の生産・商業機構を設立することが出来る。

第17条 共同体の財政的保障

地区予算及び共和国予算には以下の資金が計上される。

- 住宅・公共事業、公共的所有に引き渡される共同体の社会的分野の維持費
- 種畜事業及び獣医サービスの組織に関する費用
- 建設、生産物加工・貯蔵、地域集中暖房化、ガス化、通信、上下水道、域内道路及びその他の生産物件関係企業の建設費
- 極北及びその同等地域における労働に対する地域係数及び割増金の支払に際する損失補填に関する補償費、並びに機器、飼料、燃料・潤滑油価格の高騰及び航空手段その他の交通機関利用費に関する支出の部分的補償費
- 航空写真測量事業、土壌・土地植生調査の実施費、土地開発計画事業費

第18条 共同体に供与される特典

共同体から受け取る共同体の構成員の所得は非課税である。

共同体、その連合及びその他の団体は、現行の法令に基づき税金、地代、その他の料金徴収及び手数料の支払から免除される。

共同体にはクレジットに関する特典的条件が適用される。

第19条 行政機関及び公務員による不法行為の抗告

共同体は共同体及びその構成員の権利を侵害した行政機関及び公務員による不法行為に対し法律に規定された手続により地方人民代議員ソヴィエトないし裁判所に抗告し、並びに当該不法行為により蒙った損失の補償を要求する権利を有する。

V. 共同体の活動

第20条 共同体の生産活動

共同体は、再生産可能な自然資源、農業、狩猟・漁撈用地を無期限に使用する権利を享有しつつ、自己の利益に基づき自己の活動の方向、機構および生産規模を自主的に決定する。

その際家畜トナカイ、野生の有蹄類、毛皮獣及び操業用魚類の保存及び再生産を保障する。

自己の構成員の雇用保障のため、共同体はサハ（ヤクーチア）共和国及びロシア連邦の法令に規定された手続によりあらゆる種類の活動に従事する権利を有する。

共同体は合併企業活動の組織と調整のため、協会、連合及びその他の団体を創設しそれに加盟する権利を有する。

第21条 共同体の生産物の販売手続

共同体は生産した生産物を自主的に管理し、国営調達組織、国営・自由販売、協同組合商業網、及びその他の消費者に自己の裁量で販売する権利を有する。

共同体は商品の品質・衛生規格及びその他の基準に関する現行の規範を遵守する義務を有する。

共同体は生産される生産物の価格を自主的に確定する。

国家は需要を有し品質基準に合致する共同体の生産物を既定の国家買付価格、契約価格、その他の価格による支払を伴う契約に基づき受け取る。

第22条 共同体の物質的・技術的保障

共同体は、農家経営・夏期牧畜経営のために特別に割り当てられた基金の資金を含め国家調達組織のシステムの中で正常な活動の実施のために必要な物質的・技術的資源を獲得する。

物質的・技術的資源の納入は、調達機関により実施される。その他に共同体はあらゆる企業、組織、住民、並びに国営、自由販売商業網において物質的・技術的資源を獲得し得る。

第23条 共同体における記帳および会計報告

共同体は労働の成果を記帳する。

国家機関は、土地利用、国家融資の利用、労働保護、家畜の病気予防、自然保護関連法規の遵守に関して、共同体の活動を監視する。

第24条 共同体の構成員の国家社会保険及び社会保障

共同体の構成員は国家社会保険に加入する義務を有する。

共同体は社会保険年金基金に規定の額の払込を行う。

共同体の構成員は、労働者、事務員と同等の一次的労働不能手当、その他の手当及びその他の国家社会保険に関するサービスが保障され、共同体の女性構成員には、その他に産前・産後休暇、就労女性のために規定されるその他の休暇及び特典が供与される。

共同体の構成員及びその労働力を提供する契約を締結した市民には、共同体における労働時間は、労働手帳の記載に基づき総合的・継続的勤続労働として総計される。

共同体の構成員には、国家の規定した額の指定年金が維持される。

共同体は、職務の遂行に関連した、共同体の構成員、その労働力を提供する契約を締結した市民の蒙った損害、廃疾ないしその他の健康の損失に対する物質的責任を負う。

共同体の構成員及びその労働力を提供する契約を締結した市民の労働活動の算定は共同体が自主的に行う。

共同体は安全な労働条件、最低賃金、国家の規定した期間より少なくない基本・追加休暇の供与、物質的奨励制度の確立及びその他の特典を保障する義務を負う。

共同体の構成員には無料の医療保健、教育が適用される。

VI. 共同体の活動の停止

第25条 共同体の解消

共同体は総会の決定により解消し得る。解消は共同体により創設される解消委員会により実施される。共同体の解消は地方プレスに公表される。

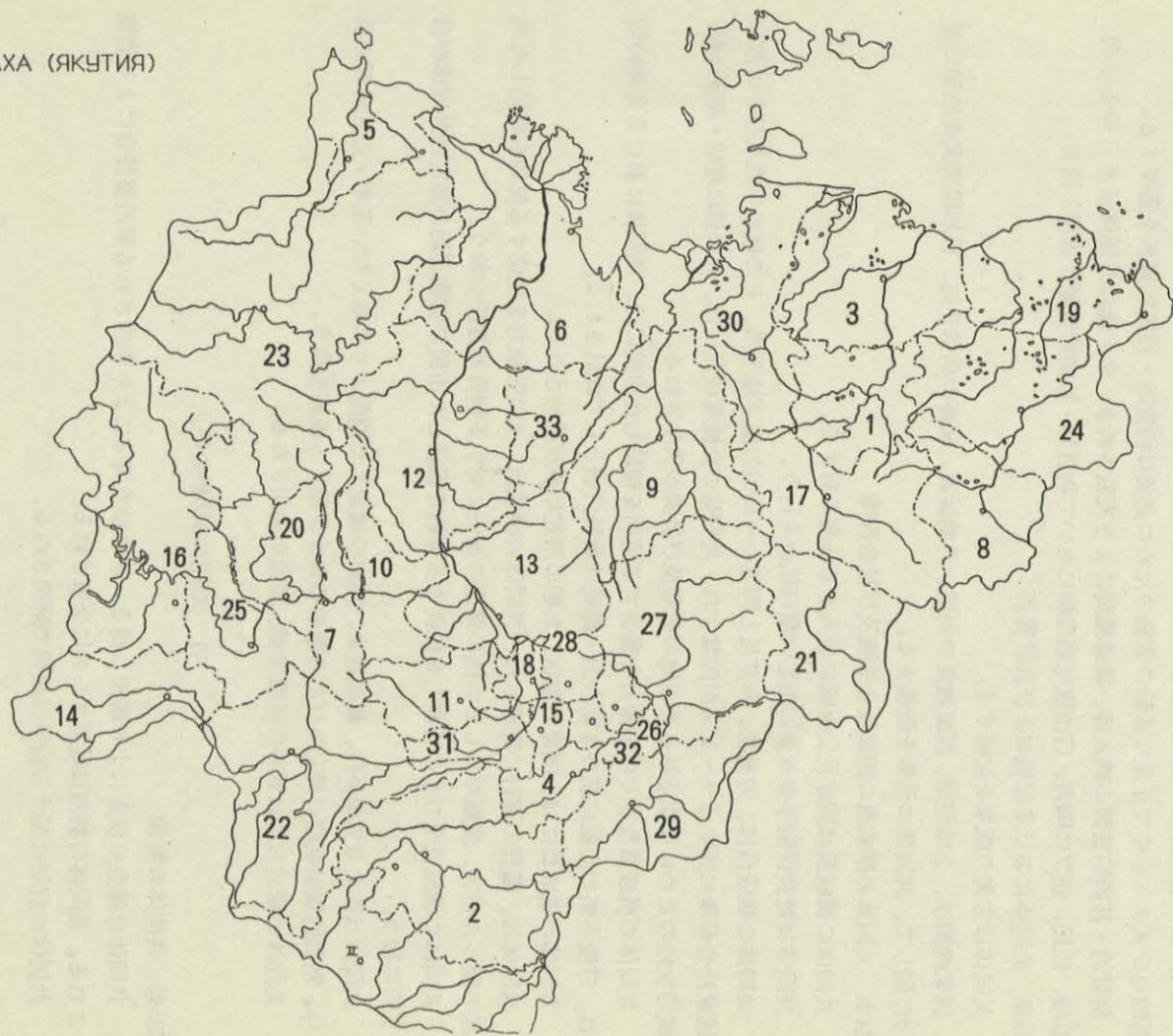
共同体の解消に関する紛争は裁判で解決される。

サハ（ヤクーチア）共和国最高会議議長 I. イワノフ

ヤクーツク市 1992年12月23日

第1278-XII号

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)

Наименование улусов

наименование центра улусов

1. Абыйский	пгт. Белая Гора
2. Алданский	г. Алдан
3. Аллаиховский	пгт. Чокурдах
4. Амгинский	с. Амга
5. Анабарский национальный	с. Саскылах
6. Булунский	пгт. Тикси
7. Верхневиллюйский	с. Верхневиллюйск
8. Верхнеколымский	пгт. Зырянка
9. Верхоянский	пгт. Батагай
10. Вилюйский	г. Вилюйск
11. Горный	с. Бердигестях
12. Жиганский	с. Жиганск
13. Кобяйский	пгт. Сангар
14. Ленский	г. Ленск
15. Мегино-Кангаласский	с. Майя
16. Мирнинский	г. Мирный
17. Момский национальный	с. Хонуу
18. Намский	с. Намцы
19. Нижнеколымский	пгт. Черский
20. Нюрбинский	пгт. Нюрба
21. Оймяконский	пгт. Усть-Нера
22. Олекминский	г. Олекминск
23. Оленекский национальный	с. Оленек
24. Среднеколымский	г. Среднеколымск
25. Сунтарский	с. Сунтар
26. Таттинский	с. Ытык-Кюель
27. Томпонский	пгт. Хандыга
28. Усть-Алданский	с. Борогонцы
29. Усть-Майский	пгт. Усть-Мая
30. Усть-Янский	пгт. Депутатский
31. Хангаласский	пгт. Покровск
32. Чурапчинский	с. Чурапча
33. Эвено-Бытантайский	с. Батагай-Алыта
	г. Якутск
	г. Нюрюнгри

研究代表者 齋藤晨二
シベリア牧畜民の民族学的研究
文部省科学研究費補助金、
国際学術研究（学術調査）研究成果報告書

1996年（平成8年）3月31日発行

編集 齋藤晨二

発行 名古屋市立大学 教養部
467名古屋市瑞穂区瑞穂町字山の畑1
Tel. 052-872-5817
Fax. 052-872-1531
E-mail.Saito@cgews1.hum.nagoya-cu.ac.jp

※平成8年4月より、改組により研究代表者の所属
は人文社会学部。所在地・連絡先等は上記に同じ。

印刷 (有)松村印刷
468名古屋市天白区植田南2-805

Head Investigator
Ethnological Study of Herders in Siberia
Ministry of Education, Science and
Culture International Scientific Research
Grant Report

March 31, 1996.

Edited by Shinji SAITO

Nagoya City University
Yamanohata, Mizuho-cho
Mizuho-ku, Nagoya 467
Japan.
Tel. 81-52-872-5817
Fax. 81-52-872-1531
E-mail.Saito@cgews1.hum.nagoya-cu.ac.jp

